ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

ГОД ИЗДАНИЯ 45-й

№ 49 (4439)

5 декабря 1973 г. СРЕДА

ПРОГРАММА МИРА — В ДЕЙСТВИИ!

ПОЛИТБЮРО ЦК КПСС, ПРЕЗИДИУМ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР, СОВЕТ МИНИСТРОВ СССР РАССМОТРЕЛИ ИТОГИ ОФИЦИАЛЬНОГО ДРУЖЕСТВЕННОГО ВИЗИТА ГЕНЕРАЛЬНОГО СЕКРЕТАРЯ ЦК КПСС ТОВАРИЩА Л. И. БРЕЖНЕВА В РЕСПУБЛИКУ ИНДИЮ, ПОЛНОСТЬЮ ОДОБРИЛИ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ТОВАРИЩА Л. И. БРЕЖНЕВА ПО РАЗВИТИЮ ДРУЖЕСТВЕННЫХ СОВЕТСКО-ИНДИЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ, ПО ОСУЩЕСТВЛЕНИЮ ПРИНЯТОЙ XXIV СЪЕЗДОМ КПСС ПРОГРАММЫ МИРА. ВСЕ МИРОЛЮБИВЫЕ СИЛЫ ПЛАНЕТЫ ПРИВЕТСТВУЮТ И ОДОБРЯЮТ ЭТИ ИТОГИ КАК НОВЫЙ ВКЛАД В ДЕЛО МИРА, ОТВЕЧАЮЩИЙ ИНТЕРЕСАМ НАРОДНЫХ МАСС ВСЕХ СТРАН.

стр. 2, 9

Сотни тысяч участников митинга индийско-советской дружбы в Красном форте (Дели) приветствовали Л. И. Брежнева и Индиру Ганди.

ВО ИМЯ ВЕЛИКОЙ ЦЕЛИ

С. С. СМИРНОВ

МНЕ довелось побывать в Индии как раз перед приездом туда Леонида Ильича Брежнева. Естественно, что во время всех наших встреч и бесед с индийскими писателями разговор неизменно обращался к предстоявшему визиту Генерального секретаря ЦК КПСС. Как и мы, советские литераторы, наши коллеги из Индии хорошо понимали, что переговоры руководителей двух стран, население которых вместе превышает 800 миллионов человек, не только послужат делу укрепления дружбы обоих народов, но и станут чрезвычайно важным звеном в решении первостепенной задачи человечества — обеспечения мира и безопасности повсюду на земле. Именно этой жизненно важной проблеме посвящена Программа мира, разработанная XXIV съездом Коммунистической партии Советского Союза. На это направлены все внешнеполитические шаги нашего государства, вся деятельность Л. И. Брежнева.

И знаменательно, что в речи Генерального секретаря ЦК КПСС, произнесенной перед депутатами парламента Индии, дан глубокий анализ действий тех кругов, которые пытаются затормозить разрядку. В противодействии мирному сосуществованию блокируются силы крайней реакции, расизма, открытого и маскирующегося колониализма, различные формы современного фашизма, то есть те же самые силы, которые воюют против социального прогресса, свободы, независимости и равноправия народов.

Вместе с тем речь посланца Советской державы была пронизана уверенным оптимизмом в отношении будущего планеты, тем оптимизмом, который опирается на непобедимую мощь мирового социализма и национально-освободительного движения.

Мы часто говорили в Индии и о том, что серия визитов и переговоров Л. И. Брежнева, в последнее время охватившая три континента,—наглядное опровержение нелепого пекинского тезиса о «сговоре двух сверхдержав». Нет, мы стремимся обеспечить мир не только двусторонними соглашениями с Соединенными Штатами, но и выковать такую прочную цепь, которая надежно опутала бы чудовище войны и не давала бы ему возможности пошевелиться ни на одном из материков нашей планеты.

Сейчас, когда визит Л. И. Брежнева остался позади, когда вся планета увидела, с каким широким радушием и сердечным теплом встретил индийский народ советского посланца мира и дружбы, когда подписаны важнейшие соглашения, мы с огромным удовлетворением и верой в будущее говорим: сделан новый решительный шаг в деле сближения народов земли, обеспечения безопасности человечества.

Высоко оценив итоги визита товарища Л. И. Брежнева в Индию, Политбюро ЦК КПСС, Президиум Верховного Совета СССР и Совет Министров СССР вновь подтвердили, что Советский Союз будет идти путем, намеченным Программой мира, принятой на XXIV съезде КПСС. Советский Союз будет и впредь опираться на братские дружбу и сотрудничество с социалистическими странами, развивать отношения со всеми миролюбивыми государствами.

Боки РАХИМ-ЗАДЕ

НОВЫЕ ГОРИЗОНТЫ

СОВЕТСКИЕ люди, следившие все эти дни за визитом Л. И. Брежнева в Индию, испытывали чувство законной гордости и радости. Дружественный нам народ оказал горячий прием Генеральному секретарю ЦК КПСС. Плодотворные итоги этого исторического визита открывают новые горизонты дружбы и сотрудничества двух стран, отвечают интересам народов Азии, являются залогом мира и стабильности в этом районе.

Индия в прошлом году отметила 25-летие своей независимости. За истекшие четверть века она достигла значительных успехов в области экономики; вклад, внесенный ею в нормализацию положения в Южной Азии, трудно переоценить.

В Азии еще много неразрешенных проблем, здесь еще сохраняются очаги напряженности. Но поиски путей решения этих проблем, инициативы, направленные на благо мира, встречают все более широкую поддержку азиатских народов. «Превращение Азии в континент прочного мира, стабильности и доброго сотрудничества,— говорится в Совместной советско-индийской декларации, — по мнению обеих сторон, будет, безусловно, способствовать дальнейшей нормализации отношений между странами и укреплению всеобщего мира».

В один из дней визита Л. И. Брежнева в Индию я был в гостях у бригадира колхоза «Победа» Ленинского района Давида Ходжиева, отца 16 детей. В просторной светлой гостиной собралось человек пятьдесят — зятья, дети, внуки, гости — у телевизора. Мы с нетерпением ждали последних новостей — репортажа из Дели. Ребята одолевали меня: «Дедушка Боки, расскажите что-нибудь об Индии. Мне не довелось побывать в Индии, но в вспомнил строчки из «Панчатантры», книги, где собраны древнеиндийские наставления, учебники мудрости:

Кто сердцем строен,
страсти обуздал,
В чьих помыслах царит
лишь добро,
Тот и собой пожертвовать
готов,
Спасая от опасности друзей.
И еще:
Разве можно друга
оказаться
Разве можно усомниться
в друге?
Истинный твой друг —
тому ты веришь,
Словно матери своей
родной.

Мне не довелось побывать в Индии. Но я знаю, что и сегодня индийский народ верен этому наставлению — умеет ценить дружбу.

А дружба эта будет крепнуть из года в год. Визит Л. И. Брежнева — новый вклад в ее развитие, в дело плодотворного сотрудничества между СССР и Индией, в дело упрочения мира в Азии и во всем мире.

ДУШАНБЕ

Юстас ПАЛЕЦКИС

ЧУВСТВО СЕМЬИ ЕДИНОЙ

В РАДОСТНЫЙ и торжественный для каждого литовца день, когда член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС М. А. Суслов прикрепил к знамени республики орден Дружбы народов, вспомнились события сорокалетней давности. Мы с композитором Б. Дварионасом впервые приехали в Москву и, соприкоснувшись с жизнью советского народа, поразились бурным темпам этой жизни, размаху планов. В те годы буржуазная Литва топталась на месте, в ней царил культурный и промышленный застой.

Затем наступил 1940 год. Вместе с восстановлением в Литве Советской власти он принес невиданный подъем активности народных масс. С энтузиазмом взялись трудящиеся республики за выполнение задач, поставленных Коммунистической партией, по перестройке жизни на социалистический лад. И каким страшным контрастом явились последующие годы, годы войны, оставившие после себя так много руин!..

Только вспоминая прошлое, вспоминая, какими мы были, можно полностью осознать величие перемен, которые произошли в судьбе нашей республики, нашего народа. Достижения нескольких послевоенных десятилетий далеко превзошли все, о чем мы могли мечтать после освобождения республики в 1944 году, стоя у развалин Вильнюса, Клайпеды, Шяуляя, других разбитых литовских городов и сел. Ныне в Литве — прекрасные благоустроенные города, высокоразвитая промышленность, продукция которой в 39 раз превысила довоенный уровень (сегодня за девять дней производится столько товаров, сколько производилось за весь 1940 год).

Вот еще несколько цифр. В Литве — крупное социалистическое земледелие, 44 тысячи тракторов, 10 тысяч комбайнов, урожаи зерновых удвоились. Более 100 тысяч литовцев окончили в послевоенное время вузы (для сравнения: за 20 лет буржуазной власти в Литве высшее образование получили менее 5 тысяч человек)... Этот перечень можно продолжать долго.

Что же явилось основой такого расцвета всех отраслей народного хозяйства, что дало орлиные крылья культурной и промышленной жизни, которая раньше плелась черепашьим темпами? Ответ один: условия, созданные советским строем, ленинской Коммунистической партией.

Все достижения социалистической Литвы в строительстве ее экономики, повышении народного благосостояния, в развитии культуры, превращение республики в цветущий край — это результат созидательного и самоотверженного труда самого литовского народа и вместе с тем это также результат братского сотрудничества, взаимопомощи и нерушимой дружбы литовского народа со всеми другими народами нашей Советской страны, и прежде всего с великим русским народом, говорит М. А. Суслов. Братская дружба народов Советского Союза — одно из величайших завоеваний социалистического общества. Эта дружба, имея глубокие исторические корни, утвердилась на прочной социально-экономической и политической базе советского строя, в результате последовательного осуществления Коммунистической партией ленинской национальной политики.

...При огромной помощи братских народов шло послевоенное восстановление. Мы не можем не вспомнить, что уже в первые месяцы после освобождения нашей республики было создано Бюро ЦК ВКП(б) по Литве, которое возглавил М. А. Суслов. Вновь оказало неоценимую помощь партийной организации Литвы. Поэтому особо знаменательно, что орден Дружбы народов Советской Литве вручил именно М. А. Суслов.

Новый орден на знамени Советской Литвы — это не только признание заслуг нашей республики, это призыв к новым победам в едином строю со всеми народами нашей великой Родины.

ДЕКАДА БРАТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Во Всесоюзной государственной библиотеке иностранной литературы торжественно открылась Декада югославской книги, приуроченная к национальному празднику СФРЮ — Дню республики и 30-летию второй сессии Антифашистского веча народного освобождения Югославии. Декаду открыл заместитель председателя Госкомиздата СССР Г. М. Мартиросян. С теплым словом к собравшимся обратился советник посольства СФРЮ в СССР А. Джурович, выступили также Борис Слуцкий и Фелинс Кузнецов.

Югославская книга широко шагнула на полки советских библиотек, давно нашла путь к сердцу нашего читателя. Первое место среди переводов произведений югославских авторов занимает художественная литература. За годы Советской власти издано 339 книг прозаиков и поэтов Югославии на 18 языках народов СССР, а их тираж составил 14,6 млн. экземпляров. На выставке, развернутой в залах Всесоюзной государственной библиотеки иностранной литературы, представлено свыше 600 названий художественной, общественно-политической и научно-технической литературы братской Югославии. В московском магазине «Дружба», в центральных книжных магазинах Ленинграда, Новосибирска, Киева, Тбилиси в дни декады организована расширенная продажа книг из Социалистической Федеративной Республики Югославии.

Г. ГРИГОРЬЕВА

ПРЕСС-КОНФЕРЕНЦИЯ

8 000 000 000 КНИГ

В Москве состоялась пресс-конференция советских и иностранных журналистов, посвященная вопросам издания в Советском Союзе произведений художественной литературы. На пресс-конференции выступил председатель Государственного комитета Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли Б. И. Стукалин.

— С 1918 по 1972 год, — отметил Б. И. Стукалин на пресс-конференции, — в СССР издано более 250 тысяч названий книг художественной литературы общим тиражом, превышающим 8 миллиардов экземпляров.

Книжное дело в СССР является одним из эффективных средств развития духовного обмена между народами, укрепления их дружбы и взаимопонимания, сплочения в борьбе за мир и социальный прогресс.

В заключение Б. И. Стукалин ответил на вопросы советских и иностранных корреспондентов.

ВСЯ ЖИЗНЬ — ТЕАТРУ

Завтра в Государственном академическом Малом театре состоится юбилейный вечер, посвященный 70-летию со дня рождения и 50-летию творческой деятельности Михаила Ивановича Царева.

Народный артист СССР М. Царев за долгие годы работы на сцене создал немало образов, вошедших в золотой фонд советского театра. Зрители хорошо помнят его Чацкого и Арбенина, Федора Протасова и Глумова, Макбета и Маттиаса Клаузена. Столь же большую известность получили работы М. Царева в пьесах советских драматургов — Огнев, Ромодан («Фронт» и «Крылья» А. Корнейчука), Вожак («Оптимистическая трагедия» Вс. Вишневского) и многие другие.

Творческая и общественная деятельность замечательного актера принесла ему любовь и признание зрителей, большой авторитет у товарищей по искусству. М. Царев — директор Малого театра, председатель правления ВТО, президент Советского национального центра Международного института театра.

Указом Президиума Верховного Совета СССР М. И. Цареву присвоено звание Героя Социалистического Труда.

— Я советский актер, — сказал Михаил Иванович корреспонденту «ЛГ», — и вся моя жизнь, творческая и общественная работа определяются этим высоким званием, ответственностью художника перед своей страной, партией, народом.

В эти дни я снова и снова с чувством глубокой благодарности думаю о своих учителях, о замечательном коллективе Малого театра, где я имею честь долгие годы работать. Думаю об удивительном советском зрителе, с которым связаны и моя художественная молодость, и моя творческая зрелость и перед которым каждое выступление столь радостно и столь ответственно. Все свои силы я и впредь буду отдавать любимому искусству, искусству, достойному нашего современника.

***

«Литературная газета» сердечно поздравляет Михаила Ивановича Царева с юбилеем и высокой наградой.

ПРОЗА

Отрывки из второй книги романа «Ивушка неплакучая» Михаила Алексеева

ПОЭЗИЯ

Дмитро Павлычко, Амо Сагиян, Марфуга Айтхожина

Неизвестные стихи Ярослава Смелякова

стр. 6—7

Человек труда — герой нашего времени

Очерк Анатолия Приставкина

стр. 10

ГЛАВНАЯ ТЕМА

СОБЫТИЕ ЭПОХАЛЬНОГО ЗНАЧЕНИЯ

ИТОГИ ВИЗИТА ГЕНЕРАЛЬНОГО СЕКРЕТАРЯ ЦК КПСС, ЧЛЕНА ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР Л. И. БРЕЖНЕВА В ИНДИЮ НАХОДЯТСЯ В ЦЕНТРЕ ВНИМАНИЯ МИРОВОЙ ОБЩЕСТВЕННОСТИ. МЫ ПУБЛИКУЕМ СЕГОДНЯ РЯД ОТКЛИКОВ ЗАРУБЕЖНОЙ ПЕЧАТИ.

Визит Л. И. Брежнева стал событием огромного политического значения. Бесспорно, этот визит войдет в историю наших связей как великая веха в развитии индийско-советских отношений и откроет новые возможности взаимного сотрудничества в области двусторонних отношений и в борьбе за мир и безопасность народов на международной арене.

«Блитц» (ИНДИЯ)

Визит Л. И. Брежнева в Индию по своему значению далеко выходит за рамки советско-индийских отношений. Во-первых, потому, что отношения между СССР и Индией оказывают существенное воздействие на общее формирование обстановки и политического климата, прежде всего в Азии. Во-вторых, визит Л. И. Брежнева представляет собой практический вклад в упрочение разрядки напряженности и распространение ее на другие районы земного шара.

«Трибуна люду» (ПОЛЬША)

Углубление советско-индийского сотрудничества будет содействовать укреплению мира и стабильности в Азии и во всем мире.

«Работническо дело» (БОЛГАРИЯ)

Общественность МНР рассматривает визит Л. И. Брежнева как мощную демонстрацию дружбы и сотрудничества между народами СССР и Индии. Индийский народ оказал такую встречу посланцу Страны Советов, сердечность и размах которой свидетельствуют о величайшем авторитете Советского Союза на международной арене.

«Унэн» (МОНГОЛИЯ)

Империалистические круги внимательно следили за этим исключительно важным событием. Оно не доставило им радости. Но оно с огромным удовлетворением встречено народными массами в Азии, Африке, Латинской Америке, всеми, кто выступает за прогресс дела всеобщего мира и безопасности.

«Дейли уорлд» (США)

Л. И. Брежнев высоко оценил миролюбивую и антиимпериалистическую политику Индиры Ганди и ее правительства и приветствовал растущий авторитет Индии в Азии и на международной арене.

«Юманите» (ФРАНЦИЯ)

Генеральный секретарь ЦК КПСС охарактеризовал отношения между СССР и Индией как образец мирного сосуществования. Советский Союз выступает за то, чтобы зона разрядки была расширена и приняла всемирные масштабы.

«Унзэр цайт» (ФРГ)

ПЯТЬ ИСТОРИЧЕСКИХ ДНЕЙ

Спартак БЕГЛОВ, Владимир СИМОНОВ,
специальные корреспонденты АПН — для «Литературной газеты»
ДЕЛИ—МОСКВА

В минувшую пятницу завершился официальный дружеский визит Генерального секретаря ЦК КПСС в Индию. Хронику этого события мы попытались совместить здесь с первыми размышлениями, которые вызывал каждый из этих пяти исторических дней ноября.

ДЕЛИ НАКАНУНЕ

Семь часов перелета из Москвы в Дели — прыжок из зимы в лето. Солнца здесь столько, что впитавшие его за день кроны цветущих деревьев, кажется, продолжают светиться и в сумерках.

Яркая синева неба контрастирует с красным и розовым камнем Раштрапати Бхаван — дворца президента Индии. У этого дворца сегодня особенно праздничный вид. Ему предстоит стать официальной резиденцией высокого гостя индийского правительства Леонида Ильича Брежнева.

С надраенного медного жерла старинной дворцовой пушки свисает толстый телевизионный кабель. В тени выстроились фургоны и автобусы со знакомой эмблемой «ТВ». Советское телевидение еще только готовится к технически дерзкому предприятию — переброске прямого телевизионного моста Дели — Москва, по которому, как мы уже знаем, непосредственно в момент их свершения были переданы в цвете важнейшие эпизоды исторического визита.

Электронные опоры «моста» — серия космических спутников «Молния» и мощная советская передающая станция «Марс», смонтированная в центре Дели. Ее гигантская светлая парабола, нацеленная ввысь, привлекает толпы любопытных делийцев. Встреча лидеров космической державы и страны, вступающей в век космоса — в 1974 году советская ракета забросит на орбиту первый индийский спутник, — диктует и космические масштабы репортажа.

ЛИКУЮЩИЙ ГОРОД

Поразительный по взрыву народного энтузиазма прием, оказанный Леониду Ильичу Брежневу, подтвердил недавнее высказывание индийского премьера о том, что отношения двух стран сегодня «лучше, чем когда-либо».

Всю ночь на 26 ноября в окрестностях Дели рокотали барабаны. Десятки тысяч индийцев — крестьян, рабочих, студентов — вытянулись в 17-километровую живую стену от аэропорта до президентского дворца Раштрапати Бхаван. В субботу и воскресенье более пятидесяти тысяч встречающих прибыли из соседних штатов Пенджаб, Харияна, Уттар-Прадеш, Раджастан.

Следование кортежа по ликующему городу под сотнями сплетенных из цветов «арок привета» было захватывающим красочным зрелищем для миллионов телезрителей, которые смотрели прямую передачу с места события. «Кто друг Индии? — скандировала толпа. — Советский Союз, Леонид Брежнев!»

В этих словах для индийцев заключено очень многое. И в первую очередь четверть века искренних и дружеских взаимоотношений двух стран, взаимоотношений, являющихся образцом мирного сосуществования. Уже восемнадцать лет насчитывает экономическое сотрудничество наших государств. За это время Индия совершила скачок в век современной индустрии и вошла в первую десятку государств мира по объему валового продукта.

Восторженный прием, оказанный советскому посланцу, объяснялся, конечно, и его личной популярностью среди индийцев. Здесь хорошо известны военные страницы биографии Генерального секретаря ЦК КПСС. Осенью 1942 года полковник Л. И. Брежнев, возглавлявший политическое руководство 18-й армии, принимал непосредственное участие в операциях на Северном Кавказе, предотвративших прорыв немецко-фашистских дивизий в Закавказье, за которым должно было последовать вторжение в Индию.

Индия помнит, что советский руководитель решительно поддержал ликвидацию остатков португальского колониализма на ее земле — освобождение Гоа, Дамана и Диу, совпавшее по времени с его первым визитом в страну в 1961 году.

Наконец, в глазах миллионов индийцев необычайно высок авторитет той мирной миссии, которой посвятил себя Генеральный секретарь ЦК КПСС. «Леонид Брежнев — выдающийся борец за мир. Политическое значение его приезда огромно. Это событие открывает новые перспективы в развитии индийско-советских отношений», — цитировала здешняя газета «Нэшнл геральд» письмо простого делийца Аттар Чанда.

У СТЕН КРАСНОГО ФОРТА

В поднимающемся с реки утреннем тумане это было похоже на штурм древней цитадели. Один за другим подкатывали грузовики, запряженные быками телеги, и цветное, гремящее барабанами и флейтами многолюдье обтекало крепость с двух сторон, заполняя гигантский, поросший травой пустырь у тридцатиметровой стены Красного форта. Многомиллионный город собирался на митинг, где выступал гость и друг Индии Леонид Ильич Брежнев.

Такие же людские толпы стекались сюда четверть века назад, когда с флагштока цитадели скользнул вниз британский «Юнион Джек», уступив место трехцветному флагу свободной Индии. С тех пор республика ежегодно отмечает здесь свой День независимости.

Есть глубокая символика в том, что город пришел слушать Леонида Ильича Брежнева к стенам Красного форта.

Недавно индийский Премьер-Министр Индира Ганди говорила о том, что национально-освободительное движение Индии развивалось под глубочайшим влиянием Октябрьской революции. Велики дружеские чувства индийского народа к северному соседу — стране за Гималаями. В 1927 году в России побывал Неру. Позднее он писал, что Октябрьская революция «заложила фундамент той цивилизации, к которой может двигаться мир».

ВОСХОЖДЕНИЕ К ВЕРШИНЕ

За два десятилетия объем промышленной продукции Индии утроился, производство зерна возросло более чем в два раза, в тысячах деревень электролампа рассеяла тьму, почти сто миллионов детей сели за школьные парты, «среднестатистический» индиец, чья жизнь обрывалась на третьем десятке лет, стал жить до пятидесяти пяти.

Трудовая Индия прекрасно поняла Леонида Ильича Брежнева, когда в речи у Красного форта он говорил о том, что социализм пробуждает творческие силы народа. Разумеется, путь общественного развития избирается не под диктовку извне. Выбор может быть сделан только самой страной. Как заметил Генеральный секретарь ЦК КПСС, это — сугубо внутреннее дело, решаемое в зависимости от национальных потребностей, расстановки классовых сил.

560-миллионный народ Индии не хочет связывать свои надежды на будущее с общественной системой, принадлежащей прошлому.

Мост к будущему здесь усматривают в мирном сотрудничестве с историческим соратником индийцев — Советским Союзом.

В речи у Красного форта Леонид Ильич сравнил сотрудничество двух стран с восхождением на вершину, когда каждый шаг открывает новые горизонты.

ПРОПАГАНДИСТСКИЕ НЕГАТИВЫ

В дипломатическом квартале Чанакьяпури возвышается угрюмая каменная коробка посольства КНР в Дели.

Из окон гостиницы «Ашока», где разместились советские корреспонденты, видно: пустынно во дворе посольства, безлюдно у гаражей. Но внутри здания кипит лихорадочная деятельность.

Судить о ней можно по истерическому накалу нацеленной на Индию маоистской пропаганды. Ее анализ не оставляет сомнений, что словесная лавина, хлынувшая непосредственно в дни визита, направляется из-за стен китайского посольства в Дели.

Идеологическая обработка маоистами индийцев началась с попытки нанести удар в спину индийско-советской дружбы путем клеветы на Советский Союз. С телетайпов Синьхуа поползли рулоны комментариев, построенных по принципу фотонегатива: белое делай черным!

Идя навстречу Индии, как и другим молодым государствам, СССР говорит: за наши станки, турбины, машины мы согласны получать не валюту, которая нужна вам самим, а товары вашего традиционного экспорта. «Проявив» этот факт в концентрированном растворе антисоветизма, Пекин обнаруживает повод для ханжеских сетований по поводу «грабежа природных ресурсов Индии».

Если Советский Союз берется помочь Индии создать крупнейший в Юго-Восточной Азии металлургический комбинат Бокаро, если уже 50 совместно построенных объектов дают стране около трети нефти и стали, пятую часть электроэнергии, четвертую — алюминия и более четырех пятых оборудования для тяжелой промышленности, то маоисты провокационно объявляют все это «советским экономическим экспансионизмом».

Как относятся индийцы к такого рода подтасовкам? В Дели у нас была полная возможность ознакомиться с мнением крупнейших авторитетов в области индустриализации. Ответственный сотрудник министерства тяжелой промышленности Индии, а еще полгода назад генеральный директор «Бокаро стил лимитед» М. Сондхи сказал в беседе с нами:

— Большой опыт совместной работы с советскими специалистами на строительстве металлургического комплекса-гиганта дает мне право заявить, что маоистская пропаганда занимается грубой фальсификацией. Экономическое и научно-техническое содействие СССР не обусловлено какими-либо политическими мотивами. Москва искренне заинтересована в подлинном прогрессе нашей страны, в реализации тех огромных потенциальных возможностей, которыми мы располагаем.

В определенных кругах, продолжал М. Сондхи, еще не отказались от идеи спровоцировать недоверие между нашими народами. Но мы знаем: СССР — искренний и надежный друг Индии.

Пропагандистский бум маоистов был приурочен к визиту. Этот факт ни у кого не вызвал удивления. Например, делийская газета «Мазерленд», представляющая, кстати сказать, оппозиционную партию, пишет: «Рано или поздно Пекин, несомненно, дал бы выход своему раздражению по поводу этого нового свидетельства индийско-советской дружбы». И далее газета отмечает «поразительную неспособность Китая понимать индийцев».

ЗАГЛЯДЫВАЯ В БУДУЩЕЕ

С балкона пресс-галереи, заброшенного архитектором под самый купол, виден весь Центральный зал индийского парламента, разлинованный пунктиром белых шапочек депутатов-конгрессистов. Ряды деревянных скамей расходятся лучами от трибуны. 29 ноября с нее обратился к членам обеих палат Леонид Ильич Брежнев.

Час спустя, когда в зале еще гремели аплодисменты, мы проинтервьюировали нескольких депутатов.

— Леонид Брежнев не только дал емкий анализ философии мира, находящей свое выражение в политике международной разрядки, за которую выступает Советский Союз, но и разъяснил значение этой политики для укрепления международной безопасности, для защиты интересов всех народов, — сказал нам министр просвещения, социального обеспечения и культуры Нурул Хасан.

— Речь Леонида Брежнева, — развил ту же мысль депутат от правящей партии ИНК Харш Дев Малавия, — тронула сердца индийских парламентариев. Она еще раз подтвердила истину, в которой мы не сомневались: будущее Азии определяется гармоничными отношениями типа тех, которые сложились между Москвой и Дели. На мой взгляд, речь Генерального секретаря ЦК КПСС и одобрение, которое она вызвала здесь, подводят достойный итог визиту. Он продемонстрировал всем развивающимся странам неисчерпаемые возможности, которые открывает перед ними сотрудничество с миром социализма.

Когда-то Джавахарлал Неру сказал, что, следуя заветам Ленина, «Россия заглянула в будущее». Сегодня, слушая посланца Москвы, избранники индийского народа как бы заглянули вместе с ним в будущее азиатского континента. Они вновь убедились в общности оценок и совпадении взглядов, определяющих принципиально новое, высшее качество взаимопонимания, которое принесли пять дней визита Генерального секретаря ЦК КПСС в Индию.

Казалось бы, пять дней — всего лишь крупица времени в истории индийско-советской дружбы, но они вобрали в себя десятилетия прошлого, подытожили опыт всестороннего сотрудничества двух великих народов и открыли его качественно новый этап.

Именно в этом — главный исторический смысл пребывания на индийской земле Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева, плодотворных переговоров советских и индийских руководителей — переговоров, завершившихся подписанием документов, являющих собою логическое развитие индийско-советского Договора о мире, дружбе и сотрудничестве.

Думается, что совместная советско-индийская декларация и долговременное экономическое соглашение между двумя странами, взаимоотношения которых, по оценке индийских и советских руководителей, стали образцом взаимовыгодного и равноправного сотрудничества государств с различными социально-политическими системами, в течение длительного времени будут оставаться в центре внимания международной общественности, миролюбивых народов азиатского континента.

НОВОЕ КАЧЕСТВО ВЗАИМОПОНИМАНИЯ

В политической области продемонстрированы жизненность Договора о мире, дружбе и сотрудничестве, подписанного в 1971 году, его полное соответствие устремлениям двух стран на международной арене, непрерывно возрастающим запросам двустороннего сотрудничества.

База этого договора оказалась достаточно широкой, чтобы обеспечить полное взаимопонимание по всем ключевым вопросам мировой политики, и достаточно прочной, чтобы служить опорой для новых начинаний в сфере экономики.

Атмосфера и характер переговоров отличались откровенностью и доверием, которые появляются не в результате эмоционального порыва, а вызревают в ходе многолетних испытаний на прочность. В кругах, близких к руководителям двух стран, отмечали, что оба лидера делились своими планами и заботами, подобно двум добрым соседям.

Перечисление общих позиций по мировым проблемам — поддержка разрядки в советско-американских отношениях, идеи европейской безопасности и разоружения, процесса нормализации на южноазиатском субконтиненте, новых усилий по установлению прочного мира на Ближнем Востоке — впечатляет не только своим количественным рядом, но и как свидетельство глубины взаимопонимания. Например, совместная позиция по Ближнему Востоку не ограничивается лишь серьезной озабоченностью, но и выражает единую, общую убежденность: справедливое урегулирование немыслимо без полного вывода израильских войск с оккупированных арабских территорий.

Мир, стабильность, сотрудничество в Азии могут быть обеспечены только совместными усилиями всех государств — таков важнейший вывод советско-индийского диалога.

НА МНОГИЕ ГОДЫ ВПЕРЕД

Мир и спокойствие в Азии утверждаются сегодня активной политикой Советского Союза, Индии, других миролюбивых государств. Так воплощается в реальность мечта Джавахарлала Неру о времени, когда народы Азии могли бы «собраться вместе, держаться вместе, развиваться вместе».

В экономической сфере новое качество советско-индийских отношений может быть выражено словами: долговременность, скоординированность планов. 18 лет прошло со дня соглашения о первом совместном начинании — строительстве металлургического гиганта в Бхилаи. Эти годы показали, что Советский Союз верен обязательствам, отлично строит, бескорыстно делится опытом, а Индия, достойный партнер в торговле, науке, технике, успешно наращивает темпы индустриализации.

Жизнь подсказывает: две страны должны координировать на многие годы вперед свои усилия во всех областях сотрудничества.

Именно в этом смысл соглашения о развитии сотрудничества в области экономики и торговли и соглашения между плановыми органами двух стран — важнейших экономических документов, подписанных в ходе визита Л. И. Брежнева в Индию.

Так Москва и Дели, обеспечивая взаимодополняемость своих хозяйственных потенциалов, заглядывают в будущее.

...В тенистой аллее Раджгхата — монумента-святыни на месте кремации Махатмы Ганди — садовники поливают небольшое деревце. Его посадил несколько дней назад Леонид Ильич Брежнев. Годовые кольца магнолии будут отсчитывать время новой главе советско-индийских отношений, открытой историческим визитом.

НЕЗАБЫВАЕМЫЙ ПРАЗДНИК КУЛЬТУРЫ

В. ПОПОВ,
заместитель министра культуры СССР

НЕДАВНО в Софии закончились Дни советской культуры в Болгарии: почти три недели продолжался этот праздник братских народов.

Главное, что определило замечательный успех Дней советской культуры в НРБ, — это та политическая обстановка, которая сегодня характеризует отношения между нашими странами. Дни советской культуры проходили в атмосфере особого подъема в братской Болгарии. Они состоялись вскоре после визита Леонида Ильича Брежнева и присвоения ему высокого звания Героя Народной Республики Болгарии, после решений октябрьского пленума ЦК БКП, посвященного итогам этого знаменательного события. Глубину дружбы, атмосферу подлинного энтузиазма мы чувствовали на встречах с партийными и государственными работниками, деятелями культуры и искусства, трудящимися, на концертах и спектаклях в столице страны, в ее больших и малых городах.

В силе любви и уважения к нашей Родине мы еще раз убедились во время празднования 56-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции. Демонстрация трудящихся Софии 7 ноября, ее жизнеутверждающий, оптимистический характер навсегда останутся одним из самых ярких наших впечатлений.

Дух братства и единства, результат последовательной политики наших партий, превратил Дни советской культуры в НРБ не только в подлинный праздник нашего многонационального искусства и культуры, но и в яркую демонстрацию незыблемости советско-болгарской дружбы, в крупное культурно-политическое событие в истории взаимоотношений наших стран и народов.

Успех Дней советской культуры в Болгарии характерен для нынешнего состояния культурных контактов СССР со странами социализма. Советский Союз осуществляет культурные связи с многими государствами мира. И вполне естественно, что основная часть нашего культурного обмена приходится на братские страны социализма.

В последние годы культурные связи Болгарии и СССР значительно расширились: это и взаимное проведение фестивалей советской и болгарской драматургии, постоянные контакты наших литераторов, кинематографистов, музыкантов, широкий артистический обмен, непосредственное сотрудничество учреждений культуры, и наконец, что весьма важно, крепкие личные деловые и дружеские связи многих советских и болгарских деятелей культуры.

Болгарские организаторы Дней советской культуры сделали очень много. Многочисленные мероприятия проходили по всей стране. Безусловно, успеху дней способствовал также высокий идейно-художественный уровень нашей культуры, представленной в своих самых ярких достижениях. Перед болгарскими зрителями выступили прославленные советские художественные коллективы, талантливые солисты. Московский Художественный театр показал два спектакля — современный, о делах нашего рабочего класса — «Сталевары», и поставленный в лучших классических традициях «На всякого мудреца довольно простоты» А. Н. Островского. Любимый в Болгарии МХАТ и на этот раз пользовался всеобщим признанием, и, вероятно, не будет преувеличением сказать, что театр провел одни из самых лучших своих зарубежных гастролей.

Подлинный триумф снискала балетная труппа Ленинградского государственного академического театра оперы и балета имени Кирова. С неизменным интересом встречались выступления Центрального театра кукол под руководством С. В. Образцова. Концерты выдающихся советских музыкантов-исполнителей проходили не только в Софии, но и во многих других городах.

Трудно, просто невозможно в газетной статье перечислить имена всех советских участников Дней культуры, но назвать хотя бы часть видных представителей советского искусства необходимо, чтобы у читателя сложилось верное представление об этом прекрасном празднике искусства.

Театральное искусство нашей страны представляли в Болгарии такие замечательные мастера, как Герои Социалистического Труда А. Н. Грибов, С. В. Образцов, Н. М. Ужвий, председатель Всероссийского театрального общества, народный артист СССР М. И. Царев, народные артисты СССР А. П. Зуева, А. П. Георгиевская, В. Я. Станицын, М. М. Яншин, Н. В. Массальский, М. И. Прудкин и другие известные актеры МХАТа. Советский балет был представлен ленинградской труппой во главе с народной артисткой СССР И. Колпаковой. На открытии дней в концерте на сцене Софийской оперы выступили народные артисты СССР Н. Тимофеева и В. Васильев.

В Днях культуры приняли участие народная артистка СССР, лауреат Ленинской премии Людмила Зыкина и народная артистка СССР Евгения Мирошниченко, ленинградский дирижер Юрий Темирканов, киргизский певец Булат Минжилкиев и молодые талантливые музыканты Владимир Спиваков и Аркадий Севидов.

Неизменным успехом пользовались творческие вечера популярного советского композитора, народного артиста СССР В. Соловьева-Седого.

Программа Дней советской культуры была исключительно насыщенной. Болгарским зрителям были показаны выставки работ советских художников и советского политического плаката. Плодотворные встречи со своими коллегами провели председатель правления Союза художников СССР Н. Пономарев, народные художники СССР М. Аникушин и Т. Салахов.

Отдельно хотелось бы рассказать о Декаде советской книги. Классическая и современная советская литература пользуется в Болгарии особой любовью. Те советские люди, кто был 3 ноября в городе Сливене, навсегда запомнят замечательный праздник советской книги, во время которого состоялось шествие и театрализованное представление с «участием» героев любимых болгарскими читателями произведений нашей литературы.

Делегация советских писателей, возглавляемая Вадимом Кожевниковым, провела множество встреч. Самого Кожевникова встречали не только как известного писателя, но и как бывшего офицера Советской Армии-освободительницы, вступившей на болгарскую землю в сентябре 1944 года.

Очень широко прошел фестиваль советского кино: демонстрировались киноленты прошлых лет и новые наши фильмы «Укрощение огня», «А зори здесь тихие...», «Самый последний день» и др. Делегацию деятелей советской кинематографии возглавлял народный артист СССР Сергей Герасимов.

Нет возможности назвать все мероприятия Дней советской культуры. Нужно, однако, отметить, что наши болгарские друзья чрезвычайно много сделали своими силами — организовали различные выставки, посвященные культуре Советского Союза, провели концерты и вечера советской поэзии и песни.

Весь ход Дней советской культуры широко освещался болгарским телевидением, радио, газетами.

Состоялись и деловые двусторонние встречи официальной советской делегации, возглавлявшейся министром культуры СССР Е. А. Фурцевой, с руководством Комитета по культуре и искусству НРБ, его председателем, известным болгарским поэтом П. Матевым, встречи представителей творческих союзов обеих стран. На них обсуждались новые планы, предложения, направленные на дальнейшее углубление и развитие культурных связей между СССР и НРБ.

Успех Дней советской культуры в братской Болгарии был бы невозможен без постоянного внимания, которое проявляли к этому большому событию, к советским участникам, руководители БКП и правительства Болгарии, лично товарищ Тодор Живков, общественные организации страны, и прежде всего Всенародный комитет болгаро-советской дружбы, местные партийные и государственные органы.

Большой группе деятелей советской культуры были вручены юбилейные медали «90 лет со дня рождения Георгия Димитрова». Вручая медали, Первый секретарь ЦК БКП, Председатель Государственного Совета НРБ товарищ Тодор Живков отметил большое значение Дней советской культуры, духовного общения наших народов в деле дальнейшего укрепления братства и единства СССР и Болгарии.

Дни советской культуры прошли, но впереди — новые задачи совершенствования и углубления культурных связей с братской Болгарией, со всеми социалистическими странами.

1974 год — год тридцатилетия освобождения Болгарии. Этой знаменательной дате будут посвящены Дни болгарской культуры в СССР в начале сентября будущего года. Успешное их проведение послужит дальнейшему укреплению братского союза наших стран и народов, основанного на единстве целей и незыблемой идеологической общности.

Союзу венгерских писателей
Будапешт, VI,
ул. Байза, 18

Дорогие товарищи!

С болью и горечью узнали советские писатели о безвременной кончине нашего верного друга и товарища, члена Президиума Венгерской Народной Республики, депутата Государственного собрания ВНР, председателя Союза венгерских писателей, лауреата премии имени Кошута, выдающегося романиста и драматурга Йожефа Дарваша. На 62-м году жизни перестало биться пламенное сердце замечательного человека, посвятившего все свои силы, свой щедрый талант борьбе за счастье родины, за развитие венгерской литературы, за укрепление всестороннего сотрудничества между венгерским и советским народами, за упрочение на основе пролетарского интернационализма дружбы братских литератур.

С первых шагов в литературе Йожеф Дарваш показал себя как мужественный писатель-коммунист, правдиво изображавший жизнь народных масс. Ни преследования, ни тюрьмы хортистского режима не могли сломить в нем твердую веру в светлое будущее. После освобождения Венгрии Йожеф Дарваш на ответственных государственных и общественных постах всегда верно служил идеям марксизма-ленинизма, интересам трудового народа. Много сил и здоровья отдавал он делу венгерской литературы, долгие годы возглавляя писательскую организацию. Имя Йожефа Дарваша хорошо известно далеко за пределами Венгрии; его романы «Он вышел в сентябре», «Победитель турок», «Город на трясине», «Пьяный дождь», его пьесы «Обрыв», «Небо в ноготи», «Пожар на рассвете» знают и любят миллионы советских читателей и зрителей.

Примите, дорогие товарищи, наши глубокие соболезнования и заверения, что светлый образ Йожефа Дарваша вечно будет жить в нашей памяти. Просим передать наше искреннее сочувствие родным и близким Йожефа Дарваша.

ПРАВЛЕНИЕ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

В СЕКРЕТАРИАТЕ ПРАВЛЕНИЯ СП РСФСР

ЗАПЕЧАТЛЕТЬ ВСЕНАРОДНЫЙ ПОДВИГ

С. МИХАЛКОВ:

— Тема современности была, есть и будет главной в нашей литературе, в наших журналах...

Два дня на расширенном заседании секретариата правления СП РСФСР обсуждалась деятельность журналов «Сибирские огни» и «Дальний Восток» по разделам критики, очерка и публицистики, а также отчет Иркутской писательской организации о работе с молодыми литераторами.

Новый, 1974 год будет проходить под знаком подготовки писательских организаций к IV Всероссийскому съезду писателей. Какие же проблемы встают перед работниками литературной печати?

Открывая заседание, председатель правления СП РСФСР **С. Михалков** подчеркнул, что общий тираж 30 журналов Российской Федерации перевалил за 1 миллион 766 тысяч экземпляров. Эта цифра свидетельствует о широкой популярности литературно - художественных изданий и ко многому обязывает. Журналы должны поделовому и критически оценить свою работу, взыскательно и требовательно подойти к своим дальнейшим планам, исходя из того, что XXIV съезд КПСС, постановление ЦК КПСС «О литературно - художественной критике» и пленум «Писатель и пятилетка» выдвинули перед советской литературой долговременную и перспективную программу действий.

Количество есть. А всегда ли удовлетворяет качество?

В. ТЕЛЬПУГОВ:

— И все-таки ведущие писатели не так уж часто выступают в жанре очерка на страницах периодических изданий. Это, разумеется, не может не повлиять на качество...

С сообщением о критической, очерковой и публицистической деятельности журналов «Сибирские огни» и «Дальний Восток» выступили главные редакторы **А. Смердов** и **Н. Рогаль**. В их докладах было отмечено, что эти издания, как и вся литературная периодика, направляют свои творческие усилия на выполнение задач, поставленных XXIV съездом КПСС.

Говоря о возросшем значении очерка и публицистики, увеличении их удельного веса на страницах печатных органов, ораторы вместе с тем признали, что «Сибирские огни» и «Дальний Восток» нередко еще предлагают материалы, качество, художественный уровень которых вряд ли может удовлетворить взыскательный вкус читателей.

В десяти номерах текущего года «Сибирские огни» опубликовали 35 очерков, публицистических статей по важнейшим отраслям народного хозяйства, а «Дальний Восток» — около 60 материалов очеркового характера. Однако редакционные коллективы далеки от самоуспокоенности. Продолжаются напряженные поиски новых форм подачи материалов и жанрового разнообразия.

Постановление ЦК КПСС «О литературно - художественной критике» определило содержание работы отделов критики. Важнейшие проблемы литературной жизни Сибири и Дальнего Востока сегодня обсуждаются с учетом более серьезных требований, выдвинутых жизнью.

Критика критики

В. ДЕМЕНТЬЕВ:

— Хорошо, что обсуждение журналов с привлечением лучших критических сил страны стало у нас уже традицией. Это практическое выполнение постановления ЦК КПСС...

С обозрением критического отдела «Сибирских огней» выступил **Ал. Михайлов**. Он отметил удовлетворительный уровень опубликованных материалов, широту кругозора авторов. Правильно, что редакция привлекает к работе литературные силы из разных краев и областей. Докладчик обстоятельно проанализировал ряд статей, которые, по его мнению, отвечают современным требованиям критического исследования.

Однако Ал. Михайлов отметил слабость журнальных рецензий; подчас они страдают риторикой, манерностью, претенциозностью суждений.

В. Кожинов и **В. Сурганов**, разбирая основные направления критики в журнале «Дальний Восток», обратили внимание секретариата на то, что редакция сумела четко организовать рецензирование литературных и библиографических новинок, выпускаемых местными издательствами, а также тех книг дальневосточных авторов, которые выходят в других районах страны. Но в журнале ощущается явный недостаток проблемных и полемических выступлений, где поднимались бы вопросы, волнующие не только дальневосточников, но имеющие общее значение для нашей литературы.

— Поставим вопрос серьезно, — сказал В. Кожинов. — Критика, если она хочет быть настоящей, не может носить краеведческий характер. Ее задача, в частности, в том и состоит, чтобы рассматривать и оценивать отдельные явления в связи с общим развитием национальной, всесоюзной и, наконец, мировой литературы...

На «петитных задворках»

В. РОСЛЯКОВ:

— Петит в журналах, и в частности в «Дальнем Востоке», кажется мне дурным симптомом. За ним я вижу большее, а именно — прохладное отношение к очерку и публицистике со стороны писателей.

Эти разделы делаются главным образом руками журналистов-газетчиков. Емкое писательское слово — артиллерия крупного калибра. Она, к сожалению, почти молчит...

Жизнь Сибири и Дальнего Востока дает публицисту неисчерпаемый источник тем. В эпоху научно-технической революции происходят события огромные, совершаются дела поистине исторического значения.

Какое же отражение они находят на страницах печатных органов? Очерк и публицистика в «Дальнем Востоке» распределены по разделам. Рабочий пульс края ощущается постоянно. Перед читателем проходят многие интересные характеры, судьбы современников воссоздаются с достаточным умением. В распределении публицистических материалов по номерам чувствуется определенный замысел. Об этих чертах деятельности журнала подробно говорил в своем выступлении В. Сурганов. **В. Росляков**, поддержав предыдущего оратора в большей части его оценок, сказал, однако, и о том, что, хотя в журнале время от времени появляются интересные литературные портреты, в целом на очерке лежит отпечаток вялости, безликости, поспешности. Нередко на почетном месте публикуется материал более низкого качества, нежели тот, что обычно помещается на так называемых «петитных задворках».

Говоря об очерках и публицистике «Сибирских огней», председатель Совета по очерку СП РСФСР **Г. Радов** отметил их недостатки — маловыразительность, схематичность, поверхностность. Практически журнал испытывает острую нехватку публицистических статей, написанных на высоком художественном уровне. Г. Радов подчеркнул, что в публицистику необходимо привлекать одаренную молодежь, учить ее мастерству.

В обсуждении приняли участие также заместитель председателя правления СП РСФСР **Ю. Бондарев**, секретари правления **А. Алексин**, **В. Дементьев**, **В. Тельпугов**, главные редакторы журналов **Г. Ахунов** («Казан утлары»), **А. Бальбуров** («Байкал»), **М. Соколов** («Дон»), члены редколлегии журнала «Сибирские огни» **Л. Иванов** и **Г. Падерин**, ответственный секретарь Совета по очерку и публицистике СП РСФСР **И. Буркова**.

Подводя итоги обсуждения, **С. Михалков** сказал:

— Конкретный анализ публикаций, который был здесь сделан, закономерно перерос в содержательный разговор о журнальной литературе Российской Федерации в целом. Отрадно, что во всех выступлениях сквозила забота о том, чтобы великие планы и свершения советского народа в эпоху строительства коммунизма были более глубоко и ярко раскрыты перед нашим читателем. Необходимо шире привлекать писателей в очерковую литературу, посылать их на ведущие стройки пятилетки.

Запечатлеть всенародный подвиг в художественных произведениях всех жанров — вот главная задача нашей литературы.

В этой связи С. Михалков обратил внимание на то, что за последнее время в российских журналах появилось несколько больше, чем обычно, произведений на историческую тему. Безусловно, обращение к ней правомерно и необходимо. Ведь без знания прошлого своего народа, без героической истории нельзя воспитывать подлинный советский патриотизм. Но историческим произведениям журналы должны предоставлять место только в том случае, если автору удалось достоверно, художественно полноценно, а главное — с позиций современности взглянуть на те или иные события прошлого.

Секретариат правления СП РСФСР призвал редакции журналов к настойчивым поискам молодых литературных дарований.

Мастер, думай об учениках!

Ю. БОНДАРЕВ:

— Каждый крупный писатель должен ввести в литературу хотя бы одного замеченного им молодого литератора...

Отчету о работе с молодыми литераторами в Иркутской писательской организации был посвящен второй день заседания секретариата.

— За многие годы у нас сложился определенный стиль «взаимоотношений» с творческой молодежью, — сказал ответственный секретарь Иркутской писательской организации **М. Сергеев**. — Совет по работе с молодыми литераторами, ведя разговор о книге начинающего прозаика или поэта, прежде всего задумывается о его будущей писательской судьбе. Совет стремится максимально приблизить литературные объединения к нуждам и заботам практической жизни. Так, например, усилия членов Усольского литературного объединения мы направили на литературное краеведение. Тайшетское — занимается пропагандой книжных новинок. В Иркутске действует семинар руководителей объединений, а также семинар «Молодость. Творчество. Современность».

Председатель Совета по работе с молодыми литераторами **В. Шугаев** рассказал о том, как совет помогает начинающему литератору найти свою тему, связанную с опытом его жизни, всячески содействует одаренным авторам в работе над рукописями, выдвигая на первый план темы гражданственности и патриотизма.

Выступивший далее редактор альманаха «Сибирь» **Г. Николаев** сообщил, что примерно 80 процентов публикуемых материалов принадлежит молодым. Альманах — взлетная площадка для начинающих. В нем впервые увидели свет пьесы А. Вампилова, произведения Д. Сергеева, В. Распутина, В. Шугаева, Г. Машкина и других.

Деятельность Иркутской писательской организации, где ставка делается не на количественный рост литературных кадров, а на конкретную писательскую судьбу, заслуживает всяческого одобрения. Об этой стороне работы иркутян говорил **Ф. Кузнецов**, анализируя первую книгу молодого прозаика С. Китайского «Поле сражения». Роман писался в атмосфере доброжелательности, товарищеской поддержки. Книга С. Китайского глубоко современна, автора отличают пристальное внимание к сложным вопросам жизни, чистота идейного тона, гражданственность.

С разбором поэмы М. Трофимова «Мачеха», опубликованной в альманахе «Сибирь», выступил **М. Соболь**.

— Это произведение свидетельствует о несомненном поэтическом даровании автора, — сказал он.

— Воспитание талантливой молодежи — одна из главных наших задач, — подчеркнул в своем выступлении секретарь правления СП РСФСР **С. Орлов**. — Никакие формы организационной работы не дадут отдачи, если крупные писатели не будут иметь личных контактов с начинающими литераторами.

О работе с молодыми литераторами рассказали консультант СП РСФСР **В. Шорор**, старший редактор издательства «Молодая гвардия» **В. Никитина**.

Подводя итоги выступлениям, заместитель председателя правления СП РСФСР Ю. Бондарев отметил, что секретариат правления СП РСФСР высоко оценивает деятельность Иркутской писательской организации в деле воспитания талантливой и творчески состоятельной смены. «Ставка» не на количество пишущих людей, а на конкретного литератора, на его индивидуальность, забота о его творческой судьбе, безусловно, правильна и не может не привести к хорошим результатам. Писательский талант предполагает глубокое познание реальности, настойчивость, одержимость, упорство в овладении мастерством. Это необходимо внушать молодым литераторам.

Заместители председателя правления Всесоюзного агентства по авторским правам **Ю. С. Рудаков** и **М. В. Шишигин** информировали главных редакторов российских журналов о деятельности агентства.

В. ПОМАЗНЕВА

КРИВОЙ РОГ. *Украинские писатели В. Соколов, П. Загребельный и В. Козаченко беседуют с бригадиром монтажников, заслуженным строителем УССР А. Матвиенко при посещении ими ударной стройки пятилетки—строительства самой крупной в стране домны № 9 объемом 5 тысяч кубических метров.*

Фото И. ЯНЦКОГО

С ПРАЗДНИКОМ ТЕБЯ, ДОРОГАЯ «ВЕЧЕРКА»!

...6 ДЕКАБРЯ 1923 года москвичи познакомились с новой газетой, которая вышла небольшим тиражом: в киосках столицы появилось всего пять тысяч экземпляров. «Заглавную» полосу занимали обычные объявления, на остальных трех были помещены информационные заметки и репортажи. Читатели сразу полюбили газету, поверили в нее и дружески окрестили «Вечеркой». Редактировали «Вечернюю Москву» тех времен старый большевик Борис Михайлович Волин и молодой энергичный журналист Михаил Кольцов.

Пять тысяч экземпляров... А нынешний тираж «Вечерней Москвы» — 600 тысяч! Один раз в неделю — по средам — читатели получают и рекламное приложение к ней (тираж — 160 тысяч экземпляров).

За полвека — более 15 тысяч номеров «Вечерки»! Даже в суровом 1941-м, когда враг стоял у ворот Москвы, даже в марте 1942 года, когда бомба весом почти полтонны попала в здание редакции и типографии, «Вечерка» продолжала выходить.

Многие известные советские писатели крепко сдружились с «Вечеркой». На ее страницах публиковали свои произведения Алексей Толстой, Владимир Маяковский, Владимир Гиляровский, Сергей Есенин, Эдуард Багрицкий, Викентий Вересаев, Алексей Новиков-Прибой, Илья Ильф и Евгений Петров, Корней Чуковский, Юрий Олеша...

Вышедший в канун юбилея сборник «Печатались в «Вечерке» посвящен именно этой крепкой дружбе, традиции которой продолжаются по сей день. И ныне на страницах газеты часто появляются писательские имена. В авторском активе редакции — Валентин Катаев, Сергей Михалков, Степан Щипачев, Владимир Лидин, С. С. Смирнов, Сергей Наровчатов, Юрий Нагибин, Сергей Васильев и многие другие.

Сегодня на страницах «Вечерней Москвы» регулярно появляются материалы, рассказывающие о борьбе тружеников столицы за досрочное выполнение заданий девятой пятилетки. Много места отводится освещению общественно - политических и международных событий, деятельности вузов, школ, научных учреждений, творческих союзов, культурной жизни. Очерки, статьи, рассказы, фельетоны, репортажи «Вечерней Москвы» по-партийному остры, злободневны, насыщены яркими, запоминающимися фактами. Газета выступает активным борцом за превращение нашей столицы в образцовый коммунистический город.

В 1927 году, когда вышел юбилейный, тысячный номер, Анатолий Васильевич Луначарский писал, что «газета стала очень живой, умеющей заинтересовать читателя...». Эти слова справедливы и сегодня. Очень живая, умеющая заинтересовать!..

С праздником тебя, дорогая «Вечерка»!

Вл. РАЗУМНЕВИЧ,
секретарь парткома Московской писательской организации

ПАНОРАМА „ЛГ"

...имени А. М. ГОРЬКОГО

В Центральном Доме литераторов имени А. А. Фадеева состоялся юбилейный вечер, посвященный 40-летию Литературного института имени А. М. Горького.

Вечер открыл профессор Е. Долматовский, затем выступил ректор, заслуженный деятель искусств РСФСР, профессор В. Пименов:

— Домом Герцена называют здание на Тверском бульваре, 25. А наш институт носит имя великого Горького. Эти дорогие для нас имена обязывают выполнить ответственную задачу по воспитанию достойной литературной смены. Весь свой труд, опыт, весь жар своего сердца мы отдадим делу развития нашей литературы.

На праздничном вечере выступили Ю. Друнина, М. Упеник, И. Кашежева, В. Розов, А. Чаковский, Н. Евдокимов, М. Матусовский, К. Ваншенкин, С. Поделков, С. С. Смирнов, Л. Ошанин.

ЭСТАФЕТА МОЛОДОЙ ПОЭЗИИ

Всесоюзные фестивали молодых поэтов стали хорошей традицией нашей литературной жизни.

Недавно издательство ЦК ЛКСМ Узбекистана «Еш гвардия» выпустило сборник «Праздник молодой поэзии», составленный из лучших произведений участников прошлогоднего, VI фестиваля в Ташкенте. В книге помещены стихи москвички Л. Тараканновой, ташкентца М. Мирзаева, начинающей белорусской поэтессы Т. Корженевской, У. Аннаева из Туркмении, Р. Гусейнова из Азербайджана...

Делегация СП Узбекистана вручила на днях этот сборник участникам VII Всесоюзного фестиваля молодых поэтов братских республик, который проходил в Кутаиси.

Отчет об этом празднике поэзии будет опубликован в следующем номере «ЛГ».

АВТОРУ «КАХОВКИ»

Недавно на пирсе Херсонского судостроительного завода появились девушки и парни из легендарной Каховки, из городского поселка Светлово во главе с секретарем городского комитета комсомола Екатериной Грищенко. Они приехали сюда, чтобы проводить в плавание новый контейнеровоз, на борту которого начертано имя известного советского поэта, автора знаменитой «Каховки» — «Михаил Светлов».

В строительстве этого судна приняли участие около ста предприятий, расположенных во многих союзных республиках. Контейнеровоз — это, по сути, новое слово в отечественном судостроении, открывающее большие возможности для быстрейшей доставки грузов в любую точку земного шара. «Михаил Светлов» — второе судно из новой серии, которую успешно осваивает завод. Первый контейнеровоз — «Александр Фадеев» — уже бороздит волны далеких океанов...

Посланцы Каховки преподнесли экипажу «Михаила Светлова» портрет поэта, вручили сноп пшеницы урожая 1973 года как символ дружбы и родной земли.

Счастливого тебе плавания, «Михаил Светлов»!

УКАЗ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

О награждении писателя Алга А. Е. орденом Трудового Красного Знамени

За заслуги в развитии советской литературы и в связи с шестидесятилетием со дня рождения наградить писателя Алга Александра Егоровича орденом Трудового Красного Знамени.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР
Н. ПОДГОРНЫЙ.

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР
М. ГЕОРГАДЗЕ.

МОСКВА, КРЕМЛЬ,
29 ноября 1973 г.

ПОЗДРАВЛЯЕМ ЮБИЛЯРА

С. П. ЗАЛЫГИНУ — 60 лет

В связи с 60-летием со дня рождения Сергея Павловича Залыгина секретариат правления Союза писателей СССР направил юбиляру приветственное, в котором говорится:

«Примите сердечные поздравления в день Вашего 60-летия и 35-летия литературно-творческой деятельности.

Мы знаем и высоко ценим Вас как прозаика, чье внимание неизменно обращено к животрепещущим проблемам современности и героическим страницам истории советского общества. У миллионов советских и зарубежных читателей получили признание Ваши романы «Тропы Алтая», «Соленая Падь», повесть «На Иртыше». За роман «Соленая Падь» Вы были удостоены высокого звания лауреата Государственной премии СССР. В своих книгах «Интервью у самого себя», «Литературные заботы», эссе о Чехове «Мой поэт» и других Вы обнаружили незаурядный литературно-критический талант.

Широко известна Ваша публицистика в защиту природы. Немалый вклад в работу гидрометеорологической службы внесли Вы, ученый-гидролог, работая в суровые годы Великой Отечественной войны на Дальнем Севере.

Неизменный интерес вызывали Ваши проблемные статьи по развитию мелиоративных работ в разных климатических зонах страны, которые публиковались в советской печати.

За заслуги в развитии советской литературы Вы были награждены орденами Ленина и Трудового Красного Знамени.

Общеизвестна и Ваша большая общественная деятельность как секретаря правления Союза писателей РСФСР, члена правления Союза писателей СССР, а также Ваша забота о воспитании молодых кадров советских литераторов.

Желаем Вам новых больших творческих успехов и доброго здоровья».

Поздравил юбиляра также и секретариат правления Союза писателей РСФСР.

■

У Сергея Залыгина есть счастливое качество, может, одно из самых нужных в писательской судьбе: его талант во многом совпадает с его личностью. Писатель в нем соответствует человеку. Нет в нем того, чего так боишься, когда знакомишься с писателем, — разницы между тем, что он пишет, и каной он сам. Если определять талант Сергея Залыгина, то прежде всего просится слово с е р ь е з н ы й. Он пишет о самом важном, не отбрасывает противоречий, скорее — ищет их. Он не боится острейших, даже трагических столкновений и стремится докопаться до первопричин, до материковых пород, на которых возникают характеры и поступки его героев. Ему всегда нужно понять самому, он исследователь. Недаром писательская судьба его долгие годы была сплетена с научной работой. Наука вошла в его литературу не только через фигуры ученых, а прежде всего через его собственное умение анализировать, размышлять, находить причины и следствия. Он сам как ученый с научной тщательностью изучал рабочие материалы своих романов. Работая над «Соленой Падью», например, Залыгин законспектировал около ста тысяч страниц архивных материалов и документов.

Характеры романа возникали из истории, история возникала в характерах. С добросовестностью ученого он изучал историю партизанского движения в Сибири, а затем наступила очередь художника и появились народные человечнейшие характеры — один из лучших героев нашей послевоенной литературы Ефрем Мещеряков. После Мещерякова сразу же встают в памяти начальник штаба Брусенков и Довгаль. Крутые, непредвиденные столкновения, поступки — подлинность осмысленной писателем истории. Иногда кажется, что вся та огромная подготовительная работа, которой занимается Залыгин, чужна ему, чтобы освободиться от накопленных материалов и знаний, чтобы с какого-то момента чувствовать себя «просто очевидцем», соучастником событий.

Так было и в повести «На Иртышев». Никогда не забыть. какое оглушительное впечатление произвела на меня, да и на всех окружающих, эта повесть, какие споры она вызвала, да что там споры — как много мне она помогла понять, как перевернула душу.

Вот с чем действительно можно поздравить сегодня Сергея Залыгина: и Степан Чаузов, и за ним Ефрем Мещеряков, оба героя этих двух вещей Залыгина, — герои глубоко народные, герои исторических поворотных этапов нашей страны — прочно вошли в литературу, обрели завидное долголетие.

Счастливая писательская судьба. А может быть, дело здесь не столько в счастье, сколько в свойстве и силе таланта. Все, что делает Залыгин — и очерки его, и эссе его о Чехове, и новый роман «Южноамериканский вариант», — независимо от степени совершенства это прежде всего интересно. Залыгин — и человек, и писатель — не умеет пользоваться чужими истинами и расхожими мнениями. Его герои всегда в той или иной мере философы. Ему приятно самому думать вместе с ними, следить за их мыслью. У него у самого все свое собственное, выношенное, продуманное, но «натуральное хозяйство» это, оказывается, требует огромной культуры и неустанной каждодневной работы, освоения прочитанного и виденного. Поэтому и общение с ним доставляет всегда радость новых открытий.

Сергей Залыгин принадлежит к писателям, которые пожизненно связали свое имя с общественной деятельностью. Для него это, прежде всего, забота о земле, защита наших рек от неразумного водопользования, от загрязнения. Немало сил и времени потратил он на борьбу с чиновным отношением к природе. Может быть, борьба эта и не принесла ему удовлетворения, может быть, в ней было больше поражений, чем побед, но тем полнее наше уважение к упорству Сергея Залыгина.

Как всякий писатель, он счастлив, когда работает. Вот этого счастья хочется пожелать ему в день его 60-летия в первую очередь. Сергей Залыгин переполнен замыслами, они неожиданны, казалось бы, совершенно удивительны для него, но ведь так было всегда, и хочется пожелать ему, конечно, успеха. И наконец, просто поздравить Сергея Павловича, его близких, а заодно и нас, читателей, с его прекрасным дарованием. Мы всегда с нетерпением ожидали встреч с его новыми героями.

Даниил ГРАНИН

***

«Литературная газета» присоединяется к этим теплым поздравлениям.

ХРОНИКА

В ЦДЛ...

...Прошел очередной семинар секретарей партийных организаций литературно-художественных и искусствоведческих журналов, созванный Московским городским комитетом партии. Открыл семинар заведующий отделом культуры МГК КПСС И. Б. Бугаев.

С докладом «Современная идеологическая борьба и задачи советской литературы» выступил секретарь правления СП СССР, главный редактор журнала «Вопросы литературы» Виталий Озеров. О работе партхома Московской писательской организации, роли столичных литераторов в деле коммунистического воспитания трудящихся рассказал секретарь партийного комитета Владимир Разумневич.

На семинаре выступили с сообщениями секретари партийных организаций журналов «Дружба народов», «Искусство кино», «Иностранная литература», «Москва», издательства «Художественная литература».

***

Состоялся творческий вечер поэта Ильи Френкеля, посвященный 70-летию со дня его рождения. Вечер открыл секретарь правления СП СССР К. Симонов.

Приветствовать юбиляра пришли писатели, журналисты, композиторы, артисты. Выступавшие вспоминали о днях, когда юный поэт был бойцом ЧОНа, как работал сотрудником политотдела МТС на Урале, как с первого до последнего дня войны не снимал с плеч солдатской формы. Не было, пожалуй, фронта, на котором бы не пели его песню «Давай закурим»...

Поэта приветствовали председатель правления СП РСФСР С. Михалков, секретарь правления Московской писательской организации В. Ильин, И. Рахилло, В. Поляков, Е. Долматовский, М. Лисянский, М. Максимов, Л. Славин, Н. Кружков, композиторы Я. Френкель, М. Табачников и другие.

***

...Проведен под председательством секретаря правления СП РСФСР М. Алексеева вечер памяти выдающегося русского поэта и драматурга В. В. Каплиста в связи со 150-летием со дня его смерти.

Доклад о жизни и творчестве писателя сделал доктор филологических наук К. Пигарев. На вечере выступили Е. Ходунова, Ю. Мочалов, А. Чуча, Л. Вышеславский.

■

В течение нескольких дней в Ленинграде проходило совещание писателей-маринистов. В его работе приняли участие литераторы из многих городов нашей страны, гости из ГДР и Польши.

Сообщение о путях развития современной маринистики сделал доктор филологических наук В. П. Вильчинский. С докладом «Моря и океаны — будущее человечества» выступил доктор географических наук А. И. Симонов.

■

Состоялось отчетно-выборное собрание писателей-коммунистов Туркмении. С докладом выступил секретарь партийного бюро И. Дурдыев. В обсуждении приняли участие А. Аборский, С. Абдыреимов, К. Курбансахатов, Г. Мухтаров, А. Назаров, В. Ситнинова, М. Хуммедов, Р. Эсенов. Было принято решение, направленное на дальнейшее улучшение работы парторганизации Союза писателей Туркменистана, на укрепление связей литераторов с жизнью.

Секретарем партбюро вновь избран И. Дурдыев.

В работе собрания приняла участие заведующая отделом культуры ЦК Компартии Туркмении С. Аннамурова.

■

В Институте мировой литературы имени А. М. Горького СССР состоялась научная конференция, посвященная столетию со дня рождения выдающегося русского и советского поэта В. Я. Брюсова.

Открыл конференцию доктор филологических наук профессор А. С. Мясников.

На конференции были заслушаны доклады члена-корреспондента АН СССР Д. Д. Благого «Путь Брюсова к Октябрю», докторов филологических наук Н. А. Трифонова «Брюсов и Луначарский» и Л. М. Мкртчяна «Брюсов и проблемы изучения армянской классической поэзии», кандидата филологических наук М. Л. Гаспарова «Брюсов — новатор стиха», а также сообщения С. А. Небольсина «Брюсов и Блок», С. И. Балзы «Брюсов и Польша», Г. А. Менделевича «Брюсов-фантаст» и заведующего редакцией классической литературы издательства «Наука» А. И. Корчагина.

ХРОНИКА

РАССКАЗ: ПРОБЛЕМЫ ЖАНРА

Чингиз АЙТМАТОВ

БЕЗ КАПЛИ НЕТ ОКЕАНА

ЛИТЕРАТУРА: что она такое и зачем она? Есть одна черта, общая для всех народов и всех времен, — потребность рассказать другим об интересных, значительных и глубоких по смыслу событиях или переживаниях. И если это не будет рассказано, то событие или знание теряет свою ценность. Его как бы и не было. В этом смысл передачи каких-то сокровенных мыслей от человека к человеку. Слово, не сказанное вовремя, не достигает своей цели, не выполняет своего назначения. Поэтому цель литературы в том, чтобы своевременно и возможно большее число людей узнало бы о волнующих автора событиях, мыслях, людях.

В слове «своевременность» заключено понятие «современность». Горько представить себе, что современники могут так и прожить бок о бок, не узнав друг о друге.

Эту передачу друг другу опыта, чувств и мыслей о жизни и выполняет литература.

Литература нашей страны — многонациональная и многообразная — имеет в этом смысле богатейший опыт. И очень значительную роль играет в нашей литературе рассказ, культура которого — я говорю об этом с гордостью — очень высока.

Рассказ — та капля, без которой не может быть океана. Мне думается, что рассказ как бы составляет мозаику времени. А мозаика, как всем известно, состоит из мельчайших частиц. Словно бы «собирается» целостный портрет времени. Можем ли мы сказать, что сегодня рассказ развивается должным образом, то есть вносит существенный вклад в стремление литературы не просто выразить, но и широко отобразить свое время? Я не берусь это утверждать. И это внушает мне некоторое опасение, тревогу. Хотя, повторяю, у нас есть подлинные шедевры.

Мы, писатели-профессионалы, не можем бесхозяйственно вести литературу, как и любой труженик — свою работу.

Искусство рассказа похоже на гравюру, а труд писателя здесь граничит с искусством гравера — та же трудоемкость, та же экономичность изобразительных средств, точность штриха. Это филигранная работа. Трудоемкость на малой площади отличает рассказ как предмет искусства от других жанров.

От далекого прошлого до наших дней можно проследить, как совершенствовался этот жанр. Но полезно и другое: подумать о состоянии разных типов рассказа в данный момент.

Возьмем, к примеру, рассказ повествовательный: агроном приехал в колхоз, вот он уже работает. Автор повествует о его удачах и трудностях. Такой рассказ, очень безобидный, никого не затрагивающий, ни на что не претендующий, очень часто появляется в печати. Особенно газеты потрафляют такому рассказу. Он вроде бы отображает кусочек современной жизни. А на самом деле? Ведь и повествовательный рассказ должен иметь свою художественную задачу, вызывать нас на какие-то волнения, размышления, в конце концов! Именно такой рассказ я имел в виду, выступая на V съезде писателей, когда говорил, что рассказ во многом утратил свою привлекательность, что жанр рассказа скудеет, мельчает, теряет присущие ему достоинства. Вот так и надо понимать мои слова, которые процитировал в своем письме читатель С. Курбангалеев («ЛГ», № 41, 1972).

Мне лично по душе рассказ остросюжетный, где происходят какие-то события, где есть конфликт. К сожалению, таких рассказов, на мой взгляд, появляется мало. Или вот рассказ «настроенческий». Вспомните Паустовского. В его рассказах вроде бы ничего не происходит. Никто никого не отругал. Никто ни за кем не гнался. Никто ни с кем не разошелся. Тем не менее какое удовольствие читать его рассказ! Это уже мастерство более высокого порядка. У этого типа рассказа есть свои возможности, свои темы.

Нельзя не сказать и о воздействии на рассказ современного прогресса техники. Не говорю уже о пишущей машинке, хотя благодаря ей сейчас каждый из нас за час отстучит столько, сколько раньше от руки писал бы месяц. Эта техническая легкость, может быть, порождает и определенную легкость в мыслях. Это, разумеется, «спорное» положение. Писатель и на машинке может хорошо работать. Хемингуэй печатал на машинке, стоя за конторкой. У него получалось здорово.

Ну, а если говорить серьезно, то мне думается, что появление средств массовых коммуникаций, конечно, с одной стороны, благо, а с другой?.. Не «содействуют» ли порой эти средства информации снижению художественного качества именно литературы? Здесь я разделяю мнение В. Короткевича. Сколько подчас всяких киноинсценировок, в которых труд писателя предстает в разжеванном виде! А радиоинсценировок, предназначенных нередко не для размышления, но для развлечения? Писателю надлежит знать, что есть такие вещи, которые читатель должен прочитать наедине с самим собою.

Лилли ПРОМЕТ

ЗРЕЛОСТЬ ПОИСКА

Я НЕ ДУМАЮ, что наши рассуждения о рассказе станут выводящей из лабиринта нитью Ариадны. Склоняюсь к мнению, что ничего гибельного с короткой прозой не произошло. Жизнеспособность того или иного жанра проявляется с переменным успехом, подъемы и спады — закономерные явления литературной жизни, и процессы активизации не всегда идут так быстро и легко, как мы бы сами того желали.

Но это, разумеется, вовсе не исключает обсуждения современного положения рассказа.

Если читатель охладел к рассказу, следовало бы поискать причины этого. Может быть, рассказ не отражает достаточно убедительно нашу эпоху, сторонится острых жизненных тем? Или же стал стереотипным, зажат в испробованные штампы и в связи с этим теряет свою эмоционально-познавательную силу?

Когда подводятся итоги дискуссии, самое время выяснить, чего следует требовать от современного рассказа и каким мы его представляем. Позволю себе лишь немного поимпровизировать на эту тему.

Как в любом настоящем искусстве, в том числе и в новеллистике, не может быть второстепенных вопросов — все компоненты важны и значительны. Для рассказа я считаю обязательной сжатую форму и высшую концентрацию проблемы.

Требования нашего торопливого века уже изгнали из рассказа пространные описания и рассуждения, считавшиеся естественными в прошлом, и отдали предпочтение крайне сжатой трактовке, точному, яркому и функциональному использованию деталей.

Но даже в самом коротком рассказе должно остаться место для тылов, для простора мысли. Благодаря осмыслению и силе художественного обобщения самое будничное и, казалось бы, не раз виденное ранее должно становиться новым, волнующе важным. Иначе рассказ достигает лишь уровня иллюстрации явлений и происшествий, превращается в описание «случаев из жизни», в клише поверхностного слоя реальности.

С высот совершенного рассказа у современной короткой прозы видится, конечно же, немало грехов, но, к счастью, и в наши дни есть неповторимо своеобразные новеллисты, такие, как С. Антонов, А. Битов, В. Лидин, Дж. Менюк, В. Шукшин. В качестве близкого мне примера назову еще народного писателя ЭССР Эрни Крустена.

Я не решаюсь говорить о проблемах рассказа всей многонациональной советской литературы. Ограничусь лишь рассмотрением некоторых явлений, наблюдающихся в эстонской новеллистике, явлений, которые могли бы представить интерес с точки зрения вопроса — «что случилось с рассказом?»

В начале шестидесятых годов в Эстонии стали сомневаться в возможностях художественной весомости малого жанра, появились упреки в «феминизности», распространилось мнение, что писание рассказов — дело ученическое, что это лишь упражнение для руки, проба способностей. Мерилом мастерства стали считать роман. И иные хорошие новеллисты написали посредственные романы. Вдруг у всех словно выпало из памяти, что эстонский советский рассказ имеет блистательных предшественников — Вильде, Тугласа, Таммсааре, Валлака.

Для поколения, выросшего в дни мира, характерен возросший интерес к исследованию взаимоотношений личности и общества, детальное изучение душевного состояния человека. Лучшие из молодых талантливо разнообразят эстонскую прозу. Но, стремясь избежать ходячих истин и штампов мысли, литераторы молодого поколения нередко прибегают к изображению исключительных характеров и ситуаций. Подобный способ рассмотрения жизненных явлений и подобная система образов таят в себе моменты большой неожиданности. Детали вызывают невнятные ассоциации или несут в себе признаки грубости и даже патологии. Все эти компоненты, собранные вместе, порой создают какой-то холодно-безжизненный мир, от которого становится не по себе.

Какой бы потрясающе новаторской ни была постановка той или иной проблемы, но как только что-то начинает повторяться и из этого положения больше не находят выхода, вступает в силу манерность. А манерность — это всегда пустота, творческое банкротство, дорога в никуда.

Я присоединяюсь к тем участникам дискуссии в «Литературной газете», кто не предсказывает заката рассказа. Но проблема есть. Если писатель перестает попадать в центр социальной мишени, читатель бросает его. Сейчас, кажется, настал тот момент, когда новеллистике надо искать новые пути.

Трудно предсказать, как это произойдет. Все зависит от тех, кто будет в семидесятые годы обновлять жанр, от их таланта и способности социально мыслить, от того, что они сумеют сказать, что увековечить.

ТАЛЛИН

«ВООБЩЕ» И «В ЧАСТНОСТИ»

Александр РЕКЕМЧУК

В СТАТЬЕ «...И тогда приходит повесть» («ЛГ», № 35) М. и А. Чудаковы определили угасание малой эпической формы как явление вполне реальное, хотя и временное, вызванное тяготением завзятых новеллистов к формам более пространным и вольготным, некоторыми общими тенденциями развития нашей прозы.

Спорить с этим не приходится. Не потому ли в тонких журналах, еженедельниках, газетах, где полновластным представителем прозы был рассказ, ныне пышно расцвел жанр «отрывка из...», «главы из...».

Тем не менее рассказ в своем чистом виде, к счастью, не исчез из среды литературного обитания. Многие молодые писатели по традиции дебютируют в этом жанре. Известные мастера русской прозы В. Лидин, П. Нилин, В. Катаев, Ю. Нагибин опубликовали в этом году свои новые рассказы. Близится издание двухтомника «Советский рассказ» в Библиотеке всемирной литературы.

И все-таки дискуссия «о рассказе вообще» правомерна. Жаль только, что в нашей критике очень редко встретишь статью о рассказе «в частности» — конкретный и обстоятельный разбор конкретного произведения этого жанра. Сдается, что рецензенты, критики и не видят иной возможности поставить творческий опыт иначе, как суммарно — нужна книга рассказов, коллективный сборник, несколько разрозненных публикаций различных авторов. Соотношение «один рассказ — одна критическая статья» представляется чем-то явно неадекватным, расточительным... Мне же захотелось сказать о рассказе не «вообще», а именно «в частности». И вот — первая «частность».

В ПОЛЕМИЧЕСКИХ заметках Н. Кладо «...Из жизни женщины» («ЛГ», № 46) предметом анализа выбраны рассказы «Чем сердце успокоится» Мих. Панина, «Рассказ без названия» Сергея Воронина, «Фиалка» Валентина Катаева. «Неустроенные женские судьбы — вечная тема литературы», — так начинает критик свои размышления по поводу трех рассказов. Можно ли принять эту отправную посылку? Можно ли согласиться с выводами и оценками Н. Кладо? Вероятно, кто-то сочтет, что можно. По мне же, рассказ В. Катаева совсем о другом! По своей теме, социальной заостренности он очень далек от проблемы «неустроенных женских судеб», он рвется прочь из этого искусственного ряда.

Пусть героиня «Фиалки» Екатерина Герасимовна Новоселова и приняла в жизни предательский удар со стороны своего бывшего супруга, ее, особенно в тех обстоятельствах, в которых мы застаем героиню, никак не назовешь «неустроенной». Наоборот, во всем поведении Екатерины Герасимовны, в сосредоточенной размеренности ее поступков и мыслей есть неколебимая устойчивость. Ее внутренний мир устроен так же справедливо и правильно, как и мир окружающий, в котором она живет ныне. Уж скорее на последнем пороге жизни познал всю тяжесть «неустроенной» совести Иван Николаевич Новоселов, вдруг явившийся в интернат старых большевиков за прощением к оклеветанной и покинутой им когда-то женщине, — но ведь и это в конечном счете доказывает, что мир устроен справедливо...

Но дело не только в этом. На мой взгляд, сопоставлять новый рассказ Катаева нужно не столько с рассказами других авторов, сколько с самим Катаевым.

Ищущий художник редко прибегает к жанру рассказа для использования «остаточного» материала. Гораздо чаще рассказ — проба материала нового. Притом уже в образной пластике. А новый материал и новая тема у мастера сопряжены с поиском новых средств выражения, нового языка. И в этом плане «Фиалка» явилась сюрпризом для почитателей таланта Валентина Катаева. Сюрпризом, быть может, столь же неожиданным, как в свое время повести «Святой колодец» или «Трава забвенья». Там новизна материала повлекла за собою особый изыск формы, подкрепленный к тому же язвительно-лукавой декларацией «мовизма» (которую коекто принял на веру и буквально, как вызов почтенного мэтра на состязание: кто напишет хуже?..). Между тем повести самого В. Катаева были написаны с искрометным, ошеломляющим блеском стиля.

Но вот мы погружаемся в языковую стихию «Фиалки».

«Худой старик вышел из вагона электрички, нерешительно постоял на новой высокой бетонной платформе, осматривая незнакомую ему дачную местность, а потом медленным шагом, с видимым усилием шаркая ботинками, побрел к переезду, где возле будки путевого сторожа, у автоматического шлагбаума стояло маршрутное такси — маленький автобус, сплошь покрытый засохшей грязью, а рядом с ним белая санитарная машина с красным крестом на матовом стекле, видимо присланная на станцию из местного санатория».

Подчеркнутая неторопливость изложения, синтаксически выверенная аккуратность фразы, стремление избежать броских и неожиданных деталей, полное исключение метафоры — все это уже с первых строк рассказа вызывает жгучее любопытство, даже несколько настораживает... Впрочем, нет: уже в следующем абзаце обожгут читательское зрение девчата-ремонтницы в ярко-оранжевых жилетах, прораб с желтым сигнальным флажком и облетевшие кусты желтой акации. Отступами выделится фраза: «Иные из этих девчат были на редкость хорошенькие, разрумянившиеся от работы». Ну, слава богу, облегченно вздохнет читатель, это — он, он самый, Катаев, я узнаю его...

И далее по всему рассказу будут рассыпаны приметы типично катаевского письма, включая так обрадовавшую Н. Кладо «лыжню фиалкового цвета», то есть заглавного цвета.

Но первоначальное ощущение некоторой «непохожести» Катаева на Катаева еще вернется. Более того, к концу рассказа оно станет неотвязным. Аскетизм слова, интонаций, ритма приобретет характер стилевой доминанты, стилевой преднамеренности. А если преднамеренность — то чем она вызвана?..

Судить об этом определенней позволит лишь новая встреча с прозой Валентина Катаева, вестницей которой, быть может, и явилась «Фиалка».

А ТЕПЕРЬ — о второй «частности».

В Ереване за «круглым столом» обсуждались недавно проблемы рассказа, отчет об этой дискуссии был опубликован в «ЛГ» («Время синтеза?..», № 44). Разговор в основном сосредоточился на сборнике «Полдень», выпущенном издательством «Анастан» в нынешнем году. В сборнике, помимо рассказов, опубликованы и повести, и «отрывки из...», но в фокусе внимания собеседников оказались именно рассказы «На станции» Гранта Матевосяна и «Сказка» Агаси Айвазяна.

В этих рассказах поначалу можно обнаружить некоторое фабульное сходство: герой-повествователь Айвазяна приехал в командировку в некий город («или село», как настойчиво, в скобках говорится об этом), бродит без видимой цели по окрестным горам, испытывает всяческие неудобства в холодной и грязной гостинице, предается размышлениям о смысле жизни («...Вечность не что иное, как вот этот заплесневелый сыр, этот неряшливый буфетчик...»), покупает газеты «месячной давности», смотрит «забытые фильмы... на грязном, залатанном экране».

А герой Матевосяна, выпускник университета Грант Карян, томится на станции Колагеран, спит на вокзальной скамье («Сидя разрешается», — великодушно говорит ему милиционер). Проходит день за днем. Цмакут, родное село Гранта Каряна, находится в двух десятках километров от станции, но оттуда, несмотря на его телефонные звонки, никак не хотят прислать подводу, чтобы доставить на место скарб молодого учителя...

Казалось бы, и ситуация, и даже заданное настроение почти совпадают.

И вот, покуда еще сидит на станции Грант Карян, а автор «Сказки» еще ведет, как сказал один из участников ереванской дискуссии А. Топчян, «обычный реалистический рассказ», попробуем разобраться в этих жизненных реалиях.

Телефонные перепалки Гранта Каряна с председателем сельсовета Санасаром, который все не торопится прислать подводу, переходят то в ругань, то в изобретательное поддразниванье (не зная языка подлинника, можно лишь догадываться, что рассказ переведен А. Баяндур виртуозно).

И все же ни в одно мгновение рассказ Г. Матевосяна не заронит в душу читателя мысль об отчужденности героя в кругу людей, своих земляков, которые, похоже, сговорились сбить с него гордыню, вернуть с облаков наземь. «...Перед лицом недосягаемых пенатов, молодой интеллигент словно «очищается» от всего «наносного», — так оценивает ситуацию А. Топчян, оговорив при этом с сожалением, что не чувствует «боли автора, переживающего за своего героя». С последним трудно согласиться: есть и боль, и горечь, и сопереживание, но этот очень талантливый рассказ в то же время полон жизнелюбия и оптимизма, иронии и юмора, полон духовного здоровья. Как бы ни было трудно порой человеку — он найдет опору именно в людях, окружающих его, в своем народе, в том общественном укладе, в котором родился и живет Грант Карян.

Разительно иную атмосферу изображает в своей «Сказке» А. Айвазян. Отчужденность, которую испытывает герой-повествователь, прежде всего декларируется им самим. «Они... они... мрачные существа подозрительно косившиеся на меня», — так характеризует он жителей города (или села?), куда он приехал бог весть по какой нужде, ибо цель его командировки остается загадкой для читателя. Они платят ему той же монетой отчуждения и вражды.

Но «Сказка» только начинается. С гор, по снегам в город вдруг спускаются люди неизвестного происхождения, без роду и племени, без языка. Причем все эти пришельцы — голые. Голые мужчины, женщины, старухи, дети.

Кто же они такие, эти голые люди, эти «снежные человеки»? В. Гусев за «круглым столом» в Ереване высказал следующую догадку: «голые люди — незащищенные души» — и даже счел подобную «символику... довольно прозрачной».

Но для самого героя «Сказки» встреченная им в горах голая женщина представляет, пожалуй, нечто более осязаемое, чем просто «незащищенная душа»: «Если эта моя иллюзия столь материальна, что я ощущаю ее бока, бедра, грудь, то я должен воспользоваться случаем... Даже если эта женщина — сон, я должен воспользоваться ее наготой, ее простодушием, незащищенной доверчивостью...» Как видим, понятие «незащищенности» для героя «Сказки» не слишком связано с «душевным», что и подсказывает ему счастливую мысль проскользнуть вместе с голой женщиной в гостиничный номер мимо задремавшей уборщицы.

Дальнейшее развитие сказочной фабулы пересказывать, право же, неприятно. Разъяренные жители города (села?) устраивают варфоломеевскую ночь, кровавую и дикую расправу над горными пришельцами.

Ну, конечно, чего только не случается в сказке! Что только человеку не приснится... Бывает.

Однако рассказ А. Айвазяна открывает сборник, о котором в издательской аннотации говорится, что он охватывает «самые разные грани нашей действительности», и я никак не могу взять в толк, какую же именно из граней действительности сегодняшней Армении «охватывает» это произведение? Не утешает и спасительная версия А. Топчяна, который в дискуссии за «круглым столом» предположил, что использованный автором литературный прием есть «необходимое оружие в борьбе с пошлостью, способ спасти своего героя». Намеренно обильные цитаты из «Сказки», приведенные выше, вряд ли подтверждают это, как и рассказ в целом.

Итак, начав повествование с почти одинаковых сюжетных посылок, два новеллиста пришли к результатам совершенно противоположным. И попытка поставить «в ряд» два рассказа кажется оправданной разве что по признаку контраста. Можно допустить, что оба привлекли внимание участников дискуссии некоторой причудливостью образного строя, неординарностью изложения. Но и здесь художественные итоги полярны. Если в рассказе «На станции» мы видим пример смелого и целеустремленного стилевого поиска, который хотя и держит читателя в известном напряжении, но зато наделяет его радостью соткрытий, то в «Сказке» столь же отчетливо обнаруживаются черты подражательства, нарочитости, претенциозности.

* * *

В статье «...И тогда приходит повесть» М. и А. Чудаковы с достаточной убедительностью говорят о необходимости рассматривать проблему рассказа в его нынешнем, далеком от расцвета состоянии не обособленно, а в тесной связанности с жанрами «соседними»: «...Пока мы будем рассматривать рассказ изолированно, сравнивая только «хорошие» рассказы с «плохими», мы не приблизимся к пониманию его судьбы».

Это верно, как верно и то, что дискуссия о рассказе «вообще», прошедшая на страницах «Литературной газеты», наверняка полезна. Но, по-моему, желательно рассматривать рассказ и конкретно, «в частности», а не только в дискуссиях, в самом рассказе имярек находя материал для обобщений, поскольку настоящий рассказ представит исследователю достаточную «массу» благодаря своей природной сверхплотности мысли и формы.

ПОЗДРАВЛЯЕМ ЮБИЛЯРА

П. Н. ВОРОНЬКО — 60 лет

Секретариат правления Союза писателей СССР, Совет по украинской литературе и Совет по детской и юношеской литературе направили Платону Никитовичу приветствие:

«Горячо поздравляем Вас, видного советского поэта, с 60-летием со дня рождения.

Начав свою литературную деятельность в конце 30-х годов, Вы прошли суровую школу военных испытаний, сражаясь в партизанском соединении С. А. Ковпака.

В годы Великой Отечественной войны Ваши стихи и песни издавались как боевые листовки в тылу врага и распространялись среди партизан и населения временно оккупированных районов, вселяя в их сердца дух уверенности в победе над захватчиками.

Вслед за первым Вашим поэтическим сборником «Карпатский рейд», изданным в 1944 году, вышли в свет новые книги — «Весенний гром», «Славен мир», «Моя Москва», «От Москвы до Карпат», «Драги другари», «Гневом Африка клокочет», «В свете молний» и многие другие, ставшие популярными в народе. Мы знаем Вас как талантливого поэта-песенника и автора многих ярких книг для детей и юношества, чьи произведения о трудовых и ратных подвигах советских людей служат благородному делу воспитания подрастающего поколения в коммунистическом духе. Ряд Ваших книг удостоен Государственной премии СССР и республиканских премий имени Т. Г. Шевченко и Н. А. Островского.

Писатель-коммунист, Вы постоянно сочетаете творческую работу с активной общественной деятельностью в правлениях союзов писателей СССР, УССР и Киевской писательской организации, в Обществе советско-болгарской дружбы.

От всей души желаем Вам доброго здоровья, новых творческих успехов, счастья».

■

Все мальчишки мира отлично знают, что самое заветное сокровище для них — перочинный ножик. Я тоже знал об этом и до сих пор завидую тому моему ощущению, когда моя мечта сбылась, и единственный карман моих штанов приятно стал тяжелеть металлической тяжестью перочинного ножа. Я ходил походкой принца, словно в моем кармане было чудо ничуть не меньше созвездия Гончих Псов.

Я не знаю, кто подарил Платону Воронько первый перочинный ножик. Я не спрашивал его об этом, но догадываюсь, что, может быть, сделал это его отец, отковав этот ножик в своей кузнице из лучшей стали. Наверное, этого ножа у Платона сейчас нет, так же как нет и у меня моего первого сокровища, но я видел сам, как Платон стругал низиловую палочку. Он стругал ее, как бог, и его светлые глаза под широкими бровями, и добрые губы над округлым подбородком, и два седеющих крыла густых волос, обрамляющих сосредоточенный мир его лица, были в этот миг прекрасны.

Может быть, я выдал секрет, а может быть, в этом нет никакой тайны, но умолчать об этом я уж не могу, если заговорил. Дело в том, что Платон делает прекрасные луки, клеит их из разных древесин, полирует, подбирает жилы буйволов для тетивы, мудрит и мудрствует, потом любуется сделанным луком, наводит на него окончательный блеск и кому-нибудь дарит из своих друзей. Зачем он делает эти луки? Я не знаю. Но он делает их с тем же увлечением и с той же самоотдачей, с какой пишет свои стихи, с той естественностью, с какой он прожил эти свои шестьдесят лет, наполненных временем, как золотой горн — дыханием горниста, играющего подъем.

Я не знаю также, как время из поколения в поколение отбирало и передавало черты характера моего друга, черты его неповторенного и несравненного таланта. Это, наверное, тайна, как сама поэзия, не поддающаяся логике логарифмической линейки.

Мой друг Платон Воронько — герой времени, и не только потому, что строил Вахшскую плотину и был утешением батьки Ковпака в его сумасшедшей по смелости походной партизанской жизни. Слов нет, эта героическая сторона его, комсомольского в то время, характера примечательна сама по себе, но он еще герой потому, что сумел рассказать об этой своей судьбе достойно и красиво, и я благодарен ему за это, и ведь, наверное, не один я благодарен.

Поэзия — это живой мост времени на вечной дороге творческого духа народа к своему бесконечному совершенству. И Платон Воронько всей своей шестидесятилетней судьбой устремлен в будущее.

Я видел, как он перочинным ножом стругал низиловую палочку. Он не просто стругал, он артистически играл чем-то только одному ему доступным и ведомым, тем, что еще смутно клубилось в его душе, обретая форму.

Он не дарил мне своего лука, но у меня есть лук его поэзии и полный колчан со стрелами. И мне очень хочется, чтобы эти стрелы всегда звенели в моем синем небе и в глубине ваших небес. Пусть каждый дарит что-нибудь другому. Платон умеет это делать превосходно!

Михаил ДУЛИН

«Литературная газета» присоединяется к этим теплым поздравлениям.

ОТ РЕДАКЦИИ

Сегодня мы завершаем нашу дискуссию «Рассказ: проблемы жанра». Давайте оглянемся на ее основные моменты и сделаем необходимые выводы.

Обсуждение проблем «малой литературной формы» началось с ответа белорусского писателя В. Короткевича («ЛГ», № 41, 1972) на письмо в редакцию читателя С. Курбангалеева из гор. Миасса Челябинской области. Читатель спрашивал, прав ли Ч. Айтматов, утверждая, что «...рассказ шестидесятых годов во многом утратил свою привлекательность и былую славу» и что вообще «жанр рассказа скудеет, мельчает, теряет присущие ему достоинства»!

Что же случилось с рассказом! Отвечая читателю, В. Короткевич полемически заострил проблему: «Умирает ли рассказ!». Разумеется, имелось в виду выяснить реальные трудности, переживаемые сегодня жанром. Дальнейшее обсуждение, на наш взгляд, способствовало решению этой задачи, хотя не обошлось и без издержек. В ответе В. Короткевича очень интересным было следующее наблюдение: «Видимо, время от времени «сращение» рассказа с повестью необходимо, раз оно дает хорошие результаты. Вот я и думаю: а что, если «новый путь» рассказа — всего-навсего основательно забытый старый путь! И если кто-то из молодых старается идти тем же путем — пусть идет». К сожалению, уже в следующем выступлении эта мысль В. Короткевича была упомянута в ироническом контексте и в дальнейшем не стала центральной темой дискуссии. Только М. и А. Чудаковы уже «под занавес» дискуссии («ЛГ», № 35, 1973) решительно вернулись к «взаимоотношениям» современного рассказа и повести уже с историческим обоснованием этого явления.

Принципиально важно рассмотрение жанровых проблем не отрывать от общественной функции литературы в целом. Время и жанр — один из аспектов нашей дискуссии. Но не всем участникам удалось нащупать отнюдь не простую эту связь, которую можно рассмотривать как частный случай диалектического единства содержания и формы. Так, Т. Пулатов («ЛГ», № 43, 1972) правильно напоминал, что специфика рассказа заключается в выражении большого через малое, однако он свел все проблемы рассказа к проблемам мастерства и даже более узко — «умения». Тем самым состояние жанра изолируется от духа времени и открывается простор для бесконечного перечисления «хороших» и «плохих» рассказов, «умелых» и «неумелых» авторов. К сожалению, некоторые участники дискуссии пошли по этому чисто эмпирическому пути.

Думается, что наиболее плодотворной является точка зрения, согласно которой сердцевина проблемы в соотношении требований времени и возможностей разных жанров и стилей. В этом плане были интересны выступления В. Дрозда (№ 47, 1972), Т. Чиладзе (№ 30, 1973), Я. Эльсберга (№ 26, 1973), Э. Вилкса (№ 34, 1973) и материалы «круглого стола» в Ереване. Время, требующее художественного синтеза или анализа; способность малых и крупных форм с наибольшим КПД служить отражению действительности; возможности романтического и реалистического стилей, в в особенности их «сплава», их взаимодействие в художественной системе одного произведения и связь этих жанрово-стилевых проблем с актуальной социальной проблематикой — таков, видимо, круг вопросов, исследование которых представляет наибольший интерес.

Дискуссия не только началась с письма читателя, но и в ходе ее редакция получила немало читательских откликов: В. Гурьяновой и В. Родина из города Куйбышева (обл.), П. Ведина из Псковской области, В. Комиссаровой и А. Андреева из Ульяновска, А. Петрова из Тбилиси, З. Изачек, Л. Алейникова, А. Каантковской, Д. Богдановой и других из Москвы, А. Хитру из Новгородской области, А. Пыршенкова из Калуги, М. Гостева и П. Филандыша из Воронежа, М. Садыковой из Уфы, Е. Кошелевой из Верхнуле, В. Момыш-улы из Алма-Аты, В. Лоцмана из Запорожья, Р. Рычанова из Ростова-на-Дону и многих, многих других.

Редакция выражает благодарность всем товарищам, принявшим участие в дискуссии, — и тем, кто откликнулся краткими письмами, и тем, кто выступил на страницах газеты с обстоятельными статьями.

Дискуссионный клуб «ЛГ»

БЕЗ ВИНЫ ВИНОВАТЫЕ?..

Ал. МИХАЙЛОВ

В полемических заметках Станислава Куняева «Разговор книгопродавца с поэтом» («ЛГ», № 44, 1973) шла речь о тиражах стихотворных книг и читательском спросе, о работе издательств и книжной торговле. В предыдущем номере как отклик на это выступление были опубликованы статья поэта Игоря Кобзева и письма читателей. Сегодня дискуссию продолжает критик Александр Михайлов.

НА СТРАНИЦАХ «Литературной газеты» возник спор: кто виноват, что книги некоторых поэтов по многу лет лежат на полках книжных магазинов, с течением времени уцениваются, но и тогда не находят своих читателей?

В споре участвуют два поэта. Точка зрения Станислава Куняева такова: «Коль наши ведающие изданиями и тиражами организации не всегда могут разобраться в этом сложном деле, мы сами обязаны чувствовать меру своего значения и, вместо того чтобы всячески выколачивать и организовывать большие тиражи, почаще вспоминать мудрую поговорку «насильно мил не будешь».

Другой участник спора, Игорь Кобзев, категорически заявляет, что вины поэтов тут никакой нет, все дело в издательских работниках, которые «обязаны быть более строгими к содержанию и форме публикуемых произведений», и в критиках, призванных оперативно вмешиваться «в процесс формирования литературных критериев современности». К «виновникам» причисляются и работники торговли: им, мол, не хватает «ни подлинной культуры, ни уважения к своему труду, ни любви к книге».

Давайте подойдем к оценке этих позиций с нравственной точки зрения. Иногда случается так. Поэт написал книгу стихов. Принес ее в издательство. Там, предполагается, автору помогают улучшить книгу: освободить ее от слабых стихотворений, усовершенствовать композицию. С ним заключают договор, выплачивают аванс. Дальше в работе участвуют, помимо редактора, корректоры, технические редакторы, художники, наборщики, перелетчики... Десятки людей. Наконец готовая книга попадает в руки счастливого автора. Он дарит ее своим друзьям. А основная часть тиража оседает на полках магазинов — не раскупается.

Можно ли в этом обвинить издателей? Да, конечно. Что-то они упустили, в чем-то ошиблись. Общественность, читатели вправе предъявить им счет. Ну, а автор книги — он тоже среди обвинителей?

Представьте себе двух человек, вошедших в чужой дом и наследивших в нем. Один извинится, скажет: «Простите, виноват, забыл вытереть ноги». Другой будет кричать на хозяев: «Вы сами виноваты! Зачем пустили меня, почему не заставили вытереть ноги?»

Каюсь, сравнение упрощает проблему. Издание и продажа книг — сфера куда более тонких и сложных нравственных отношений. Но вот что рассказал однажды поэт: «...Прихожу в магазин через неделю — ни одного экземпляра не продано, через другую — то же, через два месяца — то же. В огорчении отобрал все экземпляры и большую часть уничтожил». Это — Некрасов. Такое безжалостное отношение к своему несчастному первенцу, книжке «Мечты и звуки», было подсказано поэту высоким нравственным чувством, ответственностью таланта.

Позиция одной из сторон в сегодняшнем споре существенно отличается от позиции молодого Некрасова. Тут действуют другие нравственные принципы. Какие? Судите сами.

Куняев пишет о том, что должно заботить каждого поэта и — позвольте разделить эту заботу — каждого критика, он думает, «как быть, чтобы в подобное положение (когда книги не раскупаются. — А. М.) не попадал никто из нас». Он возлагает ответственность на представителей самого поэтического цеха и, значит, на себя тоже. Кобзев отвергает доводы коллеги: издатели, критика, книготорговцы — вот истинные виновники оседания в магазинах и «уценки» книжной продукции. Но поэты — боже сохрани! Наше, мол, дело — писать, ваше, издатели, — не выпускать плохих книг, а ваше, книготорговцы, — в любом случае уметь продавать их.

Возражая Куняеву, он так и пишет: «Валить все на головы собратьев-поэтов — это как-то даже не очень благородно». А валить всю вину за плохую раскупаемость поэтических книг на головы издателей и книготорговцев — это, стало быть, высший акт благородства со стороны поэта?

Снимая ответственность за плохие книги с их авторов, Кобзев уподобляет себя тому писателю, который критический отзыв о своем произведении, полученный от читателя, переадресовал редактору: дескать, куда же ты смотрел, когда редактировал книгу?

Пытаясь оправдать свою точку зрения, Кобзев пишет о магазине «Поэзия», что на Самотеке: «Кому не известно, что этот специализированный магазин и создавался **исключительно для хранения определенного запаса поэтических книг...**» (выделено мной. — А. М.). Не знаю, согласятся ли с этим утверждением работники данного и любого специализированного магазина. Мне всегда казалось, что исключительно для хранения определенного запаса как книг, так и других, даже самых «утонченных» товаров создаются склады, магазин же в современном его значении — это помещение для торговли.

Вопреки утверждениям Кобзева Куняев вовсе не снимает ответственности с издателей и книготорговцев за не нашедшую своих читателей книжную продукцию. Но в данном случае он, как поэт, считает нужным прежде всего говорить об ответственности самих поэтов за тиражи и раскупаемость их книг. В этом-то и заключаются нравственная суть его статьи, определенная смелость в постановке «больного» вопроса. Пусть-ка после этого книжка Куняева залежится на полках магазинов! А кроме того, автор статьи стал мишенью для язвительных стрел Кобзева. Упрек Куняеву в том, что он поступил «не очень благородно», — только пристрелка. Для того чтобы утверждать, «будто книги поименованных Куняевым поэтов не раскупаются», необходим, заявляет Кобзев, «безупречный писательский авторитет». Хотя, по здравому смыслу, здесь вполне достаточно простонапросто заглянуть в магазин и посмотреть на эти штабеля книг, лежащие в магазине по 6—8—10 лет, и сделать это может любой читатель, покупатель, не обладающий «безупречным читательским авторитетом». Из этого видно также, что уж в собственной-то писательской безупречности и авторитете Кобзев не сомневается.

Зачем же потребовалось Кобзеву это упоминание о «безупречном писательском авторитете»? «Разгадка» весьма проста: чтобы упрекнуть оппонента в отсутствии такового, уязвить его, скомпрометировать.

Я не стану здесь возражать Кобзеву, как ничего не скажу и о его собственном «писательском авторитете». Единственно по той причине, что ни малейшего отношения к предмету спора это не имеет. Книги названных Куняевым поэтов не раскупаются вне всякой зависимости от «авторитета» как Куняева, так и Кобзева. Дело тут, по-видимому, в творческой репутации самих поэтов, книги которых лежат на полках. А что это факт, признает и сам Кобзев: «...нераспроданных поэтических сборников в магазинах скапливается немало».

Теряя контроль над своими полемическими страстями, Кобзев уверяет читателей, будто-де Куняев «выставляет к «позорному столбу» кое-каких нелюбезных его сердцу собратьев по перу», «наносит удар по своим литературным недругам». И вообще выступает «очернителем своего цеха».

Признаться, меня коробит эта манера некоторых полемистов любое упоминание имени писателя в критическом контексте объяснять наличием у автора враждебных чувств к нему. Помимо того, что этот прием с тривиальной незадачливостью выдает собственный нравственный принцип полемиста, он еще спекулятивно взывает к чувствам «обиженных».

Но всего этого Кобзеву мало. Куняев, оказывается, стремится «подвести поэзию под контроль рыночного спроса» и мечтает установить такие отношения между литературой и читателями, какие существуют на «буржуазном Западе» (!). Тут уже достается — таково своеволие кобзевской «логики» — не только Куняеву. Под подозрение берутся и миллионные массы читателей. Кобзев с удивительной легкостью отвергает зависимость развития нашей литературы, издательского дела от читательского спроса, характеризуя его как «слепую стихию» и подвергшая опять-таки под мерки «буржуазного Запада».

Но кто же все-таки в этом споре ближе стоит к «буржуазному Западу» — Куняев, который, доверяя советским читателям, призывает поэтов не нарушать соответствия между магнитным полем своей поэзии и читательским интересом, или Кобзев, видящий в (советских!) читателях «слепую стихию», которая, мол, представляет собой «желанный простор» для «халтуры», «товаров дурного вкуса», «шлягеров», «скользких анекдотцев» и — пардон — «порнографии»...

Кобзев цитирует Пушкина, сетовавшего на зависимость от книгопродавца, но разве не очевидно, что, говоря о взаимоотношениях писателя и читателя в нашей стране, нельзя проводить параллель ни с российской действительностью пушкинских времен, ни с современным западным «обществом потребления». Но что делать, когда не хватает аргументов...

Самый «язвительный» выпад Кобзев, само собой, делает под занавес. Оказывается, Куняев не только ратует за «коммерческий принцип в суждении о делах литературных» по примеру «буржуазного Запада», но и «идет по стопам... Бориса Слуцкого, копирует его творческую манеру».

Комизм этого критического пассажа состоит в том, что Кобзев наверняка не читал книг Куняева, вышедших за последние десять лет (а может быть, он не читал Слуцкого?). Если в «Звене», небольшой книжке 1962 года, еще можно было уловить некоторое влияние Слуцкого на Куняева, то все последующие книги поэта не дают никакого повода говорить о подобном влиянии. Элементарная неосведомленность привела Кобзева к полной конфузии. Куняев в эстетическом плане так же далек от Слуцкого, как, например, Слуцкий от Прокофьева.

Но критический пассаж Кобзева — тоже не сам по себе. Он звено в «стройной» системе передержек и подтасовок, на которые так щедр Кобзев. Ему нужна не точка, а восклицательный знак, полное «уничтожение» оппонента. И Кобзев пишет о Куняеве: «именно Б. Слуцкого, в силу личной привязанности, он приводит в пример популярности и широкой, быстрой раскупаемости».

Но разве это так? Совсем наоборот. «В пример популярности» Куняев приводит не одного — пятнадцать поэтов. А именно: Расула Гамзатова, Эдуарда Асадова, Роберта Рождественского, Евгения Евтушенко, Василия Федорова, Сергея Смирнова, Сергея Орлова, Егора Исаева, Евгения Винокурова, Александра Межирова, Давида Самойлова, Владимира Соколова, Бориса Слуцкого, Анатолия Передреева, Игоря Шкляревского. Я перечислил эти имена в той последовательности, как они приведены в статье «Разговор книгопродавца с поэтом», дабы показать, что никакого предпочтения Слуцкому Куняев не делает. Все это опять-таки — плод не контролируемых Кобзевым полемических страстей.

Мне кажется, что не стоит воспроизводить еще какие-то положения из статьи Куняева, чтобы доказывать несостоятельность опровержений Кобзева. Метода его вполне ясна — любыми средствами скомпрометировать острое и своевременное выступление Куняева.

Все это не значит, что я согласен буквально с каждым абзацем статьи Куняева. Я, например, против того, чтобы одних поэтов поднимать до «звезд», а других числить в земной орбите, то есть определять конкретно меру популярности тех или иных поэтов, ибо мера эта ненадежна в силу субъективности каждого из нас. С другой стороны, перечисляя имена поэтов, книги которых «затоварились», Куняев, видимо, мог бы высказаться более определенно, как он сделал это относительно Николая Тряпкина, кратко охарактеризовав его творческое лицо. Ведь и у Сергея Поделкова, последние книги которого, так же как и у Тряпкина, разошлись весьма быстро, есть немало хороших поэтических произведений.

Но это все-таки не главное. Главное в том, что **постановка вопроса** Куняевым правильна — он призывает поэтов к повышению ответственности за свое творчество, за более тесную связь с читателем. Автор статьи «Разговор книгопродавца с поэтом» затрагивает разные аспекты проблемы «писатель — читатель», и я уверен, что обсуждение ее на деловой, принципиальной основе, которую нельзя подменять перебранкой, даст плодотворные результаты.

Весьма интересна, например, та часть статьи, которая касается издания на русском языке переводных книг. Этот сложный вопрос, мне кажется, в принципе поставлен Куняевым правильно. Думаю, что в его обсуждении примут участие сами поэты из национальных республик.

Из статьи Куняева также явствует, что пора заняться изучением читательского спроса на научной основе. Большое значение имеют социологический анализ читателей и покупателей книг, характер чтения, вкусы разных категорий читателей. Все это необходимо знать, и не для того, разумеется, чтобы слепо подчинять издательское дело рынку, даже советскому, вопреки Кобзеву, ничего общего с западным не имеющему, а чтобы угадывать читательские тенденции, направлять и воспитывать эстетический вкус.

Читательская масса отнюдь не однородна. Я думаю, Игорь Кобзев не станет отрицать, что, например, у него и у Владимира Соколова — разные читатели. Вероятно, разные читатели у него и со Станиславом Куняевым.

Ориентируясь на читателя образованного, интеллектуально развитого, сегодня нельзя еще не учитывать наличие большой массы читателей, чей вкус, чей духовный уровень надо поднимать. И, с другой стороны, нельзя потрафлять отсталым, примитивным вкусам, насыщать книжный рынок посредственностью, серятиной.

Одной из причин ослабления интереса к поэзии мне представляется именно **обилие посредственности**, средних стихов, средних книг, появление некоего **поэтического стандарта**. Читаешь книжку: сама по себе она неплоха, есть стихи лучше, есть хуже, есть настоящие удачи, но нет ярко проявленной индивидуальности. Когда подряд прочитаешь несколько таких книг, то рука невольно тянется за томиком Твардовского или Смелякова...

Вот о чем мне хотелось писать прежде всего после прочтения статьи Станислава Куняева. Но что делать — Игорь Кобзев увел разговор совсем в иную сторону, и мне показалось невозможным оставить его выступление без ответа.

СРЕДИ КНИГ

ЧЕРЕЗ ЧЕТВЕРТЬ ВЕКА

ИЗ МНОЖЕСТВА разрозненных наблюдений, встреч, размышлений, таких разных, дробных и, казалось бы, несоединимых, родилась книга Ивана Виноградова. Но, подобно отдельным мазкам или кусочкам смальты, сложилась в широкую, многоцветную и впечатляющую картину войны. Войны, какой она прошла через судьбы солдат и генералов, «блокадников» и партизан, через судьбы освобожденных из фашистской неволи, дождавшихся победы и навсегда оставшихся на поле боя. Войны от первого ее дня и до последнего.

Из нескольких деталей, реплик — даже в самой элементарной коллизии — воссоздает автор характер человека.

Вот, например, Доцент из одноименной новеллы. Ничего особенного он, в сущности, не совершает. Но его человеческая, гражданская позиция в самые суровые дни испытаний настолько мужественна, честна и непреклонна, что этого скромного и, несомненно, сильного человека нельзя не запомнить. Не забудется и солдат, который во время атаки забежал в немецкую землянку и схватил «брусок трофейного меда». Идти в атаку с медом, липким, тяжелым, было неудобно, товарищи бранили его за жадность. А солдат после боя отдал свой сладкий трофей ленинградцам — мед был для них особенно «пользителен»...

Трагическое и бытовое переплелось в книге, как это бывает и в самой жизни: драма соседствует с юмором. Раздумье автора сменяется нахлынувшим воспоминанием вставшей в воображении картиной былого. Из этого хоровода наблюдений, мыслей, образов рождается своеобразная гармония человеческого бытия на войне. И — вопреки войне.

Большая часть событий, описанных в книге, происходит на Ленинградском фронте, в осажденном городе, и сами названия — Колпино, Ивановские пороги, Невская Дубровка — вызывают почтение к нелегкой военной судьбе автора и его героев... Но где-то далеко во второй половине книги, читанной до сих пор с неослабевающим вниманием, наталкиваешься вдруг на такие строки: «Интересны ли, нужны ли эти мои писания другим людям? Мне-то интересны и дороги, а другим?» Именно наталкиваешься, как на неожиданное препятствие.

К чему это? Не кокетство ли здесь? А потом, снова и снова взвесив прочитанное, понимаешь: нет, не кокетство, а высокая взыскательность автора к самому себе, основательно прочувствованная и осознанная ответственность перед читателем. Только литературный ремесленник, подельщик не терзается подобными муками. Удел всякого настоящего писателя — непрестанные сомнения и поиск единственно верного пути. Этот путь, на мой взгляд, в книге И. Виноградова найден.

Подкупают благородная простота и непритязательность повествования, доведенные до такой степени мастерства, когда даже искушенному читателю может показаться, что и он смог бы так написать. Только для этого недостаточно прошагать без малого четыре года по дорогам войны и через четверть века пронести в душе и мыслях пережитое. Надо, как пишет И. Виноградов, лечь «сердцем на стол», когда пишешь, — тогда только может родиться творческая победа.

Е. ГАБИС

Иван Виноградов. «Немая атака». Издательство «Советский писатель». Л. 1973.

КАМЧАТКА, КАК ОНА ЕСТЬ

О КАМЧАТКЕ пишут немало. Пишут по большей части наезжие авторы. И редкое писание об этой далекой земле обходится без упоминания о том, что, мол, нынешние способы сообщения приблизили к центрам страны самые отдаленные окраины, в том числе и Камчатку: стоит сесть в самолет — и если не сегодня к вечеру, то завтра утром ты уже увидишь Авачинскую бухту... Но согласитесь, что одно дело — пересекать бескрайнюю тундру на самолете и другое — на нартах...

Виктор Кудлин, написавший интересную книгу о Камчатке, — тоже приезжий. Но приехал он на далекий полуостров не в командировку и не на сезон. Прибыл он сюда после окончания Ленинградского педагогического института двадцать лет назад. Работал учителем, секретарем райкома комсомола, журналистом, изъездил полуостров вдоль и поперек, во многих местах бывал и дважды, и трижды.

Журналистская судьба сводила В. Кудлина с самыми разными людьми, о встречах с этими людьми надо было давать зарисовки, корреспонденции, репортажи. Давать срочно, немедленно, в номер. И они, эти материалы, написанные по горячим следам с места событий, бывают очень важными и очень нужными именно в том номере газеты, для которого написаны. Но, как мы хорошо знаем, эти репортажи по прошествии какого-то времени далеко не всегда можно включить в сборник. Газетные корреспонденции, надо думать, послужили для В. Кудлина лишь первоначальным толчком, отправной точкой для последующего углубленного постижения материала и написания тех очерков, которые потом и составили книгу.

Год назад в составе писательской бригады, участвовавшей в авиарейде «ЛГ», мне пришлось побывать на Камчатке. Мы повидали и камчатскую тундру, и тамошние вулканы, и многое другое. Кое-кто из нас — много ли, мало ли — написал об увиденном. И это написанное по слогу, по стилю находится, может быть, на довольно высоком литературном уровне. И все же наши записки — это сторонний взгляд на Камчатку. Нередко взгляд с высоты птичьего (читай: самолетно-вертолетного) полета.

В книге же В. Кудлина Камчатка предстает перед нами описанной «изнутри». И вот именно этот, не сторонний, а свой, «домашний» угол зрения и на природу полуострова, и на людей, его населяющих, составляет главную ценность многих очерков В. Кудлина. Надо проехать по зимней тундре не одну сотню верст, чтобы «увидеть» такое:

«Солнце над тундрой держится недолго. Оно словно боится необжитой высоты здешнего неба и, едва приподнявшись над горизонтом, возвращается к месту давнего восхода. Два заката — один на краю неба, другой на краю отглянцованной морозными ветрами тундры — стоят друг против друга, не сливаясь до наступления темноты. Видимо, поэтому пустой горизонт не отбрасывает привычной тени, и ночь является внезапно, без сумеречных переходов».

А вот как лаконично, с улыбкой показано своеобразное «крушение» книжной романтики:

«Появился Ай-Ай Ванич. За ним шли два безрогих оленя. Они казались вялыми и ничуть не гордыми. Я почувствовал себя обманутым: неужели это и есть те самые олени, которых мне не терпелось увидеть?

— Почему они такие невеселые? — спросил я у Иванова.

— Ездовые, — сказал Ай-Ай Ванич. — Какая им радость?.. Но бегают хорошо».

А вот про вулканы:

«В очерках, газетных интервью и зарисовках, посвященных вулканам, почти обязательно говорится об их дыхании.

Действительно, вулкан дышит, но дышит, если можно так выразиться, в одну сторону. Вся его жизнь — это бесконечный выдох. Иногда на него находит удушье. В таких случаях вулкан облегчает себя взрывом».

В. Кудлин умеет найти точные детали и для обрисовки людей, густо населяющих книгу:

«Малого росточка, подслеповатый, он жадно ловил все, что раньше ему было неведомо. Любую путячную историю, анекдот выслушивал с такой сосредоточенностью, как будто ему поручалось донести все это до грядущих поколений».

Все ли в книге хорошо? Нет. Автору кое-где не удалось преодолеть искушения выразиться обязательно «красиво» или «по-газетному» броско. Те же вулканы в одном месте названы «нерукотворными идолами», а в другом о них написано: «...завершится ли сейсмическая атака Шевелуча победным салютом?» (И это — об извержении!) Подобное пристрастие к «красивым» словам испортило и название книги: мифический повелитель подземного мира Плутон еще не скоро снимет перед нами шляпу, а главное — ему и незачем ее снимать...

Если вдруг вам представится возможность побывать на Камчатке, ей-богу, не пожалеете. Но если вы ни завтра, ни через месяц на Камчатку не соберетесь, а узнать эту дальнюю землю вам захочется поближе — почитайте книгу В. Кудлина. На ее страницах перед вами предстанет Камчатка, как она есть.

Семен ШУРТАКОВ

В. Кудлин. «Плутон снимает шляпу». Дальневосточное книжное издательство. Петропавловск-Камчатский, 1973.

ПОЗДРАВЛЯЕМ ЮБИЛЯРОВ

Ф. С. ПЕСТРАКУ — 70 лет

Секретариат правления Союза писателей СССР и Совет по белорусской литературе поздравили Филиппу Семеновичу Пестраку приветствие:

«Сердечно поздравляем Вас, видного белорусского поэта, прозаика и публициста, с семидесятилетием со дня рождения.

Мы знаем и ценим Вас как писателя широкого творческого диапазона. Поэтические сборники, написанные Вами еще в фашистских застенках дефензивы и в послевоенное время, воспитывали и воспитывают у нашей молодежи высокое чувство советского патриотизма и пролетарского интернационализма.

Непосредственное участие в революционной борьбе белорусского народа за воссоединение в едином социалистическом государстве дало Вам богатый материал для создания широко известного в нашей стране и за ее пределами романа-эпопеи «Встретимся на баррикадах».

Печатью высокого мастерства отмечен также и Ваш роман «Срединборье», удостоенный республиканской литературной премии имени Янки Купалы.

Ваша богатая революционное прошлое, коммунистическая убежденность и стойкость в борьбе за утверждение ленинских принципов в жизни и в литературе являются вдохновляющим примером для нашей молодежи, для новых поколений строителей коммунизма.

Писатель-коммунист, депутат Верховного Совета БССР. Вы постоянно и активно участвуете в общественной жизни республики и в работе писательской организации.

Партия и правительство высоко оценили Ваше революционное прошлое, а также большой вклад, который Вы внесли в развитие советской многонациональной литературы, наградив Вас орденом Октябрьской Революции, двумя орденами Трудового Красного Знамени и медалью «За доблестный труд». Вам присвоено звание «Заслуженный деятель культуры Белорусской ССР».

В день Вашего славного юбилея от всей души желаем Вам доброго здоровья, счастья, дальнейших творческих успехов на благо нашей советской многонациональной литературы».

■

Все творчество Филиппа Семеновича Пестрака пронизано страстным пафосом революционной борьбы, героизма и удивительной, мягкой нежности. Таковы и герои его книг, посвятившие себя революции. Революция, которая учила их мужеству, зоркости, доброте, пробуждая в сердце лучшие человеческие чувства. И в то же время книги Ф. Пестрака глубоко автобиографичны. Личный опыт профессионального революционера нашел яркое отражение в романе-эпопее «Встретимся на баррикадах».

Становление Ф. Пестрака как художника слова проходило в 20-е годы в Западной Белоруссии под непосредственным воздействием революционно-освободительного движения. Его стихи печатались под псевдонимом Звестун (Провозвестник). И это было символом. Поэзия Ф. Пестрака тех лет будила гнев против угнетателей. Поэт страстно воспевал мужество и душевную красоту революционеров-подпольщиков. Сквозь страдания и боль, сквозь тюремные застенки, в которые он был заключен и где провел около 11 лет, звучал его чистый, благородный голос, предсказывающий победу справедливости.

После освобождения Западной Белоруссии Ф. С. Пестрак избирается трудящимися Гродно депутатом Верховного Совета СССР. Во время Великой Отечественной войны писатель сражается с врагом в партизанском соединении генерала Сабурова. Опыт партизанской борьбы и жизни нашел художественное воплощение в повести «Начало» и в цикле рассказов.

Его роман «Срединборье», посвященный становлению новых общественных отношений в послевоенной деревне, написан с ясным оптимистическим взглядом на будущее.

Нам дорого творчество Ф. Пестрака. Его прозу, глубокое стремление осмыслить закономерности и движение народной жизни подчеркивает тонкий и мудрый лиризм поэзии. Примечателен выход сборника его послевоенной лирики «По дорогам» и поэмы «Слово о Минске».

И теперь, в 70 лет, Ф. С. Пестрак полон творческих планов и забот. Кроме интересных воспоминаний, на его рабочем столе — новый роман в поэтическим навеянием «Лесовичанка» — роман о судьбе поколения, прошедшего сквозь суровые испытания. Поколения, к которому принадлежит и он сам.

Ф. Пестрак всегда был на переднем крае борьбы. Не мог не быть. И в этом смысле его жизнь — замечательный пример для каждого.

В. КОЛЕСНИК

■

В. А. ЛИФШИЦУ — 60 лет

Исполнилось 60 лет Владимиру Александровичу Лифшицу. Секретариат правления Союза писателей СССР, Совет по детской и юношеской литературе направили юбиляру приветствие, в котором говорится:

«Сердечно поздравляем Вас с 60-летием. Ваши стихи и пьесы адресованы читателям разных возрастов, но прежде всего нашим юным читателям. Эти произведения, всегда лиричные, полные юмора и жизнерадостности, остросюжетные, воспитывают наше подрастающее поколение в духе высоких и благородных идеалов.

Хочется отметить Ваши успехи в сатирическом жанре, Вашу яркую переводческую деятельность.

Желаем Вам крепкого здоровья, счастья и больших творческих радостей».

Поздравил юбиляра также секретариат правления Союза писателей РСФСР.

***

«Литературная газета» присоединяется к этим теплым поздравлениям.

В РЕДАКЦИЮ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»

Прошу передать через вашу газету мою сердечную благодарность всем товарищам, поздравившим меня с присуждением Государственной премии СССР за книгу «Необходимость».

М. ЛУКОНИН

■

Искренне и сердечно благодарю всех, поздравивших меня с 75-летием со дня рождения, за выраженные добрые чувства.

В. КИРПОТИН

СТРАНИЦЫ ПОЭЗИИ

Дмитро ПАВЛЫЧКО

Береза

Как мать седая, в свете дня скупого
Стоит береза посреди полей
Иль вдаль бредет... Окликни поскорей,
Спроси, откуда, где ее дуброва.

А вдруг из-под Москвы иль из-под Пскова
На землю украинских матерей
К могиле сына с горестью своей
Она пришла, не в силах молвить слово.

В просторах, лишь конец приходит дню,
Я вижу: льются слезы не впервые
И руки зябко тянутся к огню.

О женщина бессмертная России!
Я, сын калины, в ночи снеговые
К тебе, родимой, небо наклоню.

Хлеб

Хлеб, что дымится утром на столе,
Прочь гонит тень сомнения ночного.
Я солнца трепет чувствую в нем снова,
Как будто пульс на собственном челе.

Бессмертный жизни дух, огни во мгле,
Просторы вод, тепло родного крова,
Грома, закованные в сталь иль в слово, —
Все это труд воздвигнул на земле.

Не нам нужды иль голода очами
Глядеть на чей-то пышный каравай
И сдерживать свой стих, как стон, ночами.

Про будущий нам думать урожай,
Чтобы взыграла нива, как Дунай,
И утро полыхало за плечами!

Седина

Еще не завершилось ликованье
В гостях у юности, а седина
Уже позванивает, как струна,
Задетая в полях рассветной ранью.

Но к чуду не утратил я призванья,
Моя душа вся светится до дна.
Любовью наполняется она,
Как солнцем плод на грани созреванья.

Я не страшусь, что в злую ночь одну
На землю упаду, уняв свой норов,
И яблоком в густой траве усну.

Приветствую я день осенних сборов,
Когда всю душу посреди просторов
Я в песню стоголосую вдохну!

Свет

Как будто со скалы вода несется,
Стекает свет с небесной высоты,
И слепнет тот, кто, все презрев мечты,
Найдет щербинку на тарелке солнца.

Когда тебя любовь рукой коснется
И добротою вдруг одарит, ты
Откройся, не пугаясь наготы,
Пусть в тайники души тот свет пробьется.

Пусть солнце в ней грохочет, как обвал.
Твоя любовь — доверья идеал.
Не оскорби ее случайным словом.

Иди навстречу ей и сделай так,
Чтоб уголки души, где был лишь мрак,
Для тайн любви надежным стали кровом.

Пейзаж

Стоял осенний вечер на стерне,
Под тонким месяцем — как в ореоле,
И пели женщины в далеком поле,
И плыли звуки в синей тишине.

И голоса, рожденные на воле,
Чавеки западали в душу мне,
И ощущал я в звездной вышине
Моей Отчизны радости и боли.

Кружили листья, чуя холода,
И первый раз мои касались очи
Небес плывущих тихо, как вода.

Вдыхал я звуки, стоя у обочин,
Летел на золотых высотах ночи,
И сердце колотилось, как звезда.

Тишина

О тишине мечтал... И вот она
Меня в ночи забрать в полон свой хочет.
В ее тумане стих едва бормочет,
Скребет, как мышь среди мешков зерна.

О тишина! Ты, словно смерть, страшна!
Твое безмолвие мне душу точит,
И сердце не гремит и не пророчит;
Нет молний в слове: боль в нем не слышна.

Я проклинаю немоту покоя
И одиночество, страшнее бед,
С его отравой горькою, крутою.

Жду шума, крика, утренних сует,
Чтоб, словно мост над бездною немою,
Воздвигнуть свой грохочущий сонет!

Перевел с украинского Лев СМИРНОВ

Амо САГИЯН

Прикажите

О горы верные мои!
О земляки мои родные!
Как воины, несете вы
Свои дозоры вековые.

Пришел послушать я опять
Величье вашего молчанья.
О, есть язык — и мне ль не знать! —
У тишины и мирозданья.

Возьмите в круг высокий свой
И прикажите замереть мне.
Идет за родом род людской,
Лишь ваше вечно долголетье.

Тропа бы меня увела

Тропа бы меня увела опять за дровами в лес,
Рассыпал бы лес ожерелье над моей головой,
От страха бы я засвистел, на дерево крепкое влез,
И лес бы меня укрыл и страх бы развеял мой.
Топор бы оставил я в давно знакомом дупле,
Веревку оставил бы я на склоне скалы крутой.
Рукав рубашки моей порвал бы шиповник мне,
Подол мой схватил бы вмиг куст ежевики рябой.
И полетел бы я промокшей птице вослед,
И до вечерней зари бежал бы за ней босой,
Потом попросил бы я у звезд и земли совет,
Как мне тропу отыскать и воротиться домой.
Отец бы меня ни о чем в сердцах тогда не спросил,
Лишь взял бы крутой ремень и высек за все дела,
А мать обняла бы меня, и, чтоб набирался сил,
Мне царский ужин она украдкой бы принесла.

Ах, боже мой, как пьянит нас запах далеких дней!
И чем они дальше от нас, тем слаще он и острей...

Осенние воды

Прозрачный и тонкий осенний ручей
Приносит шиповник с темнеющих гор,
В холодной белеющей пене своей
Шиповника пламень с темнеющих гор.

Любовь свою первую, раны, что жгут,
Оставил на красных я этих шипах...
И вместе с шиповником воды несут
Далекую боль ту с темнеющих гор.

■

Как часто я спал
На вершине горы,
На тихой вершине
Горы Гязбела.
Я спал безмятежно,
А горная ночь
Была над Гязбелом
Нежна и светла.
И снова, когда мне не спится теперь
На шелке подушек моих городских
(От дум ли, от тяжести ранних потерь?),
Я мысленно тихо опять восхожу
На склон Гязбела —
В те далекие дни.
И сплю безмятежно
На той вышине,
Меня, как и в детстве, ласкают они,
И сходит покой позабытый ко мне.

Перевела с армянского Н. СААКЯН

Михаил АЛЕКСЕЕВ

ВОЗВРАЩЕНИЕ

ОТ АВТОРА

Мой друг-поэт как-то сказал, что, лишь окончится война, тогда-то главное начнется. Так, кажется, говорил своим солдатам где-то на боевых рубежах их командир, совсем еще юный офицер. Так думали тогда все мы, воюющие и находящиеся в глубоком тылу. Оставив людям великое множество недоделанных дел, недосказанных сказок и недопетых песен, война в придачу ко всему понавязала такое же множество тугих узлов и петель в самих человеческих судьбах. И никто даже не пытался развязать и распутать их в пору войны: все ждали ее окончания. Вот тогда-то, думалось людям, все устроится само собою, узлы и петли распутаются, недосказанные сказки доскажутся, недопетые песни допоются, а человеческие страсти угомонятся, войдут в привычные свои берега, как входят в них разбушевавшиеся во время половодья реки.

И как-то никому не приходило в голову, что не все узлы обязательно развяжутся с последним выстрелом войны, что иные из них затянутся еще туже, рядом со старыми образуются новые. Потому что если сама великая война была наисуровейшим испытанием для всего нашего общества, то и первые послевоенные годы были в этом смысле, быть может, и легче, а может быть, в чем-то и труднее. Советское общество вышло с честью и из этого сурового испытания, что говорит о несокрушимой основе великих его идей.

Вот, собственно, главный нерв второй книги романа «Кушка неплакучая», из которого и взяты настоящие отрывки.

Полностью роман будет напечатан в журнале «Молодая гвардия».

Всего, конечно, за недолгий свой отпуск Сергей не мог ни увидеть ни узнать — слишком много странного, никак не вязавшегося с ожидаемым встретило его не только в селе, но еще на ближних подступах к нему, когда он вышел из вагона на станции и, по обыкновению всех завидовцев, не направился прямо домой, а решил заглянуть к тетеньке Анне, которую именовали просто Тетенькой, — заглянуть к ней на этот раз для того, чтобы получить первую и, он знал, самую достоверную и обширную информацию об односельчанах. Да и время было позднее: вечерние сумерки быстро сгущались, попутного транспорта теперь уже не будет. До Завидова семнадцать верст, не ближний свет, к тому ж на руках офицера были два чемодана, отнюдь не до конца опорожненные у брата и сестры. Тетенькина же информация сгодится для того, чтобы, придя в село, не совершить какого-нибудь необдуманного поступка и не обронить какого-либо слова, способного не поврачевать, а, напротив, растеребить чью-то сильно пораненную душу — а их на селе окажется немалое число, таких-то душ.

Как и в довоенные года, ни калитка, впускающая во двор, ни двери, ведущие в сумеречь сеней и в светлую горенку с земляным, всегда свежепобеленным полом, не были заперты, потому что хижина Тетеньки более, чем прежде, в худую военную и тяжкую послевоенную пору была для людей Домом открытых дверей. Сергей подошел к нему в тот момент, когда хозяйка, ни капельки, с его точки зрения, не изменившаяся за эти шесть с половиной лет, вышла на низенькое, о двух ступеньках, подгнившее крылечко, жалобно зароптавшее под ее ногами. Вслед за Тетенькой из сеней выкатилась рыжая лохматая собачонка, взъерошила загривок, но, тут же вспомнив, что так на их подворье гостей не встречают, уложила вздыбившуюся шерсть на место и приветливо замела хвостом.

Тетенька Анна, замерев, с минуту рассматривала пришельца молча. В первый-то миг она коротким судорожным рывком подалась вперед, да вдруг остановилась, именно замерла, потому что не могла поверить в то, что ей поначалу поблазнилось, в то, что перед ней стоял ее младшенький, которого она проводила на войну последним и о котором уже на исходе сорок четвертого пришла похоронка, третья по счету, — о двух старших своих сыновьях Тетенька получила черные те бумаги еще в первые годы войны. Но уже в следующее мгновение она увидела, что ошиблась, и лицо ее, вспыхнувшее было непередаваемой радостью, сейчас же потускнело, покрылось тенью невидимого облака. И Сергей, не понявший истинной причины быстрой этой перемены, остановился в двух шагах от нее в крайнем смущении. Но женщина спохватилась, встряхнулась как-то внутренне, осветилась вся и шагнула к нему. Сперва обняла, затем взяла горячими сухими ладонями его голову и долго всматривалась такими же сухими глазами в его лицо, как бы еще надеясь: а вдруг не угадала, а вдруг это все-таки младшенький, ясный ее соколик? И опять омрачилась, но уже не столь явственно, как в первую минуту.

— Никак ты, Сережа? — вымолвила наконец и не выдержала — плечи, острые старческие ее плечи затряслись под его руками. — Откель же ты, сынок? Жив, родимый. Как же ты... — И попятилась, заторопилась присесть на ступеньку крыльца. — Ноги чтой-то подломились. Стара, знать, стала... — И виновато улыбнулась, подвигаясь к краешку и выпрастывая место для него рядом с собой. — Давно ли объявился?

— Прямо с поезда к тебе, Тетенька.

— В Завидове нашем не был еще?

— Не успел.

— Ну, ну. Поезжай, поезжай, сынок, да смотри не утопни там...

— О чем ты, тетенька Аня?

— Не утопни, говорю, в бабьих-то слезах. Полою водой хлынут на тебя. Не все, чай, выплакали, оставили, поди, на такой вот случай. Хоть и получили на руки ту бумагу, да не хочется верить в нее. Вот и ждут, вот и вглядываются на всякого пришлого — не мой ли это, объявился. Видят — нет, не он, ну и в слезы. Вот оно, Сереженька, как все получается. Я и сама, старая, тебя поперва за своего последыша приняла... — Тетенька умолкла, попыталась встать, но не смогла поначалу. Лишь опершись на его плечо, приподнялась. — Пойдем в избу, Сережа, чайком побалую тебя, а ты про себя мне расскажешь. Тетка твоя Авдотья, поди, рада-радешенька будет. У нее там, слышь, такое сотворяется... — Хозяйка спохватилась, что сказала лишнее, и попыталась исправить промашку. — Да у нее разве одной! У всех ныне — то одно, то другое. Проходи, родимый! Сейчас самовар поставлю. Он у меня быстро — уголька на шестке припасла дубового, чай, уж подсох.

Проводив его в красный угол горенки, она вернулась к печке, принялась выгребать на середину шестка древесный уголь.

Сергей же, по извечной привычке всех гостей, коротая время, начал рассматривать на стене семейные фотографии, развешанные по обе стороны образов.

Слева от икон, почти рядом с седобородым и благообразным Николой Угодником, в маленькой самодельной раме на желтой картонке, густо засиженной мухами, похоже, в ту еще пору, когда фотография не была семейной реликвией и когда изображенные на ней молодые супруги были счастливо беспечны, — на карточке этой хоть и с трудом, но можно было распознать в одном юном создании саму тетеньку Анну, когда она еще не была тетенькой, а просто Анютой, Нюркой, выданной замуж шестнадцати лет от роду, а в другом — ее суженого Агафона, снятого, видать, в первые дни по возвращении из царской солдатчины, поскольку он стоял по левую сторону молодой своей жены в форме младшего унтер-офицера с черт знает как закрученными типично унтер-офицерскими усами.

Правее образов уже в большой, но также самодельной раме хранились карточки всей семьи: в центре Тетенька и Агафон с испуганно-удивленными почему-то глазами, по правую и левую руку от них сыновья — пока еще разновозрастные отроки. В отдельной раме, сделанной каким-то местным, но уже более искусным мастером недавно, сыновей этих можно уже было увидеть взрослыми: двоих — в форме военных летчиков, а третьего — в куцеватом, дешевеньком костюмчике восьми- или девятиклассника. Те, что были в военном, очевидно, не раз вынимались из-под стекла и показывались людям, поскольку были сильно захватаны.

Заглядевшись на этих последних, Сергей и не слышал, как подошла к нему сзади их мать. Но уже через минуту он почувствовал ее рядом и оглянулся. Тетенька, сложив руки на груди, глядела туда, откуда гость ее только что отвел глаза, и губы ее, сухие, сморщившиеся, беззвучно шевелились, словно силились, хотели и не могли сказать что-то. Так ничего и не сказала, прерывисто вздохнула и вернулась к самовару, который, не в пример хозяйке, не был так гостеприимен и не торопился закипать.

— Я выйду покурю во дворе, Тетенька! — сказал Сергей, направляясь к двери.

— Кури в горнице. Подыми тут. Мои глаза привычные.

— Нет, зачем же? Я выйду.

— Ну, ну. Ступай, посиди на крыльце. Скоро, чай, и они вернутся.

— У тебя кто-то квартирует?

— Да нет.

— Но ты кого-то ждешь?

— Все теперь кого-то ждут, сынок, — уклонилась Тетенька от прямого ответа, и Сергей внутренне насторожился.

Подождав немного в надежде что-то еще услышать от хозяйки и не дождавшись, он тихонько вышел на крыльцо.

Пес вновь приблизился к нему, обнюхал сапоги, убедился, что человек этот уже успел вынести на себе знакомые запахи их жилья, еще приветливее, чем прежде, завилял хвостом и тут же устроился на приступке, возле ног Сергея — похоже, он ничего не имел бы против, если бы этот человек стал его вторым хозяином: собака-то она собака, да тоже, видать, скучает без мужской грубоватой ласки, даже без мужского сурового окрика.

— Ну, как живем, друг? — обратился к нему Сергей, раскурив австрийскую сигарету и пряча зажигалку в карман. — Зовут-то тебя как? Полкан? Шарик?.. Ну, конечно же, Шарик, как же еще! Ишь как ты заволновался! Откуда, мол, этот чужой дядька знает, как меня величают?.. Просто угадал. Ведь вас, дворняг, на Руси чуть ли не всех зовут Шариками... А где же ты, брат, репьев-то столько насобирал, а? Да ты и хвост свой по-собачьи не подымешь! Разве теперь тебя расчешешь?.. И все-таки давай попробуем. А вдруг какие-никакие повыдираем.

Подхватив покорно подчинившуюся ему собачонку на руки, Сергей вышел на середину дворика, примостился на комельке, на котором Тетенька рубила хворост, и принялся сосредоточенно выдирать из хвоста Шарика репьи. Пес, хоть ему и было больно, однако терпел, даже лизал в благодарности руку неожиданного своего благодетеля. Он, разумеется, не ожидал ни от кого таких деяний и готов был хранить колючее и цепкое свое приобретение до весенней линьки, то есть до тех пор, пока репьи сами собою, по доброй своей воле и незаметно покидают и собачий хвост, и лохматый загривок, и подбрюшье вместе с клоками туго свалявшейся шерсти.

Не прекращая странного занятия, Сергей чувствовал, как теплая и нежнейшая волна сперва коснулась его глаз, а затем стала быстро заполнять и сердце, и он понял, что это вернулось к нему на короткий миг навсегда укатившее невозвратное детство, когда он вот так же, как теперь, готовя своего верного Полкана к зиме, освобождал его от репьев, в изобилии нацеплявшихся на него за лето. Увлеченный таким делом, Сергей не видел, как раскрылась калитка и в нее вошла молодая женщина, как она остановилась на полпути к дому в изумлении, а потом быстро приблизилась к нему. Услышав наконец за своей спиной ее частое, скомканное волнением дыхание, он стремительно приподнялся с колен, смахнул прилипшие к нему сухие ветки, по привычке военного человека одернул на себе китель, пробежал пальцами по его пуговицам, все ли застегнуты, и только потом уж глянул прямо в глаза женщины, лицо которой то покрывалось бледностью, то густым румянцем. И не одни эти перемены бросились офицеру в глаза — он видел радость, тревогу и даже смятение, которые попеременно возникали на таком знакомом, таком когда-то ясном и, как ему всегда думалось, совершенно бестревожном Фенином лице. Ну, радость — это понятно: как-никак, она видела живым и невредимым человека, который был самым близким другом ее брата Григория, увидела человека — и это, может быть, самое главное, — который служил в роте лейтенанта Семена Мищенко — короткой и «нечаянной» ее любви.

Ну, а тревога, а смятение — откуда они?

Недосуг было доискиваться ответа: Феня обнимала и целовала его, увлекая в избу. Шарик, забытый, не до конца расчесанный и прибранный, недовольно побрел вслед за ними в сени, в свой угол.

Подталкивая Сергея впереди себя, Феня усадила его за стол, где их ожидал, попыхивая и посапывая, пузатенький, с множеством медалей, генеральского вида самоварчик. Рядом, на блюдце, лежали два крохотных кусочка сахара, только что отщипнутые от большого куска, очевидно, уже припрятанного. Было еще несколько сухариков черных.

— Когда же это ты? И что же телеграмму-то? — говорила Феня то обычное, что говорят в таких случаях, явно не зная, когда надо и надо ли вообще спросить его о самом важном и самом горьком: из письма, полученного некогда от Сергея теткой Авдотьей, Феня знала, что и ее брат Григорий, и лейтенант Мищенко были убиты на Сергиных глазах осколками мины.

— Кому бы это я ее послал, телеграмму? — в свою очередь спросил он, горько усмехнувшись.

— Как это кому?! — искренне обиделась Феня. — А мне? А тяте? Он еще в сорок пятом вернулся и опять за председателя у нас. Мог бы и своей тетке Авдотье послать — не чужой, поди, ей.

— О чем это вы тут? — хозяйка заняла свое место за столом, и вот только тогда стол этот как бы обрел свои привычные формы и стал наконец таким, каким ему и полагалось быть в этой избушке: добродушно-приветливым, располагающим к неспешной беседе, именно тем столом, за которым чай не пьют, а балуются чайком.

И все-таки хоть Тетенька и разлила чай по стаканам, и расставила их по блюдцам, и положила перед гостями те два кусочка сахара, ни Сергей, ни Феня не притрагивались к угощенью. Они молча глядели друг на друга, не решаясь первым или первой заговорить о том главном и страшном. Поняв, что он и не заговорит, если его не попросить об этом, Феня, вновь побледнев и потемнев глазами, тихо вымолвила:

— Как же все это случилось, в самом ведь конце войны? Расскажи, Сережа, ничего не скрывай от меня. Сам знаешь, я сильная...

— Знаю. Только чего ж тут сказывать?.. В Померании... Готовились мы к новому наступлению. Стояли мы за каким-то селом — название трудное, не припомню. Гриша и лейтенант наш находились поодаль от меня, рассматривали карту — лейтенант только что вернулся из штаба полка, уточнял там задание... Ну, а мина немецкая, единственная в тот день, пущенная так, наугад — никто и не слышал свиста, — трах! И не стало обоих. Гриша часа полтора еще был живой, умер в медсанбате. Ну, а Семена Мищенку, того...

В этом месте его рассказа Феня вдруг встрепенулась, прижала пальцы к своим губам, давая Сергею знать, чтобы немедленно замолчал.

В горницу входил Авдей Белый.

— Вот это встреча! Сергей?!

— Он, он! — сказала Феня елико возможно спокойнее, а краска непонятного еще для Сергея стыда густо покрыла и ее лицо, и шею — даже крупные руки трактористки вмиг обсыпало багровыми пятнами, а меж широко, просторно раскинутых бровей выступили капельки пота — явно не от чая, к которому она так и не прикоснулась.

Сергей вышел из-за стола. Мужчины крепко обнялись. Теперь уже вместе вернулись за стол. Феня мельком взглянула на Авдея, только скользнула по нему своевольным взглядом, но его-то и оказалось достаточно для того, чтобы Ветлугин начал кое-что понимать, кое о чем догадываться.

— Живой, живой! — воскликнул Сергей в радостном удивлении, словно бы вот только теперь, в эту минуту, убедился, что перед ним его двоюродный брат, а не кто иной, и что брат этот, считавшийся без вести пропавшим, сидит сейчас с ним за одним столом и со странною, растерянною улыбкой на лице рассматривает Сергея, будто тоже удивляется тому, что тот вернулся с войны живым и невредимым. — Как же все-таки?.. Где же ты был все эти годы, а? Расскажи, пожалуйста!

— Долгая, Сережа, история и невеселая. Потом как-нибудь.

— Ну, хорошо. Не надо, не рассказывай. Живой — и отлично. Как же ты теперь? Где?

— В Завидове. Механиком вот у них, у трактористок, — он указал глазами на притихшую, насторожившуюся Феню. — А ты надолго к нам?

— Там видно будет. Недельки две поживу.

— У нас, чай, остановишься?

— Ну, а где же мне еще?

— Вот и хорошо. На охоту вместе походим.

— Нет, Авдей, тут я тебе не компания. Наохотился.

— Ну, на рыбалку.

— Это другое дело.

— Да пейте вы чай-то, охотники! — подала наконец свой притворно-возмущенный голос Тетенька. — Наговоритесь еще, успеете! Вся ночь впереди, теперь вас не уложишь спать.

— На том свете выспимся, Тетенька! — улыбнулся Авдей, радуясь тому, что разговор двинулся по более легкому для него руслу.

Обрадовалась тому же самому и Феня, но не настолько, чтобы окончательно погасить в своих потемневших глазах напряженно-тревожные огоньки.

Сергей оглядел стол, увидал вроде бы впервые все Тетенькино богатство на нем и быстро вышел из-за стола. Понял, что приспело время, когда он может наконец раскрыть свой чемодан, где у него лежало несколько банок с мясными консервами, которыми его снабдили на дорогу сослуживцы.

— Что ты там роешься, сынок? Ай мне нечем угостить вас? В печке у меня щи, они еще горячие, картошка в мундире. Сейчас выну. Садись, садись, чего уж там!

Но консервы были уже на столе. Объявился, но, пожалуй, уж по Фениному волшебству, и некий сосудец, без коего редко обходится даже самое худое русское застолье.

— Валушка продала сегодня, — будто оправдывалась Феня. — С выручки не грех, чай, одну-то бутылочку. Вишь, как она кстати пришлась.

К водке еще не притронулись, а веселое ее действо на человеческие языки уже совершилось. Сидевшие за столом сделались вдруг чрезвычайно разговорчивыми, повеселели, в речах бойки. Ну, а пропустивши по малой — Тетенька достала откуда-то действительно очень малые, на один лишь короткий глоток, граненые стаканчики, — совсем уж одушевились, и теперь речи то и дело перемежались смехом, единственно способным хоть на время снять с души тяжесть накопившихся страданий.

Потом, двумя или тремя часами позже, — кто же за столом замечает, как бежит время! — Авдей по не примеченному Сергеем знаку Фени вышел, будто по какой-то своей надобности, в сени, а Тетенька еще раньше вспомнила, что ей пора подоить козу, и тоже была где-то во дворе, в хлевушке, — Феня заговорила:

— Вот что, Серенька... Может, ты и сам уж догадался...

— Догадался, — тихо признался он.

— Ну, и хорошо. Живем мы с ним, с Авдеем. Может, и ты осудишь, может, станешь на сторону тетки своей Авдотьи. Это уж твое дело...

— Что ты, Феня? Как же я могу осуждать! — горячо сказал он. — Кто же может быть судьей в таких делах, кроме вас самих!

— Судей хватает, — легкая судорога пробежала по левой щеке молодой женщины. — Ну, да ладно. Справимся как-нибудь. Бог не выдаст... — она прервала вдруг эту мысль, перекинулась на другую, не меньше тревожившую ее: — И еще к тебе просьба. Ты маме о гибели Гриши не сказывай.

— Как же? Она ведь знает. Командир наш писал.

— Не верит она никаким бумагам. Мама и держится на земле только потому, что ждет. Так что ты ничего не видел и не слышал. А то ты убьешь ее своими подробностями.

— Понимаю.

— Вот и хорошо. А об Авдее, как у него все было, ты узнаешь из этого письма, — она вынула откуда-то из-за кофты старый, обсмоленный руками конверт и подала Сергею. — Почитай, только верни мне потом... Вот видишь, Сереженька, какая я...

— Какая?

— Грешная со всех сторон. Непутевая.

— Неправда! — решительно возразил Сергей.

— Ты хороший, добрый, Сереженька! Будь хоть ты один за нас!

— Буду! — сказал он почти клятвенно.

Феня подошла к двери, толкнула ее, позвала:

— Иди к нам, Авдей! Чего ты там торчишь! Я уж исповедалась. И за себя, и за тебя. За обоих сразу.

Он вошел, еще более взволнованный, слезы облегчения выступили на его глазах, руки нервно перебирали светлые, увлажнившиеся, прилипшие ко лбу вихры.

— Так-то вот, братишка, — проговорил глухо, сдавленно.

— Ну что ж, счастья вам, — сказал Сергей.

Феня печально улыбнулась:

— Какое там счастье?

— А что — так?

— Надолго к нам?

— Я уже сказал — недельки на две.

— Ну вот и наглядишься на наше счастье. Поди, устал с дороги? Отдохни, а мы у соседей переночуем. Они тоже завидовские, в тридцать третьем сюда перебрались от голодухи. Отдыхай. А завтра вместе выйдем на грейдер. Пойдем, Авдей!

Они ушли, и сейчас же вернулась с малюсеньким, попахивающим парным козьим молоком ведерком Тетенька и прямо с порога осведомилась:

— Ну что, сынок, узнал теперь все?

— Не все, но кое-что.

— Всего-то, Сереженька, многонько накопилось. В один час не узнаешь. На-ко вот, милый, выпей кружечку. Не молоко — сливки от моей Машки. Выпей да ложись. Постель разберу для тебя за занавесью. Сама я на печке.

Марфуга АЙТХОЖИНА

Горсть земли

И лучшей из земель вовеки не сравниться
С моим родным двором, с моей родной землей.
Едва уеду вдаль —
И снится, снится, снится,
Что припадаю я к родным камням щекой:

Не оттого ль, что тут моих дорог начало,
Что капли первых слез тут землю обожгли,
Что, плача и смеясь, тут мать меня качала,
Что пухом в смертный час мне будет горсть земли...

■

Так необъятна степь, что слабнут крылья птицы...
Но все-таки за пядь
Единственной земли,
За горсть ее одну
С врагом мы б стали биться,
Пока бы удержать ее в руках могли.

В ней скрыты до поры свершений наших сроки,
В ней топот скакуна, летящего вперед...
Куда бы ни вели бескрайние дороги,
Но горсть родной земли
На Родину зовет!

Дочери моей...

О доченька моя, коснись домбры скорей!
Пусть станет на душе свободней и светлей,
Пусть горе отлетит
И явятся пред нами
Просторы голубых невиданных морей.

Пусть затрепещет степь, тюльпанами красна,
Пусть пенные валы взметнутся у окна,
Пусть заблестит слеза у девушки притихшей,
Пусть сердце захлестнет влюбленности волна.

О доченька, играй!
И грусть исчезнет прочь,
Серебряной струной тревожь глухую ночь.
Над озером замрут чарующие звуки,
Власть нежности твоей
Не в силах превозмочь.

О доченька, играй!
Веселых птиц буди!
Пусть для тебя весна маячит впереди!
И вот уже во мне горят любовь и гордость —
Два яркие огня у матери в груди.

Перевела с казахского Т. КУЗОВЛЕВА

Ярослав СМЕЛЯКОВ

ИЗ НЕОПУБЛИКОВАННОГО

Прошел год со дня смерти Ярослава Смелякова. Кипучая творческая деятельность его никогда не замыкалась в тиши кабинета. Он писал много, и что писал, печаталось в газетах, журналах, книгах. Но многого не успел он опубликовать. Сегодня мы знакомим читателей с двумя неизвестными стихотворениями Ярослава Смелякова, подготовленными для публикации Татьяной Стрешневой.

Михайловское. 1967 год.

■

...Когда еще школярского пера
Я на терзал над строчкою лиричной,
Мне нравилось, что старшая сестра
Была библиотекаршей фабричной.

Конечно же, добавить нужно тут,
Что обольщало юное сознанье
Той фабрики «Освобожденный труд»
Волшебное и точное названье.

И, к моему тщеславному стыду,
Уже и в школе создавалось мненье,
Что я к «Освобожденному труду»
Какое-то имею отношенье...

Пускай меня за это упрекнут,
Но я хочу, тревожно глядя в даль,
Чтоб фабрики «Освобожденный труд»
По всей земле когда-нибудь стояли.

Лавровый венок

Звучала средь снегов
Пятнадцатого года
Последняя без слов
Державинская Ода.

Понятно, отчего
Был Пушкин благонравен
В тот день, когда его
Благословил Державин.

Всесветно одинок,
Ослабший и мясистый,
Свой лавровый венок
Он отдал лицеисту.

При ропоте молвы
Сошел венок России
С поникшей головы
На кудри молодые.

Из всех стараясь сил,
По лестницам Лицея
Юнец его носил,
Всерьез благоговея.

Он был ему под стать.
В нем сладостно дышалось.
Но эта благодать
Недолго продолжалась.

Всему приходит срок —
Закату и рассвету.
И тесен стал венок
Великому поэту.

Он был не так уж мал,
Но с каждым новым годом
Все тягостней стеснял
Души его свободу.

Венок судьбы чужой,
Награду дорогую
Он снял своей рукой,
Стыдясь и торжествуя...

В один и тот же миг
Единственным движеньем
И сам себя расстриг,
И принял постриженье.

Но доставал на свет
В колеблемом тумане
Венок ушедших лет,
Печаль воспоминаний.

Моим старым костям в самый раз. Зимой и летом грею их на кирпичах. Покойной тебе ноченьки, солдатик родной. Я еще схожу к шабренке, закваски попрошу, можа, лепешек на дорогу вам успею испечь.

«Покойной ноченьки» у Сергея не получилось. Часть ее ушла на чтение пространного письма Авдея, а часть — на беспокойные, неугомонные думы по поводу туго стягивающихся обручей вокруг их судьбы.

Письмо длинное, но Сергей прочел его от начала до конца один раз, потом — другой, не в состоянии избавиться от встревожившей его мысли: физические раны, оставленные войной на миллионах бывших фронтовых солдат и на теле их Родины, как бы глубоки и страшны ни были, в большой, малый ли срок, но все-таки исцелятся, зарубцуются. А как исцелишь, заврачуешь раны душевные, полученные от той же войны десятками тысяч людей, подобных Авдею?

Тетенька Анна все-таки не вытерпела — подала свой голос с печки:

— Да ты, никак, все не спишь?

— Сплю, сплю, Тетенька.

Рисунок В. КРАСНОВСКОГО

— Как же — не слышу, что ли? Ложись, хоть часик вздремни. Скоро уж вставать.

— Не спится что-то. Все о них... Трудно им придется.

— Знамо, нелегко, — живо отозвалась хозяйка. — Теперя держись. Сладок будешь — расклюют, горек будешь — расплюют... А ты все-таки сосни часок и мне, старухе, дай вздремнуть маненько, — тяжко, с оханьем вздохнув, хозяйка умолкла.

Странно все-таки и горько устроен мир. Событие, от которого человек вправе был ожидать если не полного счастья, то хотя бы какого-то просветления в своей судьбе, неожиданно, вопреки, казалось бы, всякой житейской логике поворачивается к нему самой неласковой своей стороной. Полученное Феней в конце сорок пятого года письмо от Авдея зажгло в ее душе некий светильничек, безотчетную покамест еще надежду на что-то почти праздничное впереди, после извещения о гибели брата Григория и Семена Мищенко впервые выжало на ее вроде бы уж навсегда недвижных, закаменевших губах легкую, едва приметную, на один лишь миг дрожь улыбки, которую, наверное, она и сама-то не почувствовала, — но улыбка все-таки была, и она была вернейшим знаком душевного воскрешения.

Первое, что она сделала тогда, так это помчалась, как потом рассказывала, «сломя голову» к Авдотье Степановне, Авдеевой матери, чтобы принести ей столь великую радость. Может быть, Феня и не думала в тот раз, что такою новостью она растопит лед отчуждения, бывший между ними с весны сорок третьего, то есть с того времени, когда Фенина связь с фронтовым постояльцем сделалась достоянием всего Завидова, а в сердце Авдотьи поселила чувство беспричинной, казалось бы, ревности и обиды за сына, пропавшего без вести. Не думала Феня, не стремилась расположить Авдотью к себе, но такая надежда жила в ней сама собою, подспудно, и, верно, потому она огорчилась, узнав, что в тот же день почтальон Максим Наклейников принес такой же конверт и Авдеевой матери — принес и не сунул, как делал почти всегда, под сенную дверь, а чуть ли не ворвался в избу и пропадал там более часа, пока не выполз оттуда чуть ли не на карачках полным-полнехонек, как заключила встретившая и освидетельствовавшая его по дороге домой жена Елена, давно не видевшая мужа в этаком состоянии: на радостях Авдотья Степановна поставила на стол всю четверть, хранившуюся у нее в подпечке с незапамятных мирных еще времен, может быть, как раз для такого вот редкостного события.

Не дождавшись, с каким делом заявилась к ней Феня, Авдотья упредила гостью горячей просьбой:

— Прочитай теперя ты, Фенюшка! Максим, поди, с пяти на десято... Пропустил, чай, половину. От Авдеюшки это! Живой сынок-то! Я знала, сердцем чуяла, что не погибши.. Прочитай, доченька, еще разок! О, господи, за что мне, грешнице, такое счастье!

Феня, бледная от волнения и от накатившейся откуда-то на сердце неясной тревоги, прочла. Читала медленно, потому что Авдотья Степановна просила не торопиться, читать погромче («Слабеть что-то стала на ухо», — предупредила она Угрюмову). Письмо было не длинное, не такое, какое получила она, без всяких подробностей относительно его скитаний по немецким лагерям, — просто он сообщал, что жив, здоров, надеется скоро вернуться и тогда заглянет в Завидово, чтобы повидаться с нею, матерью, да сестрами, которым велел кланяться. Далее шли поклоны другим, более дальним «сродникам» и знакомым — в перечислении многих имен значилось и ее, Фенино, имя; она даже обиделась на него, что помянул ее едва ли не самой последней, позже Саньки Шпича, очень нелюбого ей человека, вернувшегося недавно в село и попытавшегося было «прихлестнуть» за Фенею и вызвавшего таким образом лютую ревность Насти Вольновой, младшей ее подруги, за войну очень привязавшейся к Фене.

Прочитавши, Феня призадумалась. Пока растроганная донельзя хозяйка, исполненная благодарности, обнимала и целовала ее, обмачивала Фенины щеки обильною слезой несказанной радости, Феня решала, сообщать ли Авдотье Степановне о полученном ею, Фенею, письме. Если скажешь о нем, то Авдотья непременно заставит прочесть, а как она прочитает, если сам Авдей не захотел, не стал рассказывать матери то, что рассказал другому человеку?! Может, просто вот встать сейчас и уйти, но и этого Феня не могла сделать: как-никак, а она была женщина, то есть самое ненадежное хранилище каких бы то ни было новостей, ну, а хороших и подавно. И она тихо, хриплым голосом, перехваченным волнением и той неясной, подкатившейся к ней будто украдкой тревогой, сообщила:

— Он и мне прислал весточку.

— Кто, милая? — не поняла сперва Авдотья Степановна, оглушенная нежданно-негаданно свалившейся на нее радостью.

— Да Авдей же!

— И тебе?.. Чего же он?.. — слезы счастья стали быстро, прямо на глазах Фени, подсыхать на лице хозяйки, а лицо становилось суше и холоднее. — Что же он пишет тебе?

— То же самое. Жив и здоров, — сказала Феня как можно спокойнее и будничнее.

— Прочитала бы.

— Да не захватила с собой, — солгала Феня.

— Ужо наведаюсь к вам. Чай, прочитаешь.

— Прочитаю,—сказала Феня, не сводя пригасших глаз с озабоченного лица Авдотьи. Про себя подумала: «С чего это она надулась? Разве я худое что сказала? Господи, как же все непонятно!» — Ну, я пойду. Хотела тебе добрую весточку принесть, а она к тебе сама прилетела. Рада за тебя, тетка Авдотья!

— Спаси тебя Христос. Так я ужо к вам...

— Приходи, — сказала Феня теперь тоже холодно, потому что к этой минуте вспомнила, что приход такой счастливой гостьи не сулит ничего хорошего не только самой Фене, но и ее матери, для которой любая чужая радость — лишнее напоминание о собственном ее горе.

Фенина мать, Аграфена Ивановна, не знала о том, что Авдей жив: дочь все-таки утаила от нее получение его письма, и до сих пор, пока он числился в без вести пропавших, горе двух матерей было общим, они словно делили его пополам, при встречах и при воспоминаниях о сгинувших на войне сыновьях обе, конечно, плакали, и слезы приносили на какое-то время пускай малое, но все-таки облегчение. Теперь же доля тяжкого бремени снимется с сердца Авдотьи Степановны и, само собою, свалится на несчастную Аграфену Ивановну — устоит ли она под таким еще ударом? Между тем Феня знала, что не найдется на свете такой силы, которая заставила бы Авдотью Степановну промолчать о своем счастье: оно ведь, как и несчастье, нетерпеливо, рвется из груди и властно требует, чтобы ты поделился им с другими.

Еще до «ужо», то есть до того не определенного никаким конкретным часом времени, где-то под вечер, когда деревенская женщина обычно успевает встретить корову, подоить ее, управиться с другими домашними делами и с чистой совестью и не обремененными особыми заботами думами, может пойти погостить у кого ни то на один часик, — так вот, еще до этого «ужо», едва проводив Феню Угрюмову, Авдотья Степановна помчалась к шабренке, то есть к соседке, а та, сделавшись обладательницей такой новости, распрощавшись с Авдотьей, метнулась к своей шабренке — и понеслось. Словом, к возвращению Фени домой Авдотьина радость, околесив по улицам и впадающим в них проулкам все село, замкнулась как раз на угрюмовском подворье.

Однако Фенины опасения были напрасны. Против ожидания, новость эта не только не сокрушила Аграфену Ивановну, но дала новую пищу для чуть тлеющего где-то в глубине ее души огонька надежды — теперь этот огонек возгорелся, и отсветы его явственно замерцали в почти омертвевших, насквозь проплаканных глазах матери. На них и сейчас были слезы, но не замутненные, как обычно, неизбывной, непреходящей горечью, а детски чистые, родниковые.

— Слышала, Фенюха, новость-то? — почти закричала она, завидя входившую в избу дочь. — Авдюшка-то Белый отыскался! Живой и здоровый. Можа, и наш Гришенька... — Тут она замолчала, двинулась навстречу Фене, распростерши руки для объятья. Не прижалась, а прямо упала на дочернюю грудь, и Феня, поддерживая, подвела ее к лавке, уселась и сама рядом, с трудом удерживая собственные слезы, вскипающие на сердце.

...Весною нынешнего, сорок седьмого года Авдей вернулся. Он вернулся с твердым намерением лишь повидаться с матерью и сестрами, ну, конечно же, и со всеми другими завидовцами, а через неделю-другую уехать к себе на завод в Ленинград, откуда на другой же день войны он уходил на фронт. И уехал бы, и занял бы место у своего токарного станка, если бы не Феня, которую увидел в первый же день своего возвращения в родное село. Увидел — и уехать один, без нее уже не мог.

Авдотья Степановна материнским, а может быть, просто женским своим чутьем понявшая еще задолго до его приезда в Завидово, что связь ее сына с Фенею будет почти неизбежна, пыталась предотвратить ее всеми доступными для нее средствами. В каждом письме к сыну она как бы мимоходом, без особого нажима не забывала сообщить про Феню что-нибудь такое, что могло бы охладить его чувства к ней. В одном, кажется, самом последнем своем письме она не поленилась и во всех подробностях описала то, как Феня Угрюмова, «потеряв стыд и совесть», чуть ли не на глазах у всего Завидова «жила с каким-то заезжим красавцем лейтенантом», «ославилась так, что родная мать боялась на люди выходить!».

Получались подобные послания и от сестер. Те шли еще дальше. Одна даже сообщила, что во время войны в будку «тракторной бригадирши», то есть Фени, «поныривал лесник Архип Архипович Колымага», что сестра своими глазами видела, как он приносил на стан уток, понастреленных им в лесных болотах. — «С чего бы это он так расщедрился! — многозначительно восклицала сестрица. — Ты ведь, Авдей, помнишь этого Колымагу, скряга, каких свет не видывал, у него летошнего снегу не выпросишь, не то что уток!» Другая, младшая, и поведала ему о другом, о том, что в товарки себе Феня подобрала Марию Соловьеву, «самую распутную бабу в Завидове». «Идет эта Марея по селу, поставит сиськи, как верблюжьи холки, берите, мол, мужики, голыми руками! Стыд и срам! — возмущалась младшая, не лишенная, судя по письму, художественного воображения бабенка. — А Фенька дома и не ночует. Спихнула сына на материны руки, а сама, хабалка, у Соловьевой шашни с мужиками разводит. Та, Марея-то Соловьиха, прижила от Тишки Неприхина ребенка, и ей хоть бы что: мочись в глаза — ей божья роса! А муж ее, Федор, живой, в Германии служит, до Берлина дошел, пишет, что скоро вернется, накрутит ей хвоста, а можа, и голову свернет, как гусенку!»

Авдей читал все это и внутренне ухмылялся, отлично понимая, к чему ведет и чего опасается мать, мобилизовавшая и дочерей для поношения не такой уж близкой, но все-таки родственницы. Не знала Авдотья Степановна, не знали и сестры, что явно переусердствовали, что добились результата, прямо противоположного тому, на какой рассчитывали. Сами того не ожидая и, конечно же, не желая, они возбудили в Авдее острый и нетерпеливый, может быть, даже болезненный немного интерес к молодой и красивой женщине, которая еще с довоенных лет не была для него безразличной.

Он пришел в Завидово в полдень, прошагав от станции до села семнадцать верст. Остановился у крайних изб, что принадвинулись к самым дугам. Снял линялую, отороченную по краям темною от пота и грязи каймой, засаленную пилотку, тщательно вытер ею вспотевшее лицо, долго еще протирал неожиданно заслезившиеся глаза, зачем-то глянул на часы и удивился, что все семнадцать верст оставил позади себя за каких-то неполных два часа. «Должно быть, старая пехотинская привычка сказалась, — удовлетворенно подумал он. — Настоящий марш-бросок с полной боевой выкладкой!» И он встряхнул за спиной пузатый, чем-то туго набитый, такой же, как пилотка, выцветший вещмешок.

До вечера мать и сестры, забаррикадировавшись на своем подворье, ревниво оберегали его от нашествия других родственников, от знакомых, а в особенности от фронтовиков, вернувшихся в Завидово раньше Авдея и теперь встречавших очередного и в общем-то очень редкого счастливца всенепременным трехдневным, а то и недельным загулом.

Первыми, как того и ожидала и боялась Авдотья Степановна, припожаловали Тишка и Пишка. Тишка хоть и не был на войне но теперь все время находился при важной особе Епифана, потерявшего где-то в своей роте левый глаз и сейчас державшегося настоящим героем. Единственный глаз в качестве компенсации, что ли, за утрату другого обрел у него орлиную зоркость, позволявшую Пишке первым узреть нового завидовского пришельца. Да и вообще теперь ничто, пожалуй, не могло на селе и в его окрестностях ускользнуть от этого цепкого, в постоянном насмешливом прищуре глаза. Завидовцы уже успели приметить, что, помимо остроты, Пишкино око постоянно хранило какую-то загадочную веселинку и все время подмигивало, как бы намекая на что-то такое, о чем ведает лишь сам Пишка, а остальным людям надлежит еще догадываться.

К дому Авдотьи Степановны Пишка, однако, притопал в самом добром расположении духа: военные передряги не переиначили его характера, а следовательно, и старых привычек, в число которых входила и та, что давала Епифану возможность при малейшем случае угостить себя за счет чужого кармана. Торкнувшись в калитку, затем постучавши в окно и не услыхав в ответ никакого отзвука, Пишка подмигнул своему верному спутнику, и подмигивание это означало: не огорчайся, Тиша, Авдотьина крепость недолго продержится. Мы с тобой, друже, не такие укрепления брали, брали штурмом, коль не выходило осадой.

— Авдотья Степановна! Алена! Веруха! — начал он взывать сладчайшим голосом, называя вместе с хозяйкой и ее дочерей, поскольку видел, как они часом раньше нырнули в родительский дом. — Откройте! И не совестно вам укрывать от фронтовика своего служивого? Чай, не съедим мы у вас его. Только глянем, поздравствуемся — и по домам!

В избе молчали. Авдей делал отчаянные знаки сестрам, чтобы открыли калитку, а те так же отчаянно и отрицательно качали головами, не желая хотя бы в первый этот день делиться с кем-либо долгожданным братцем.

Между тем Епифан продолжал ораторствовать:

— Степановна, не гневи бога! Не простит он тебе, припомнит на страшном суде, как ты честных своих односельчанов на порог не пустила. Слыхано ли дело, чтобы фронтовик от фронтовика под материным подолом скрывался!

Не известно, что больше подействовало на хозяйку — угроза предстать пред божьими очами на страшном суде или последнее, обидное для ее сына, Пишкино замечание относительно материной юбки, — не известно, что именно, но первой сдалась, выбросила белый флаг Авдотья Степановна:

— Ступай, Вера, отомкни калитку. Ведь он, одноглазый черт, силком вломится. И энтот антихрист с ним, — закончила она, глянув в окно и приметив укрывшегося за Епифановой спиной и виновато ухмылявшегося Тишку.

Через минуту с торжествующим видом победителей приятели ввалились в избу и, соблюдая очередность, принялись по-медвежьи мять в своих объятьях смятенно улыбающегося Авдея.

— Присаживайтесь, чего уж там, — пригласила Авдотья Степановна, — какой только окаянный вам все доносит, ума не приложу!

— Э, Степановна! Ты, вижу, не знаешь, что на фронте я был разведчиком! — Пишка выпятил грудь, на которой были единственная медаль «За боевые заслуги» да желтенькая нашивка, свидетельствующая о тяжелом ранении ее владельца. — От меня, если хотите знать, ни один фриц не мог увернуться. Одних «языков» перетаскал для наших командиров видимо-невидимо. А на Одере — есть такая, Авдотья, река у немцев, — так вот на этом самом Одере я германского генерала прихватил и переправил на нашу сторону на бревне, вот тебе крест! — И Пишка незамедлительно осенил себя крестным знамением, не забыв повернуться лицом к образам. Он говорил, все более распаляясь, а хищный и хитрющий глаз его уже косил по-сорочьи воровски в сторону стола, уставленного немудрящими закусками, к которым не притрагивалась еще ни одна рука.

— Да садись уж, хватит языком-то молоть! Знаем, какой ты у нас герой, — сказала хозяйка.

— Это что, намек? — вмиг помрачнел Пишка, сменившись с лица.

— Какой там намек! — вздохнула Авдотья. — Что было на языке, то и сказала. На то я и баба. А ты не сердись. Садись и угощайся. Это я к тому... Чтой-то орденов маловато на твоей геройской груди.

— А твой, мать, сынок, похоже, по карманам их рассовал, что-то не примечаю на его гимнастерке, — не выдержал Пишка, чтобы не нанести ответного укола, но, боясь, как бы не нарушить в этом доме праздничного настроения и не пострадать самому от такого нарушения, быстро перестроился и говорил уже в прежнем своем, чуть насмешливом, но благорасполагающем тоне: — Вот слушаю я тебя, Авдотья Степановна, и удивляюсь: баба ты вроде мудрая, а иной раз скажешь такое, что хоть стой али падай. Орденов, видите ли, мало на Пишкиной груди! Ты, Степановна, ничегошеньки в таких серьезных делах не смыслишь. Да ты прочитай, что написано на моей медали! За что она мне дадена? Читай: «За боевые заслуги». Ни за какие-то там еще, а за боевые! Поняла?

— Поняла, уймись ты за ради Христа!

— Молчу, коль поняла. Давай, Тиша, поздравим Авдея с возвращением с того света, а его мать и сестриц — с великой радостью! — с этими словами Пишка уселся за стол, и не где-нибудь там с краешку, а поглубже, чуть ли не под иконами, откуда его непросто будет потом выдворить.

Тишка, тот поскромнее, ткнулся тощим задом в старенький скрипучий табурет чуть даже поодаль от стола, показывая таким образом, что он гость не опасный, поскольку собирается быстро покинуть застолье, предназначенное явно не для них с Пишкою.

Проводить гостей решил сам Авдей. Авдотья Степановна, нахмурившись и ревниво поджавши губы, двинулась было вслед за сыном, но тот спокойно, но достаточно настойчиво попросил:

— Мать, ты не ходи со мной. Я скоро вернусь.

Это «скоро» затянулось до поздней ночи. Мать долго терпела, ожидаючи, но в конце концов терпение ее иссякло. Накинув на голову шаль, которая редко покидала ее и зимой, и летом, решительно направилась... она отлично знала, где ей искать сына. Конечно же, он застрял в доме Угрюмовых. Авдотья Степановна увидала его сидящим на скамейке возле калитки, да не одного, а с Фенею. То, чего она больше всего опасалась и не хотела, кажется, уже началось. Остановилась в двух шагах от сидящих, дрожа всем телом, срывающимся голосом заговорила:

— Да что же ты, сынок... Сколько годов ждала тебя, все глазыньки проглядела и проплакала, а ты с родной матерью и часа не пробыл. Неужто тебе дороже... — Задохнулась от жгучей ненависти и обиды одновременно. От ненависти к молодой женщине, обладающей, видно, куда как большей властью над ее сыном; от обиды на Авдея, не вернувшегося к столу, на который было выставлено все, что имелось в доме, и за которым Авдотье и ее дочерям хотелось посидеть по-семейному. Не сдержавшись, заплакала, повернулась и пропала в темноте.

КИНО

Н. ЗОРКАЯ

В ДАЛЬНЕМ ПЛАВАНИИ

Юлий Райзман и его новый фильм

«Визит вежливости» Юлия Райзмана вышел на экраны накануне семидесятилетия режиссера. «70» и Райзман — нелепо это сочетание и для тех, кто знает его в жизни, и для тех, кто сегодня смотрит его картину в кинотеатрах! При всем желании найти тон, подходящий к торжественной дате («покой», «гармония», «классичность»), нельзя, невозможно считать «юбилейным» новое творение автора «Последней ночи» и «Машеньки», «Коммуниста» и «Твоего современника».

И недаром вокруг «Визита вежливости» сразу завязались споры. Потому что эта картина исключительно своеобразна, угловата, причудлива, не похожа на уже известное. Но в этом-то ее прелесть, обаяние юношеской непосредственности, сколь ни неуместны, казалось бы, эти слова в применении к маститому режиссеру («юбиляру»).

После «Твоего современника», который постановщик называл фильмом «публицистическим», эта картина еще далее отходит от той традиционной по драматургии, «прозаической» сюжетной истории, что раньше определяла форму райзмановских картин.

Прежде всего — и это вполне естественно — бросаются в глаза два плана действия, два временных пласта. Это наша современность, сегодняшняя Италия, и древние Помпеи накануне гибели.

Сразу напрашиваются метафоры, параллели: «современный мир на огнедышащем вулкане», «Везувий — ядерная война» и т. д. Но авторы сценария А. Гребнев и Ю. Райзман предостерегают нас от чрезмерной конкретизации и элементарных выводов. «Зачем такие прямые аналогии... — устами героя комментируют они свой замысел.— Везувий — это не обязательно бомба... Это может быть что угодно. Фашизм, фашистские перевороты... То, что несет угрозу для человечества! И тут важно другое. Как сами люди относятся к этой опасности». Речь идет о тревоге за судьбы сегодняшнего мира и об ответственности всех и каждого. Речь идет о том, что на языке газет называется «напряженностью в мире» и «необходимостью разрядки». Но, разумеется, искусство говорит об этом на своем языке. Опыт двухтысячелетнего возраста предстает на экране отнюдь не в форме простого и назидательного «урока истории».

Кадр из фильма «Визит вежливости».

«Стык времен» пленяет здесь как раз своей вольностью и косвенностью. Словно бы художник ощутил себя властелином всего прошлого человеческого. Поставил своих героев в новый, гораздо более широкий, духовный контекст. Ведь о гибели Римской империи, а с нею всего древнего мира, знамением чего и служит трагедия Помпеи, размышляет не итальянский публицист - интеллектуал или какой-нибудь другой персонаж, непосредственно причастный к европейским тревогам сего дня, но худенький советский морячок, капитан-лейтенант Андрей Глебов. И что ему, казалось бы, Гекуба?! Но в минуты, свободные от флотского труда, ночами после маневров и учебных тревог, в дальнем плавании и дома на рейде пишет и пишет он пьесу. Из пьесы мы, поистине впервые за две тысячи лет, узнаем, что, оказывается, жители Помпей могли бы спастись, ибо были предупреждены об извержении вулкана неким Чужестранцем — понятно, что здесь мы имеем дело с вторым «я» героя.

Так сплетаются, расходятся и снова перекрещиваются две линии сюжета. Реальные события «визита вежливости», посещение Неаполя советским ракетным крейсером, туристический заезд моряков на помпейский мемориал в сопровождении гида Лючии, вечер в Неаполе, проведенный Андреем Глебовым вместе с нею же, — находят продолжение и новую «версию» в пьесе. И, подобно тому, как в воображении Глебова на цветных открытках видов Помпей проступает жизнь, некогда мгновенно прерванная и погребенная под лавой, участники сегодняшней психологической драмы преображаются в персонажей древней трагедии. Исполнители современных ролей Б. Гусаков и Л. Альбицкая становятся ее протагонистами — Чужестранцем и спасенной им, выкупленной на торгах рабыней Лючией.

Мы, зрители, присутствуем, таким образом, и при зарождении замысла средь античных колонн и фресок помпейского музея, в шумной толпе ночного Неаполя, и при рождении пьесы в тиши офицерской каюты, на фоне сурового морского труда, исполненного строгой красоты и величавой поэзии.

Но и на том дело не кончается. Капитан-лейтенанту Глебову доводится увидеть свое детище на сцене, а значит — присутствовать, так сказать, при процессе создания спектакля. К комплексам фильма — «Италия», «корабль», «Древний Рим», «порт» прибавляется еще один — театр, маленький провинциальный театр.

И когда глазами своего Андрея Глебова наблюдает сегодняшнюю Италию Юлий Райзман, и когда режиссерский взор, столь острый и меткий, столь сильный в «объективации» увиденного, следит за героем доброжелательно, но чуть со стороны, — на экране возникает живая правда, полная юмора, грусти, тонко схваченных подробностей, емких деталей (художник-постановщик Н. Авдашников). Как правдив, например, проход экскурсии моряков по древнему амфитеатру (растянулась меж скамьями цепочка белых фуражек), по помпейской улице в сопровождении девушки-гида, с этими хорошими вопросами и поворотами, словно по команде, с проспектиками и камерами в руках! И, конечно, этому застенчивому, с тонкой юношеской шеей, самоуглубленному капитан-лейтенанту не по себе в толчее «ночной жизни», разве трудно его понять?

Даже вполне публицистические и неоригинальные по тексту диалоги, вроде спора Глебова с патлатыми «новыми левыми» или увещеваний одинокой, уставшей в борьбе за место под горячим итальянским солнцем, опустошенной Лючии, что есть еще в мире любовь, товарищество и душевность, — даже в этом всем нет никакой высокомерной назидательности. Только сердечный интерес и наивная жажда ободрить, спасти, протянуть руку помощи, пусть и до того, как тебя попросили. Режиссер открыл под конкретной историей, рассказанной с экрана, тот дар «всемирной отзывчивости», который искони признан (как отечественными, так и иностранными философами, психологами) одной из коренных примет русского национального характера. Эта лирическая атмосфера обволакивает странную, из зигзагов и острых углов, историю моряка-писателя. Все просят Глебова, раз уж он чудит, писать что-нибудь про флот. А он вот про Помпеи! Совсем как тот из ровесников его отца, кто в нищей, разоренной своей стране мечтал:

Красивое имя,
Высокая честь —
Гренадская волость
В Испании есть!

Потому, конечно, очень закономерно, что и пьеса не о гибели, но о спасении злосчастного города. И отвергнутым спасителем в ней выступает двойник нашего героя.

Помпейский комплекс картины вызывает у некоторых зрителей нарекания. Говорят: «лубочно-слайдовые Помпеи», вспоминают Брюллова, упрекают в «опере». Действительно: помпейским сценам, пожалуй, недостает окончательности единого решения. То ли это «реалистический» Древний Рим — но он возникает лишь фрагментами, например, в сценах у полумертвого, страшного своей прозаической сухостью Пансы (А. Вокач). То ли, наоборот, это Древний Рим, только лишь глазами Андрея Глебова — тогда хотелось бы как раз больше «лубка» и «слайдов», Брюллова и еще Семирадского в придачу! Потому что откуда же иначе почерпнет свой образ Помпеи капитан-лейтенант Глебов и мы с ним заодно? Ведь мы—не латиняне, как Федерико Феллини, чтобы можно было поверить истине древнеримских наших видений!

При всей неожиданности формы и драматургического построения «Визит вежливости», конечно, совершенно «райзмановский» фильм. Мы узнаем руку режиссера, его замечательный дар запечатлеть самую суть человеческую в лаконичном экранном портрете не только главных героев, но персонажей второго плана и лиц эпизодических. В «современности», например, это Кондаков в исполнении Н. Рачинского, а в Помпеях — портрет префекта (В. Стржельчик). Развалившись на ложе в триклинии, счастливый, добродушный в насыщенном своем самодовольстве, почти что обаятельный правитель откровенно делится с беднягой чужестранцем роскошным своим ужином и своими мыслями о власти, политике, дипломатии, стратегии и тактике. Даже философией цинизма нельзя назвать эту радостную и тщеславную самоуверенность временщика-шкурника, душевного плебея. Как всегда у Райзмана, живопись неповторимого индивидуального образа словно бы еще обведена четким контуром типа. И далее, к финалу картины, нам дается радость этого высокого мастерства портрета.

Действие там возвращается на родные брега. Осенний приморский бульвар и зимняя безлюдная грусть южного порта заставляют вспомнить райзмановскую «Машеньку» в далекой, уже ностальгической ее дымке. Прекрасны и чуть печальны эти будни затихшего портового города, и мимолетные уличные встречи, и молчаливый ужин в кают-компании, где каждый — с какой-то своей глубокой думой. Плавание кончилось, и далеко-далеко остался голубой Неаполитанский залив. И вот тут-то, под самый конец, изобретает Райзман ту самую чудную свою «штуку», которая, как сперва кажется, и вовсе не обязательна, а потом оказывается не только необходимой, но дает как бы ключ ко всей предыдущей большой истории и освещает ее новым светом. Вот тут-то он приводит Глебова в театр.

Сцены на репетиции, в артистическом буфете, в фойе сделаны с исчерпывающим знанием среды, с проницательностью мгновенных зарисовок, которой сполна хватает метража «миниатюр»: герой-любовник, всезнающая дамочка-завлит, старый актер — тут уж, как говорится, не убавишь и не прибавишь, так это есть — и все!

Но все это не ради «театрального романа» как такового. Комплекс «театр» необходим для последнего «воплощения» темы Помпей и для новой Лючии, для Нины Сергеевны — Аллы Демидовой.

Сначала может показаться, что рисунок актрисы в репетиционном ее неглиже чересчур резок, шаржирован. И сутулая спина, и пучок-кулачок на затылке и еще очки в придачу. Смешно, остро, но не «капустник» ли? Подождите, тем чудеснее будет преображение!

И оно наступает на сцене, перед полупустым залом утреннего спектакля. Брюлловского Рима уж нет. Ушла массовка, рабы и патриции, — только черная решетка в тусклом свете софитов. И нет упитанного премьера, а есть в тени тюрьмы Чужестранец. И Лючия — не та маленькая полуитальяночка, а тонкая, высокая, прекрасная, как мечта. И монолог, обращенный в зал. И самое удивительное, что вдруг мы начинаем верить: так и было, конечно, несомненно — в Помпеях погибло всего две тысячи человек, а остальные спаслись, потому что она, Лючия, жена Чужестранца, вышла на форум и предупредила сограждан...

Так из дальнего плавания Юлий Райзман вернул нас на родную землю, к двум людям и двум человеческим судьбам. И позволил нам узнать о них многое. И об этом одиноком, чуть грустном молодом человеке, у которого несколько дней тому назад в Борисоглебске умер отец, тоже моряк. И об этой стареющей женщине, которая сейчас, поклонившись публике, возьмет авоську и пойдет в «Гастроном» покупать колбасу, а потом уедет на автобусе к себе в микрорайон. И заставил нас полюбить высоту их духа, поверить в преображающую силу искусства. И еще в то, что прошлое, даже самое далекое прошлое человечества, говоря словами Чехова, связано с настоящим одной непрерывной цепью событий: «...дотронулся до одного конца, как дрогнул другой»...

ТАМ ЛИ ИЩУТ КЛАД?

Помнится, как в свое время по экранам промчался «Золотой эшелон», где драматизм революционного времени был во многом сведен к классической для голливудских лент золотой лихорадке погонь и поисков главного «героя» — желтого металла. Тогда это показалось досадным просчетом единичной картины.

Увы, в последнее время появились и другие фильмы, следующие курсом «Золотого эшелона». Вспомним хотя бы «Корону Российской империи». В экранной суматохе не всегда удавалось отличать тех, кто хотел просто-напросто украсть корону, от тех, кто стремился только лишь выкрасть ее... Все заиграло и заблестело вокруг, когда герои, заполучив корону, несли ее благоговейно, как знамя с поля боя, и режиссер с помощью почтительных наездов и крупных планов снимал в цвете эту поистине коронационную сцену.

Вскоре на экран примчался еще один «золотой эшелон» — из «Даурии».

В фильме, созданном на основе большого, многопланового романа, вдруг коронным номером стала опять-таки борьба за драгоценности и золото. Конечно, золото очень было нужно республике в годы разрухи, голода и вражеской блокады. Однако не странно ли, что темы, мотивы и образы сокровищ становятся порой чуть ли не ведущими в историко-революционных лентах?

Об этом думаешь, когда экран попеременно превращается то в валютную кладовую, то в подвал драгоценностей, а кульминационным моментом кинодействия становится обряд торжественного открытия очередного золотого запаса. Как тут не подивиться — Клондайк, ну просто Клондайк!

Но уже и времени нет для критических размышлений: надо принимать очередной золотой груз, ведомый режиссером В. Шределем и отправленный студией «Ленфильм» кружным путем — из Женевы. Подумать только: пятьдесят лет пролежало царское золото в одном из швейцарских банков, и лишь благодаря неутомимым розыскам очередных кладоискателей — авторов детективного фильма «Дела давно минувших дней...» — наконец-то было доставлено по назначению.

Поначалу герои разыскивали повсюду какую-то таинственную Катеньку, которая исчезла при загадочных обстоятельствах. Эти экранные поиски исчезнувшей Кати невольно заставляли вспомнить давнюю рецензию Гоголя на роман «Он и она». Сетуя на то, что «ничего не осталось в голове после прочтения половины первой части», Гоголь делал одну существенную оговорку: «Помнится только, что какой-то граф и какой-то студент... берут Катю и увозят, потом опять берут Катю и, кажется, опять увозят». Правда, в отличие от этих «дел давно минувших дней» отечественной литературы героиня фильма оказалась лишь сторублевой ассигнацией с изображением Екатерины II.

Однако купюра эта была не простая, а золотая, ибо предъявитель ее мог получить в одном из швейцарских банков царское золото. Путь героев к нему был на редкость извилистым и труднопроходимым — от иконы с автографом Распутина, часов и портсигара из благородного металла к обезумевшей фрейлине, бросившей в лицо красному сыщику явно не заслуженное им оскорбление: «Золото царское — вожделение твое!» Но, как ни печально признать, на том и исчерпывается характеристика героя. Если спрашивать по строгому счету, в коллизиях и жизненной среде фильма ничего нет от революционного времени. Нельзя же считать выразителями этого времени ловких и предприимчивых спортсменов-наездников, искателей приключений, пусть даже на тачанках и в кожаных тужурках...

Начало и конец фильма озвучены песней о «красных сыщиках» революции. Но она все время заглушается «золотым звоном». После бегло и торопливо снятой сцены гибели героя, только в последнюю минуту жизни понявшего, что «Катенька — это не женщина», режиссер, уже не торопясь, не жалея огромного метража, разворачивает на экране едва ли не эпическую панораму: сейф в швейцарском банке... Раскрываются одна за другой двери, ведущие к заветному и вечно несгораемому ящику, наступают торжественные минуты молчания, набирается шифр, и — «Катенька» передается из рук в руки: официальные советские представители получают царское золото, которое обманным путем пытался захватить некий господин Гофман. И вот уже на крупных планах снимается Оно: слитки, мерцающие тусклым светом, плывущие величественной чередой...

Думается только, что режиссер, сняв ленту черно-белой, совершил художественный просчет. Это чисто эстетическое упущение особенно очевидно во время мистерии «открытия» сейфа. Право же, хотя бы финал фильма, его золотой апофеоз вполне можно было снять в цвете. Испытываешь почти эйзенштейновское желание лично раскрасить от руки эти кульминационные кадры...

...Закадровый голос поет о том, что «мы все еще молодые, и крылья у нас золотые». Но как-то не окрыляют эти очередные «первооткрытия» давно открытых Голливудом америк.

Л. МУРАТОВ

ЛЕНИНГРАД

ТЕАТР

Сергей ОБРАЗЦОВ, народный артист СССР

ГЛАЗА В ГЛАЗА

ЗАМЕТКИ О ЗАРУБЕЖНЫХ ГАСТРОЛЯХ

«Сколько раз вы выезжали в другие страны?» — «Не подсчитывал, вероятно раз пятьдесят, а может шестьдесят» — «Видели шестьдесят стран?» — «Нет меньше. Двадцать семь» — «Как же так?» — «Да потому, что в некоторых странах был по нескольку раз. Три-четыре, а то и пять» — «Счастливый! Сколько повидали. В Италии были?» — «Был». — «А в Америке?» — «Тоже был». — «А в Японии?» — «В Японии не был». — «Непременно надо поехать. Говорят, очень красивая страна». — «Это от меня не зависит. Я ведь туристом никуда не ездил. Либо командировка на какой-нибудь конгресс, либо гастроли. Больше, конечно, гастролей». — «А какой народ вам больше всего понравился?» — «На этот вопрос ответить не могу. Плохих народов вообще нет. А плохие люди встречаются всюду».

Вот я и прошел почти весь круг вопросов, на которые мне обычно приходится отвечать, но редко когда задается главный вопрос: зачем и кому нужны эти гастроли?

Впервые я оказался за границей сорок восемь лет тому назад. Это были гастроли Музыкальной студии Московского Художественного театра в Чехословакии, Германии и Соединенных Штатах Америки. Осень и зима двадцать пятого — двадцать шестого годов. Эмигранты разных периодов возникали на Вацлавской площади, в Шарлоттенбурге или на Бродвее как нечто почти немые лимое.

«Откуда вы?» — спросил меня человек с русско-американским акцентом. «Из Москвы». — «Не может быть!» — и человек выронил из рук сверток с сосисками. — Будете жить в Нью-Йорке?» — «Нет, в мае едем домой». — «Куда?» — «В Москву». — «Как, в Москву? У нас же процветание. Вы что, коммунист?» — «Нет, беспартийный». — «И все-таки возвращаетесь?» — «Конечно». Человек поднял с пола сосиски и вышел в вертящиеся двери. Я подошел к прилавку и с трудом произнес: «Гив ми плиз ту хот догс — дайте мне, пожалуйста, две горячие собаки». Горячими собаками американцы называют сосиски.

Английские слова входили в мои уши, как входят они в уши годовалого ребенка, но за пять месяцев гастролей их накопилось так много, что я уже мог «болтать» с хозяином кафетерия. В Германии слова всплывали в мозгу, поднимаясь со дна уроков немецкого языка в реальном училище. С каждым днем их становилось больше, и они нанизывались, превращаясь в целые фразы со всеми плюсквамперфектами. Я мог ходить в гости, дурил с детьми на бульваре. Учил их, как играть в чижика.

В июле 1941 года был первый воздушный налет на Москву. Мы с соседом по подъезду кинорежиссером Сергеем Юткевичем дежурили на крыше многоэтажного дома на улице Немировича-Данченко. Сбрасывали во двор зажигалки. Я родился в этом городе. Каждый взрыв фугаски понимаю. Этот на Никольской, этот в районе вокзалов, а это Замоскворечье. Парашюты с осветительными ракетами висят над улицами, как гигантские люстры. Трассирующие пули светящимся пунктиром летят в небо, стараясь дотянуться до серебряных птиц, пойманных перекрестками блуждающих по небу прожекторных лучей. В каждой птице — летчики, кидающие бомбы на город. Неужели среди них те самые берлинские мальчишки, с которыми в двадцать пятом я играл в чижика?

Сразу же после войны Центральный театр кукол был командирован на гастроли в Берлин, Дрезден, Лейпциг. Знаю, конечно, что отправляемся мы уже в другую Германию. И все-таки слишком еще сильной была тогда почти биологическая память войны. Зачем нужно развлекать людей, среди которых могут быть и те, что вели осаду Ленинграда, и те, что бомбили Киев, Москву? Сотни, тысячи городов и сел моей страны.

На вокзале нас встретили цветами и улыбками. Ну что ж, разве трудно купить цветы? А растянуть в улыбке губы тем более не трудно. Нет, встреча на вокзале не убедила меня в нужности этих гастролей.

Вечером спектакль. Я хожу по сцене, за кулисами и волнуюсь. Зал набит зрителями. Кто они?

Друзья? Враги? Актер должен ощущать в зрителе партнера. Иначе трудно играть. А партнер — всегда друг. В этом, только в этом, сила зрительского контакта, и только контакт рождает спектакль. Третий звонок.

Так кого же скрывает тьма погашенного зрительного зала? Можно ли ждать от него искреннего «контактного» приема? Смеха? Радости?

Увертюра. Занавес. Аплодисменты. Ну это еще ничего не доказывает. Жду смешного места. Вот оно. Взрыв хохота. Радость.

Что-то непохоже на врагов...

После спектакля сцена заполнилась любопытствующими зрителями. Радостными, легкими. Без тени напряжения. Некоторые с детьми. Чуть ли не час мы показывали устройство кукол. Под бесконечные «вундербар», «вундершён», «унмёглих». Я с помощью моего скудного немецкого лексикона разговорился с каким-то мужчиной, и он пригласил меня назавтра в гости. Сказал: «Это тут рядом». «Нихт цу вайт». Ну что ж? Даже если бы было «цу вайт», почему не пойти? Даже нужно. Обязательно нужно.

Пришел. Небольшая комната. Клетка с канарейкой. Стол. За столом — девочка-школьница лет восьми, готовит с мамой уроки. Мама встала, поздоровалась. Смотрит добрыми глазами. Дочка исподлобья глядит глазами строгими и злыми. Понятно. Всю свою сознательную, еще маленькую жизнь слышала: русский — враг.

В платяном шкафу разбита створка. У канарейки нет одного глаза. Я спросил: почему? Немного стесняясь, хозяин объяснил: во время бомбежки мы с дочерью были в бомбоубежище, а когда вернулись, увидели, что соседний дом разрушен, в комнате выбиты стекла, опрокинут шкаф, а смятая клетка валяется под столом.

Как же иначе смотреть на меня девочке? Это же была русская бомба. И русский вошел в комнату. Значит, во что бы то ни стало надо вынуть из сердца немецкой девочки занозу этого условного рефлекса. Но можно это сделать только в том случае, если и из своего сердца я выну занозу моего условного рефлекса: немец — враг.

Выходит, что нужно было ехать. Нужны наши гастроли. И для немцев, и для нас. Если все мы действительно хотим мира, действительно хотим дружбы, а это так, значит, мы не можем, ни один из нас не имеет права носить в своем сердце условный рефлекс вражды. Нельзя дружить, нельзя бороться за мир только теоретически, только декларациями, надо встречаться глаза в глаза, рука в руку, сердце в сердце.

С тех пор я много раз бывал в Берлине — столице братской Германской Демократической Республики. А в недавний приезд на встрече в обществе дружбы с нашей страной ко мне подошла незнакомая женщина лет тридцати или чуть больше. Подарила мне баночку с аквариумными рыбками и сказала: «Возьмите. Вы аквариумист. Это мои гуппи. Мы ведь с вами знакомы. Давно знакомы. Вы были в гостях у папы с мамой. Может, помните? Еще про канарейку спрашивали».

Теперь у меня десятки друзей и в Берлине, и в Дрездене, и в Лейпциге. Настоящих, больших друзей, а берлинская Академия искусств избрала меня почетным членом-корреспондентом.

Встреча с коллективом миланского театра «Ла Скала».

...Помню первое наше выступление в Западном Берлине. Господин Барлог, тогдашний руководитель «Шиллер-театра» Западного Берлина, предложил нам сыграть несколько спектаклей в его театре.

И вот первая встреча. Что же будет? Вежливо-холодный прием и корректные аплодисменты в конце? Оказалось все наоборот. Успех, да еще какой! 24 раза открывался и закрывался занавес, 24 раза выходили актеры на авансцену. Потом опустился тяжелый, толстый, железобетонный противопожарный занавес. И все равно не утихал зрительный зал. И открылась в этом занавесе маленькая, такая же толстая дверь. И все мы протиснулись в нее, чтобы снова выйти перед бушующим залом.

На следующее утро во всех газетах вышли рецензии. Не было ни одной злой, или скептической, или с какой-нибудь подковыркой. А в одной было написано: «Это не просто театральный успех. Это успех политический. Русские и немцы два часа жили одним сердцем».

Такие же ощущения испытали мы и на гастролях в Мюнхене во время Олимпиады, и в Дортмунде во время Дней советской культуры, приуроченных к визиту Леонида Ильича Брежнева в ФРГ.

Что же это такое? Почему именно в Западной Германии наши спектакли вдруг вызвали дополнительные зрительские эмоции? Да потому, что заноза условного рефлекса «русский — враг» в Западной Германии все еще сознательно культивируется, сознательно внушается определенными кругами, и когда во время спектакля эта заноза уходит и русский ощущается другом, возникает радость. Не может не возникнуть. Ни в одной стране мира народ не может хотеть и не хочет войны. Не хотят матери, чтобы их дети кричали от страха. Не хотят жены стать вдовами.

Мы играем спектакли и для взрослых, и для детей. В Канаде, в Монреале спектакль «Волшебная лампа Аладина» пришелся как раз на новогоднюю ночь. Только ночь-то эта была в Москве, а в Монреале еще день. Я вышел к детям и сказал: «Вечером вы будете встречать Новый год, и я вас поздравляю. Но солнце в Москву приходит раньше, и в Москве уже через час наступит Новый год. Вот как раз тогда, когда на нашей сцене будет пустыня Магриба и выйдет на сцену лев».

За кулисами мы приготовили шампанское. У актеров на глазах слезы. До боли хочется в Москву. Наши родные садятся за праздничный стол, а нам играть... Пустыня Магриба. Выходит лев. И вдруг из зрительного зала ребячьи голоса хором: «Хэппи нью иер!» — «С Новым годом!»

Как хотите расценивайте это. Для меня это и есть «дружба между народами».

...Много лет назад я ходил по Калькутте с фотоаппаратом. Кудрявый мальчишка лет десяти, нищий, хотел мне помочь, чтобы заработать. Показывал наиболее интересные, с его точки зрения, объекты. Я повел его на спектакль. Шла «Лампа Аладина». Он впервые оказался в театре. Услышал восточную музыку, похожую на музыку Индии. Увидел дворец, похожий на Тадж-Махал. Слона, такого же, как у них. После спектакля он убежал и прибежал с другим мальчишкой, таким же нищим, чтобы показать ему меня. Доказать, что он не врет. Я хотел дать им бананы, и апельсины, и персики. У нас их было много. Ребята ничего не взяли. Они были счастливы самой встречей с нами. С советскими, русскими. Этим ребятам сейчас уже, наверное, лет по двадцать. Уверен, что они этого не забыли.

В Индии наш театр ездил по многим городам, и в каждом городе для нас из циновок строили целые театры под открытым небом, ставили скамейки, и весь импровизированный партер заполнялся то взрослыми, то детьми. А по окончании спектакля на всех актеров надевали огромные венки из золотых нитей и живых роз. Как-то среди детей мы увидели Неру, а потом все пришли к нему в гости. И забыть ту встречу невозможно. В деятельности официальных учреждений это называется «культурные контакты». Для меня это больше. Это радостная битва за дружбу. Глаза в глаза.

Десять с половиной тысяч километров мы с женой проехали по дорогам Америки, выступая в колледжах с сольными концертами. После каждого концерта за полночь сидели либо в студенческом общежитии, либо в квартире профессора, пили кока-колу или соду-виски и отвечали на тысячи тысяч вопросов. Мы были первые советские люди, которых они видели воочию. В столовой одного из колледжей висело объявление: «Сегодня у нас все русское». Был борщ и кусочки мяса, называвшиеся шашлыком, а повар надел на голову тюбетейку и подпоясал красным поясом белую рубашку.

После каждого спектакля в Италии или Франции, в Финляндии или Югославии, в Венгрии, Польше, Болгарии, Румынии, Англии, Египте, Сирии, Ливане, Индии, Голландии, Бельгии, Дании кулисы театра заполнялись зрителями. Взрослыми и детьми. Веселыми, возбужденными, удивленными, и мы снова и снова показывали им устройство кукол, подписывали автографы, отвечали на миллионы вопросов, и эти «контакты» были не менее нужны, не менее важны, чем только что прошедший спектакль. Десятки раз под нашими вагонами в Бресте или Чопе менялись колеса, чтобы мог вагон побежать дальше по заграничной колее. Десятки раз входили мы по трапам «ИЛов» и «ТУ», «Боингов» и «Каравелл», десятки раз на границах и аэровокзалах вынимали из карманов «молоткастый, серпастый советский паспорт».

Но ведь мы, наш театр — это только крупинка всех тех заграничных гастролей, которые проводятся нашей страной. Раньше, чем отдавать эту статью в газету, я позвонил в министерство культуры, и там мне сказали, что только за шесть месяцев этого года тысячи советских актеров, певцов, музыкантов гастролировали в 77 странах мира. 190 солистов разных жанров участвовали в международных конкурсах и фестивалях. В будущем году советское искусство будет представлено в 116 странах мира.

Так что же такое гастроли в разных странах?

Это не туристские впечатления, не «Эйфелева башня», не «фонтан Треви», не «пирамида Хеопса».

Нет. Это огромной значимости битва за дружбу и мир, прекрасная битва, оружие которой — искусство. Неоценимой силы оружие. И победы его неоценимы.

Наша страна, ее народ, наша партия и правительство делают все, что только можно, чтобы на земле был мир. Чтобы гасли очаги военных пожаров, где бы они ни возникали, чтобы расширялись культурные и деловые связи между странами и народами.

Недавно, будучи делегатом Всемирного конгресса миролюбивых сил в Москве, я слышал, как о роли именно нашей страны в борьбе за мир говорил буквально каждый делегат с трибуны и в кулуарах. И я горжусь тем, что мы, деятели советского искусства, участвуем в этой огромной борьбе.

ПРОГРАММА МИРА — В ДЕЙСТВИИ!

Фотохроника визита Л. И. БРЕЖНЕВА в Индию 26—30 ноября 1973 года

«СБЫВАЕТСЯ ТО, К ЧЕМУ ГОРЯЧО СТРЕМИЛСЯ НАШ УЧИТЕЛЬ, ОСНОВАТЕЛЬ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ ЛЕНИН: НАРОДЫ СОВЕТСКОГО СОЮЗА И ИНДИИ СВЯЗЫВАЮТ ПОДЛИННО ДРУЖЕСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ. И ЭТА ДРУЖБА ПРЕВРАЩАЕТСЯ ВО ВСЕ БОЛЕЕ КРУПНЫЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ФАКТОР В АЗИИ И ВО ВСЕМ МИРЕ».

Из речи Л. И. Брежнева на митинге индийско-советской дружбы в Дели

Многомиллионный народ Индии сердечно приветствовал посланца Страны Советов

За столом переговоров

Визит к Президенту Республики Индии Варахагири Венката Гири

Встреча Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева с руководителями Коммунистической партии Индии

Л. И. Брежнев возлагает венок в мемориале Махатмы Ганди у места его кремации

С большим вниманием и интересом слушали речь Л. И. Брежнева члены парламента Индии

Фото специальных корреспондентов ТАСС В. МУСАЭЛЬЯНА и В. СОБОЛЕВА и специальных корреспондентов АПН Ю. АБРАМОЧКИНА и О. ИВАНОВА

Подписание совместной советско-индийской декларации

Этот портрет Индиры Ганди, написанный известным советским художником Ильей Глазуновым, Л. И. Брежнев подарил на память Премьер-Министру Индии

Прощание на аэродроме Палам: «До свидания!»

МАСТЕРА

ЧЕЛОВЕК ТРУДА — ГЕРОЙ НАШЕГО ВРЕМЕНИ

Анатолий ПРИСТАВКИН

КОНКУРС «ЛГ» НА ЛУЧШИЙ ОЧЕРК

СЛУЧАЙ с трубой произошел на третий день после ухода Димы с арматурного участка. Трубу стали поднимать, и она вдруг рухнула, черная железная дура, снеся по пути крышу на прорабке и, к счастью, не задев никого из рабочих. Была попытка еще раз поднять трубу, но также неудачная.

Дима в это время переводился на промучасток, заполнял листки, сдавал дела. Но вдруг вышла вынужденная остановка, и он маялся, не находя себе места, вставал утром по привычке в шесть, а потом снова ложился, и мне слышно было, как Тамара, его жена, выговаривала ему:

— Ну и отдыхай! Отдыхай! Тебе-то чего волноваться, ты уже там и не работаешь... Подумаешь, какая-то труба! Труб на твою жизнь еще хватит!

— Знаю, — говорил Дима. — Меня не просят, и лезть мне нечего. Я всю жизнь лезу...

— Вот именно. А потом тебя гонят.

— Ну, предположим, я сам ушел. — отвечал Дима.

Дело же вышло такое. Вызвал его начальник СМУ — строительно-монтажного управления, Андрей Алексеевич, сказал:

— Дмитрий Сергеич, нужно трубу на котельной поставить.

— На какой котельной?

— На котельной базы ОРСа. Продукты замерзают. Субподрядчики отказываются: говорят, у них нет специалистов.

— Можно попробовать, — сказал Дима.

— Дня за два сделаете?

— Нет, — ответил Дима. — С подготовкой мне нужно десять дней. Но, возможно, управлюсь и за неделю.

— Где же я вам столько времени возьму? — искренне удивился Андрей Алексеевич. — Мне звонят каждый час. Я сказал, что завтра... Ну, послезавтра... Иначе мне голову снесут.

— На подготовку не меньше недели нужно, — повторил Дима.

— Три дня, — уже тоном приказания сказал Андрей Алексеевич. — За это я с вас спрошу.

— Ладно, — согласился Дима. — У меня предложение одно есть.

— Какое предложение?

— Возьмите, Андрей Алексеевич, недельный отпуск за свой счет и поступайте ко мне в мастера, а я вам это дело поручу. А?

— Ну, Дмитрий Сергеич, это чистейшая демагогия. Вы просто не хотите делать, как делают все остальные.

— Не могу, Андрей Алексеич. Каждый день я труб не поднимаю и вообще считаю, что дело это тонкое. Его обмозговать со всех сторон нужно.

— Все у вас фокусы какие-то, Дмитрий Сергеич! — крикнул в сердцах начальник. — Философию разводите на мелком месте. А с нас сроки требуют. Если не можете, откажитесь, я другим поручу.

Тут же, не выходя из кабинета, Дима написал заявление: «Ввиду того, что вы мне не доверяете как исполнителю работ, прошу дать мне перевод в любую монтажную организацию, которая сможет мне доверять как мастеру по монтажу».

Внизу листа Дима приписал: «Андрей Алексеевич! Прошу вас, если вы хоть немного уважаете мой опыт строителя, не поручайте эту работу наскоро, ведь это может плохо кончиться. Мне тяжело писать это заявление. Но я не вижу другой возможности удержать вас от неверного шага. Если я не прав — докажите, и я заберу заявление обратно. Мишин».

И сразу в его жизни все остановилось, затихло, будто и стройки вокруг никакой не было. Будто не гнали в последнее время сорванный из-за осенних дождей план, не суетились, не психовали.

Он ходил по комнате, недоуменно-растерянный, и только повторял слышанную мною здесь уже не раз фразу.

— Парадокс КамАЗа... Это и есть парадокс КамАЗа.

В то утро Диме снова позвонили по телефону. Дима что-то отвечал, а потом сказал мне:

— Крышу снесло в прорабке. Но хорошо, что без жертв обошлось.

— А что там было? — спросил я.

— Такие мастера, — отмахнулся Дима. — Взялись поднимать тремя тракторами, а тракторы все разных марок, разные скорости разгона, она и должна была упасть.

— Просят помочь?

— Просят или не просят, — отвечал Дима нервно, — а как будто советуются... Звонят-то рабочие, мол, без вас, Дмитрий Сергеич, не осилим мы это дело... Андрей Алексеич, тот не звонит.

— Пойдешь, ну и будешь дурак, — сказала Тамара.

Дима поморщился, он надевал резиновые сапоги. Поднялся, произнес:

— Ну их... В трубу! Я лично хочу в лес.

— Я В НАБЕРЕЖНЫХ ЧЕЛНАХ восемь с половиной лет, — говорил Дима. — Как раз сегодня этот день: я двадцать пятого марта шестьдесят пятого года приступил к работе.

Мы проходили центральную улицу, и Дима отвлекся:

— Кстати, здесь несколько лет назад я кустики бульдозером убирал. Зайцы водились тут, а однажды я лису встретил. А вон там, на проспекте Мусы Джалиля, мы картошку сажали...

С Димой здоровались, и он на ходу отвечал. Некоторые останавливались и заводили разговор на разные темы. И хоть никто не спрашивал о Димином уходе, я был уверен, что где-то во взглядах, в особом внимании и слишком усердном рукопожатии проглядывало некое сочувствие, не особенно приятное Диме.

Мы сели в автобус, но по пути Дима не выдержал и вышел на своем участке, чтобы выяснить, как он выразился, кое-какие дела. Мы прошли огромным грязным двором, и Дима сразу направился в ту сторону, где лежала неудобно вывернутая огромная железная труба, будто дерево, поваленное ветром. Дима обошел трубу, что-то бормоча и покачивая головой, потом сделал мне призывный знак и вошел в узкий деревянный вагончик — прорабку.

Рабочие сидели за столом, и Дима присел, взял кусок арбуза, хлеб и стал жевать, при этом он разговаривал о всяких делах, но трубы в беседе не касался.

— Ну, как вам, Дмитрий Сергеич? — спросил один из рабочих.

— Что — как? — переспросил Дима. — Объект или арбуз? Если арбуз, то очень сладкий. Почем такой?

— Двадцать копеек за килограмм. В Сидоровке брали.

— Рассыпной арбуз... — опять похвалил Дима.

— А труба? — спросили осторожно. — Видали, как болты вырвало?

Дима молча доел ломоть, отрезал новый, заметил как-то между прочим:

— Я от вас, братцы, ухожу. Ушел практически.

Он помолчал, и все молчали, никто не спешил выражать сочувствие. Да и видно было, что для людей это не новость.

— А куда вы теперь?

— Куда? Ну, я же строитель, я место себе найду. А может, еще и вас позову.

Дима встал, помедлил отчего-то, стал прощаться.

— Ладно. Если что было не так, не сердитесь. Я думаю, что мы еще увидимся. Счастливо оставаться. — У дверей он обернулся: — А болты у вас, кстати, должны были полететь. Прикиньте сами: семь тонн на шесть метров, утройте на момент рывка... Сто тридцать тонн на метр. У вас могло и фундамент вырвать...

Мы вышли под осеннее стылое небо и пошли на автобус. На трубу Дима даже не оглянулся.

СОШЛИ с автобуса у какой-то деревни и далее пошли пешком. Долго бродили по лесу, а к полудню попали на крошечный хуторок. Дима сказал, что здесь можно напиться и перекусить.

Действительно, прямо на взгорке, в зеленой чаще сверкнул между камней ключ. Переливчато звеня, падала вода вниз и по деревянным желобкам, положенным длинным рядом, устремлялась к дороге. Она бежала с гулом по дереву, переплескивая через край, и попадала в каменный, наверное, глубокий колодец. Вода в колодце была спокойна и темна.

Мы вдоволь, с перерывами, напились, присели рядом на траве и достали бутерброды и лук, завернутые в газету. Жевали да смотрели, как бежит вода. Живую воду можно наблюдать бесконечно, так же, как огонь. Но меня заинтересовали желобки, искусно выдолбленные из дерева.

— Кто это сделал? — спросил я Диму.

Он отвечал, что не знает этого. Но здесь он не первый раз, и каждый свой поход отдыхает у ручья, и любит вкус воды.

— А желобки делал мастер, — добавил Дима. — Ишь как постарался! Каждую деревяшечку обтесал, уголки сгладил. И прочно чтобы, и красиво.

— Небось для себя и старался, — сказал я.

Дима не согласился:

— Ты думаешь, что он здесь жил? Ничего подобного. Вот эти дома на моей памяти поставлены. А прежде здесь только лес был. Лес да вот эта дорога. Нет, не для себя, а для тех, кто по дороге ходит, он украшал ключ.

Дима еще добавил:

— Мастер, он и есть мастер, для кого бы и что бы он ни делал. Прежде всего он собственный свой труд уважает.

Тут Дима встал и прошелся вдоль желобков до самого верха, наклоняясь и трогая руками влажное дерево. На руках его блестели капли воды. Снова сел и принялся доедать свой обед.

Повернувшись ко мне, он произнес с улыбкой:

— А ты чего лук не ешь? Он полезен. Или запаху боишься? А я, знаешь ли, люблю, мужик, видимо, из меня прет. В отца я, что ли, он у меня ведь в молодости пастухом был...

Я знал, что отец Димы действительно в молодости батрачил, но после революции стал видным дипломатом, послом, до войны он умер. Димка и его старший брат, с которым, собственно, мы и дружили, росли с матерью, жили, как говорят, нежирно. Димка тогда воспитывал волю, бегал по снегу босиком, купался в проруби и ходил зимой без пальто. В чемодане на лекции он таскал пудовую гирю.

Потом я знал Диму иной поры, когда он после института работал мастером на строительстве Воткинской ГЭС. Это было начало его рабочей биографии, и не все складывалось гладко. Он горячился тогда, ссорился с главным инженером и однажды лег под гусеницы трактора, который у него забирали на другой участок.

Был у него один случай, в общем-то исключительный, когда группа рвачей, которым он не дал схалтурить, подкараулила его на высоком блоке и попыталась сбросить вниз. Все у Димки было, и когда я приехал от «Литературной газеты» писать очерк — он назывался «Здравствуй, Димка!», — произошла на шлюзе авария и погибли друзья Димки. Погиб его лучший друг, мастер своего дела Игнат Иванович. Димка заменил его на работе. Было это десять лет назад.

— От моей романтики остался пшик, — сказал Дима. — Простейший трезвый расчет — вот мой рабочий принцип. Я работаю потому, что мне нравится моя работа. Вот ты про желобки спросил... А я тебе такой пример приведу. У меня на участке работают два мастера. Одного мы зовем дядя Вася, а другого просто по фамилии — Чертов. Оба опытные работники, знают свое дело. Но стиль у них в работе, я тебе скажу, разный. Чертов — малый бойкий, ему палец в рот не клади. Дело у него и спорится, и кипит, и горит, и бурлит. И все кругом им довольны.

— Кроме тебя? — подсказал я, уловив особую интонацию в словах Димы.

— Нет, почему же, я тоже доволен. Я должен быть доволен. Опытный и толковый работник. Но Чертов не только горит на работе, он еще и умеет показать, как он горит. Слабость эта понятная и простительная, если человек знает свое дело. А вот дядя Вася, тот — другой. Он десять раз прикинет, прежде чем начнет что-нибудь делать. А работает он медленно, степенно, молчком. На глаза не лезет. Не так давно я фермы им обоим поручил ставить. Ну, Чертов их мигом сделал. Не все у него здорово, но фермы его стоят, и денежки ему выписаны. А дядя Вася копался с фермами долго. Он их так ставил, будто им века тут стоять. Он и чертежи самолично проверил, с линеечкой логарифмической пересчитал, поправки внес какие-то. А время-то идет. А начальство психует. Резинщик! Тягомотина! Что с него взять? Ну, и дать ему тоже за ничего — нечего... Ну, а я между мастерами и начальством среднее или, как говорится, смазывающее звено...

— Связывающее? — переспросил я.

— Нет, смазывающее, — сказал Дима. — Мне не только слышно, но и видно все. И видно мне, что дядя Вася — мастер, у него уровень работы иной, чем у Чертова. Он-то в три дня дела не делает. И он не виноват, что привык стараться. Как же я шибану его рублем за такую хорошую привычку? А? А за старание платить — графы такой нет. Вот потом и выходит, что трубу поставить не могут...

Нет, про трубу Дима забыть никак не мог.

— Именно не могут, а не не хотят, вот в чем тут дело! — продолжал он. — У нас некоторые любят повторять: мол, дай только деньги! За деньги все смогут! Нет, говорю я. И докажу. Сачкует у меня один рабочий. Я взываю к его совести, увещеваю: как, мол, не стыдно! Сколько можно не работать? А он мне и говорит: «Чево я буду стараться? Старайся не старайся, а больше ста двадцати мне все равно не дадут. Вот если бы я двести получал, тогда другой колер! Тогда бы у меня стимул и материальная заинтересованность были!» Дует, как по книжке, не поперхнется. А я человек слабый, мне тоже хочется, чтобы мой рабочий старался, чтобы знал, что это в нем и ценят. Натянул я «сачку» в следующий месяц двести. А дальше что? Думаешь, он стал лучше? Нет, не стал. И не потому, что не хочет. Он рад бы стараться, да забыл, как это делается.

Дима поднялся, стряхнул крошки на траву и стал сворачивать газету.

— Я все про эту чертову трубу думаю. В конце концов она нужна не Андрею Алексеевичу и не мне лично. Там овощехранилище, продовольственные склады, промтоварные — все, что кормит и одевает город... Без тепла, без отопления пропадет ведь... Ладно! Пойдем, я тебе одно прекрасное место покажу. Помнишь картину Левитана «Над вечным покоем»?

— Помню. Только это он на Плесе писал.

— Может, и на Плесе, но у нас места не хуже. Сейчас ты сам убедишься.

Мы вышли на берег Камы, увидели мысок, церковку и светлый простор воды. Мимо нас проплывали баржи, черный дым загибался над водой. Ветер с противоположной стороны гнал на нас волну. Вдоль берега по песчаной косе ровным рядком лежал прибитый волной мусор.

— Люблю Каму, — сказал Дима. — От верховья, от Перми сюда дошел. Воткинскую строил, здесь строю... Тринадцать лет. А все больше привязываюсь к ней...

— Я ВОТКИНСКУЮ часто вспоминаю, — говорит Дима, щурясь и глядя вдаль. — Я еще там с одним человеком был знаком, он на соседнем участке бригадиром работал. Фамилия у него была странная. Недайхлеб Павел Тимофеевич. Я еще его звал Недайбулка. Работал он так же, как наш дядя Вася. Он и не зарабатывал много. Но вот интересно: я заметил, что к деньгам он совершенно равнодушен. По этой причине рабочие у него и не задерживались. Его все на мелкие объемы пихали, а это склочное дело. То складик, то канавку какую. А рабочий — он ведь видит, что у соседей натягивают сто пятьдесят процентов, а у его бригадира едва сто выходит. Рабочий и говорит: «Я уж лучше другую работу буду делать...»

Да Павел Тимофеевич никого около себя насильно не держал. Была у него крошечная бригадка, человека три-четыре, не бригада, по сути, а звено, и он с ними валандался полегоньку. Про него говорили так: «Ну, какой он работник! Рупь заплатишь — и на рупь сделает... Реальной отдачи от него никакой».

А после Воткинской перешел я работать в Пермь на ремонт шлюза. А шлюз там, как бы тебе сказать, уникальный. Множество ворот особенной конструкции, не во всем удачной. Рассказывают, что монтировали шлюзы наспех и много кое-чего не доделали. А теперь то одно, то другое выходило из строя, и требовался срочный ремонт. Уж главный инженер однажды произнес в сердцах, что средств на этот ремонт потрачено больше, чем стоил сам шлюз...

Как раз мы бились над одними воротами, там вывернуло центральную балку. Снимать эти ворота долго, а на месте ничего не выходило. По нашему вызову приехали из Ленинграда инженеры, целая группа. Месяц смотрели, рассчитывали и тоже сказали: «Надо снимать». Главный наш говорит: «Плохи дела. Вызвал я, Дмитрий Сергеич, тут одного человека, знаю его по бывшей стройке. Если он не сделает, то никто не сделает. Тогда будем снимать...»

И представь себе, приезжает наш Недайхлеб — и прямо к шлюзу. А в руках у него два чемоданчика. Я думал, что барахлишко какое, говорю, мол, пойдемте, я вас в общежитие провожу. Приведете себя в порядок, а завтра за работу. А он отмахивается: «Потом, потом. Прежде дело, где тут ваши ворота?»

Открыл он чемоданчики и стал вынимать инструмент. Из одного чемоданчика — нивелиры, измерители, приборы разные, иных я никогда и не видывал. А из другого чемоданчика — снова инструмент, да отличный все инструмент... Расположился он около шлюза, только попросил дать ему в помощь одного слесаря и одного сварщика. И тут же приступил к работе.

Участок у меня порядочный, к нему я заглядывал нечасто. Но и глядеть особенно не на что было. Как ни придешь — все одно и то же, сегодня — как вчера. Хоть бы видимость работы, а то — ничего. Неделю или две я только удивлялся. А потом нервничать стал. Однажды не выдержал, забросил дела и решил: «Черт с ним! Просижу один день и посмотрю, что он там колдует».

Дима пожал плечами, рассеянно глядя перед собой. Мы сидели на берегу, на земляном откосе. Вдруг он улыбнулся:

— Проторчал я день и снова ничего не увидел. Сидит и рисует кусочком мела какое-то цифирье, а потом его рукавом стирает. Да еще на эту вывернутую балку отвесиков навешал: болтаются, как груши на дереве. Посмотрит он, линию проведет, запишет и снова вешает. Так весь день. А на меня — ноль внимания. Так я и ушел с твердой уверенностью, что вся затея пустая.

А далее такая история вышла. В конце четвертой недели зовет он главного инженера, меня, остальных и говорит: «Подите, примите работу».

«Все?» — спрашиваю.

«Что — все-то? — говорит. — Вам видней, все или не все. Что мог, то сделал».

Я тогда, грешным делом, подумал: «Вот именно, что мог... А много ли ты смог, Недайбулка?»

Собрались все, велели запускать ворота. Смотрим — и не верим своим глазам: ходят, милые, как по струнке, вверх и вниз... И снова вверх... И снова вниз... А мы, как дети в иллюзионе, даже забыли, зачем пришли! Смотрим и оторваться от этой картины не можем, потому что как гипноз все равно. Работают — и никаких перекосов!

Я потом, сознаюсь, когда разошлись люди, спустился в шлюз и руками прощупал. И опять ничего не понял. Выписал я ему деньги, наряд за месяц в сумме триста рублей. Писал, а сам думал: «Мать честная! Триста целковых за такую работу! Инженеров было человек десять, мы их задарма целый месяц держали, да еще бы столько же могли... А тут всего триста рублей? Да ему золотом заплати за такую работу — все равно мало будет».

Правда, он на деньги и внимания не обратил. Он их и не пересчитал, кажется.

Но тут уж я к нему зашел, чтобы поговорить как следует. Выяснилось за беседой, что он, как и моя жена, уроженец города Сумы. Даже приходится ей каким-то дальним родственником. После такого он будто потеплел весь, стал откровеннее. Выходило, что семьи своей у него нет и живет он по разным стройкам, уж как придется. А вот о работе он говорил, знаешь, с особым чувством, потому что в ней и был весь смысл его жизни. Он работу не просто любил, это не то слово. Он боготворил ее, говорил о ней волнуясь, почти священно.

Я его спросил:

«Павел Тимофеич, хоть убейте, не понимаю, как вы эту балку сделали?»

«А тут и понимать нечего, — отвечает. — Нужно уважать, Дима, свое дело. Кстати, — говорит, — я здесь прежде работал и одни ворота смонтировал собственными руками. Правда, ругали меня тогда, что к сроку их не сделал, а срок, вы сами знаете... Скорей да скорей! Другие бригадиры по трое ворот смонтировали, а я с одними оплошал, едва закончил. Премии, Дима, мне не дали. Но есть у меня одна мысль, и вот какая. Что мои, сделанные мной ворота не сломаются так, как эти, что я нынче ремонтировал».

«Неужто уверены?»

«Уверен, — говорит. — Да что языком по-пустому. Вы при случае книжку текущего ремонта посмотрите. Там все неисправности вписаны за эти годы. Кстати, это, — говорит, — и мне интересно знать. Хоть я, — говорит, — и уверен».

Я не стал ждать случая, а на другой день сходил к диспетчеру. Взяли мы книгу текущего ремонта, нашли номер шлюзовых ворот, которые он сделал... Результат: ни одной поломки за все годы. Иные ворота, судя по записям, несколько раз ремонтировались. Некоторые вообще заменены. А его работают. И, наверное, будут работать долго.

Дима рассказал и поднялся:

— А ведь я уже посчитал, как нужно поднимать эту дурацкую трубу. Такелаж рассчитал, и мачту, и усилия лебедки, и вес мертвяка...

— Без тракторов? — спросил я.

— Можно и тракторами, но ты не забывай психологического момента. Те, кто поднимал тракторами, уже не верят в этот способ. Нет, мы поставим мачту, три растяжки под точными углами и четырехкратный полиспаст... Все великие сооружения поднимали мачтами или порталами.

Дима стал рассказывать, как поднимали Александрийский столп, какие там были вороты и рычаги, а я смотрел на него, чего-то не понимая, потом спросил:

— Так ты решил все-таки?

— Не знаю, — ответил он, вздохнув. — Это ведь дело времени, а не двух и не трех дней...

Выходя на дорогу, мы снова напились ледяной водицы из ключа, послушали, как она звенит. Обмакивая руки, Дима намочил рукава и свои часы. И тут что-то вспомнил, оживился:

— Кстати, у Недайхлеба еще в первые дни, когда познакомились, я увидел часы на руках. Да не одни, как водится, а на каждой руке по двое часов. Знаешь, ну, прямо как у мародера. Я удивился, но промолчал. А тут, когда сошлись ближе, спросил у него: «Для чего вам, Павел Тимофеич, столько часов сразу?» Он вместо ответа снял часы и подает мне. Ну, часы как часы, обыкновенные. Повертел я, на обратную сторону взглянул, а там надпись: НЕДАЙХЛЕБУ ЗА ХОРОШУЮ РАБОТУ. И фамилия известного мне начальника стройки. И на вторых часах, и на третьих, и на четвертых то же самое. Разумеется, стройки разные, подписи разные. Ты ведь должен знать, что начальник строительства — лицо хоть и большое, но ордена сам не дает. Он может премией наградить, только зачем Недайхлебу премия? А может лично от себя подарить ценный подарок, как эти вот часы... Тут я и понял, что носит Павел Тимофеевич на руках свои награды, а они, в общем, этим рукам и даны... Золотые часы на золотых руках.

— Где он сейчас? — спросил я Диму. Мы стояли на дороге, поджидая попутку. День клонился к закату. Было тихо.

— Не знаю, — отвечал Дима. — Уехал, забрав свои чемоданчики, а куда, я так и не понял. Обычно мы друг о друге понаслышке знаем, кто и где... Но про Павла Тимофеича Недайхлеба ничего не слыхал. Может, еще объявится. Здесь, на КамАЗе, много разных дорог скрещивается, много интересных людей понаехало...

***

Недавно получил я от Димы письмо, а при нем возвращенное ему заявление об уходе. Рукой начальника СМУ зелеными чернилами снизу приписано: «Ваши доводы были правильными».

Илья ФОНЯКОВ,
собственный корреспондент «Литературной газеты»

А ВСЕ-ТАКИ ОН ВЕРТИТСЯ!.. ИЛИ СКОЛЬКО СТОИТ ЗАСЕДАНИЕ?

ЗАСЕДАНИЕ было бурным и представительным. Чувствовалось, что большинство его участников давно знакомо между собой и предмет обсуждения принимает близко к сердцу. Был и неподдельный пафос, и красные пятна на щеках, и вспышки негодования: «Нельзя же целый коллектив обвинять в равнодушии!..» Были взаимные упреки в недостаточном радении на пользу общего дела: «Вы обещали еще месяц назад передать дело в прокуратуру по поводу срыва пломбы!..» И полные достоинства отповеди: «Знаете, давайте не будем в таком тоне!..»

Равнодушных и впрямь не было. Выступавшие резали правду-матку в глаза в духе лучших традиций принципиальности и нелицеприятности. И вместе с тем проявляли глубокую ранимость, чуткость к нюансам. Невольно думалось о том, какой это сложный инструмент — человеческая душа. Поистине глубоко волнующим и поучительным было участие в этом форуме!

Санитарную службу города представляли лично главный санитарный врач Георгий Андреевич Горбылев, заведующая санитарным отделом Екатерина Петровна Сизова, заведующая отделом гигиены питания Сусанна Федоровна Кряжева, главный врач Дзержинской районной санэпидемстанции Новосибирска Галина Григорьевна Кузьмина и другие ответственные товарищи.

Второй трест столовых был представлен заместителем директора Галиной Ивановной Кравцевой и начальником техотдела, инженером Сергеем Ивановичем Коробкиным.

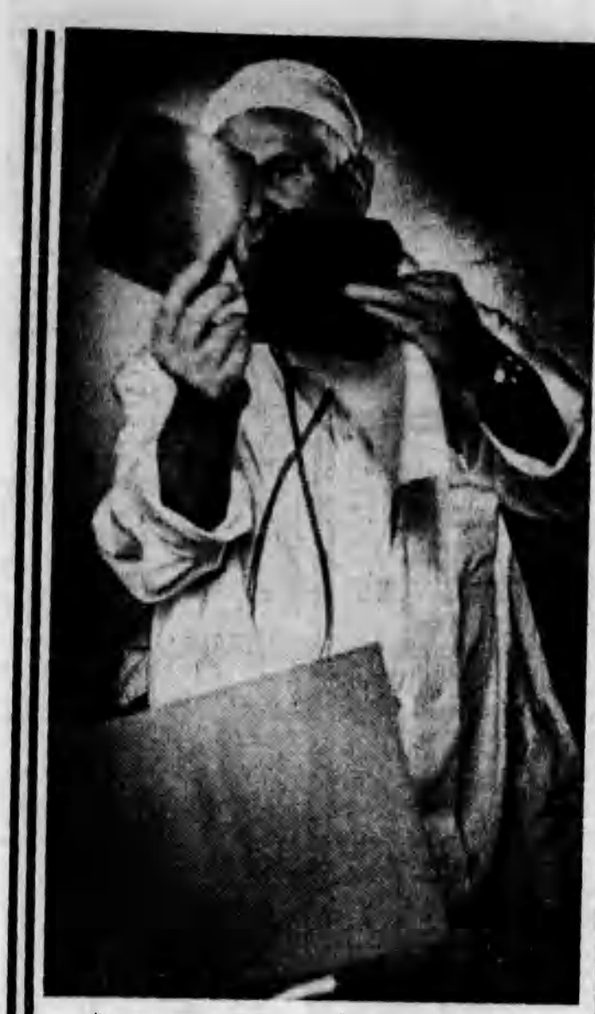
В качестве «потерпевшего» (вернее, терпящего бедствие) присутствовал известный в городе поэт, фамилию которого я называть не стану. Не потому, что его роль в этой истории сколько-нибудь предосудительна, а потому, что для писателя его имя — это, согласитесь, некий моральный капитал, если хотите, его личное знамя, и трепать его всуе, вне какой-либо непосредственной связи с творчеством едва ли допустимо. Пусть не обижаются другие товарищи: они-то участвуют в этой истории по линии своих прямых профессиональных и служебных обязанностей...

Присутствовали представители городской и центральной прессы. Кроме того, в воздухе витали имена работников городского масштаба (вплоть до заместителя председателя горисполкома миллионного города!), в разное время за последние два года занимавшихся данным вопросом.

Блистательно отсутствовали, по причине крайней своей занятости, только представители филиала столовой № 18 — непосредственные хозяева злополучного вентилятора, находившегося непосредственно под окнами квартиры поэта и своим гудением мешавшего поэту творить.

Нет, поэт не требовал себе персональной башни из слоновой кости.

В прежние годы, когда и поэт, и вентилятор были моложе, они кое-как уживались. Нервы у поэта были тогда покрепче, да и дома он бывал меньше; больше ездил по родной стране, по области, слагая, между прочим, наряду с произведениями лирическими и эпическими оперативные стихи «на злобу дня», которые печатались в газетах. Люди ответственные и в таких вопросах сведущие высоко ценили эту работу поэта, говорили о действенности поэтического слова и свидетельствовали, что вмешательство поэта в повседневные дела помогает успешному проведению убор-



«Этот человек знает дело...», «Он в своем деле мастер...» — издавна так говорят о людях, владеющих каким-либо ремеслом лучше других. Ныне, в XX веке, все больше становится профессий, где умение, знание дела — не просто свидетельство индивидуального мастерства, но и результат глубокого научного поиска исследовательских коллективов, направленного на улучшение, усовершенствование самих методов работы.

...Ежегодно в мире рождаются тысячи детей с врожденными пороками сердца. Во многих случаях единственный способ их спасения — хирургическая операция. Причем оперировать надо как можно раньше. Однако техникой операций на сердце человека в грудном возрасте владеют пока лишь в немногих клиниках. В том числе в клинике Московского института сердечно-сосудистой хирургии имени академика А. Н. Бакулева. За разработку методов таких операций директор института член-корреспондент Академии медицинских наук СССР Владимир Иванович Бураковский в числе других исследователей удостоен Государственной премии СССР за 1973 год.

На снимках: профессор В. И Бураковский и один из маленьких пациентов хирурга, который успешно перенес сложнейшую операцию по поводу врожденного порока сердца.

Фото Ю. РЫБЧИНСКОГО («Советский Союз»)

Александр БОРИН,
специальный корреспондент «Литературной газеты»

КОНФЛИКТНАЯ СИТУАЦИЯ

СЛУЖЕБНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

УЧЕНЫЙ СОВЕТ ИНСТИТУТА, ВЗВЕСИВ ВСЕ «ЗА» И «ПРОТИВ», РАЗГЛЯДЕВ ВСЕ «ПОДВОДНЫЕ ТЕЧЕНИЯ», ПРИНЯЛ СПРАВЕДЛИВОЕ РЕШЕНИЕ. НО ПОЧЕМУ МИКРОКОЛЛЕКТИВ КАФЕДРЫ НЕ СУМЕЛ ПРОТИВОСТОЯТЬ ЭТИМ «ПОДВОДНЫМ ТЕЧЕНИЯМ»?

ЕСЛИ верить преподавателю Московского химико-технологического института имени Менделеева, доктору химических наук Виталию Александровичу Дроздову, в один из декабрьских дней 1970 года его вызвал к себе заведующий кафедрой профессор Анатолий Павлович Крешков и сказал: «Виталий Александрович, общественность кафедры дает вам важное задание. Возьмите, пожалуйста, докторскую диссертацию Лидии Николаевны N. и принесите нам разгромный отзыв». Диссертацию Дроздов взял, внимательно изучил, но отзыв принес не разгромный, а, напротив, сугубо положительный. Узнав про это, профессор сильно рассердился. Виталию Александровичу он будто бы объявил: «В ваших услугах кафедра больше не нуждается. Вы рассчитывали получить профессуру? Ну, так забудьте... У вас слишком вырастет тогда зарплата, слишком дорогой брошью вы повиснете на ситцевом платье кафедры. Постыдитесь товарищей, они тоже хотят есть хлеб с маслом и колбасой».

Красноречие для служебной беседы, согласитесь, редкое.

Спешу выяснить у Анатолия Павловича, так ли на самом деле происходил тот острый инцидент.

Анатолий Павлович все категорически отвергает. Нет, никакого разговора про брошь у них с Дроздовым не было. («Слово «брошь» я не употребляю уже ровно десять лет,— свидетельствует профессор.) Отрицательного отзыва на диссертацию N. он Дроздову тоже никогда не поручал. («Если бы я захотел, то безо всякого Дроздова завтра б имел сто отрицательных отзывов».) Что же касается критического отношения профессора к диссертации N., то вызвано оно было исключительно научными, принципиальными соображениями. («Передовая советская наука,— объясняет профессор,— не терпит ни малейшего субъективизма».)

Но поверить Анатолию Павловичу весьма трудно. Передо мной лежит стенограмма заседания Ученого совета института, и я могу судить, как эта защита проходила.

После выступлений диссертанта и оппонентов профессор Крешков встал со своего места и сказал, что коллектив руководимой им кафедры «должен защитить свою честь перед историей», а потому не может допустить, чтобы N. сделалась доктором наук. Один из членов Ученого совета удивленно спросил: «Но разве кафедра не рекомендовала работу N. к защите?» «Нет, не рекомендовала», — твердо сказал Крешков. Впрочем, тут же выяснилось, что в деле есть решение кафедры о допуске диссертации к защите, и подписано оно не кем иным, как лично Анатолием Павловичем Крешковым. «Да — сказал тогда Анатолий Павлович членам Ученого совета.— Мы уступили насилию диссертанта. Она прямо-таки нас вынудила... Разве у вас, дорогие товарищи, подобного случая не было? Будет, так и вы уступите тоже...» Тема насилия диссертанта повисла, однако, в воздухе. Другой член Ученого совета, напомнив Анатолию Павловичу, что научные результаты, на которые он сегодня так решительно обрушился, совсем еще недавно публиковались в совместных статьях его и диссертанта, причем имя Крешкова в них стояло первым, спросил: не означает ли это, что профессор Крешков теперь громит свои собственные труды? Или, может быть, уже после публикации обнаружилось, что результаты эти неверны? Анатолий Павлович ответил: результаты как были, так и есть верны, а вот выступление оратора он считает — «я бы сказал, совершенно безапелляционным».

Стенограмма заседания Ученого совета свидетельствует: профессору Крешкову пришлось в тот день выслушать немало суровых и обидных слов. Коллеги говорили ему: поведением заведующего кафедрой они, мягко выражаясь, удивлены. Нельзя, разойдясь отчего-то во мнениях со своим сотрудником, пытаться ему отомстить, сломать его научную судьбу; если Ученый совет это допустит, то он как раз и поставит себя в «тяжелое положение перед историей», о которой сегодня так трогательно заботился Анатолий Павлович Крешков. Заключая дискуссию, ректор сказал: «Когда решается судьба ученого, мы должны руководствоваться не личными отношениями, а только объективной стороной дела. Работу N. поддержали и теоретики, и практики... Промышленность дала положительные отзывы... Сейчас мы проголосуем... Давайте же голосовать так, как подсказывает каждому его совесть».

Подавляющему большинству членов Ученого совета совесть подсказала проголосовать за присуждение диссертанту ученой степени доктора наук.

Теперь, зная все подробности, скажите, читатель, можем мы поверить, что Анатолий Павлович и на самом деле вызвал к себе Виталия Александровича и приказал ему: «Давай, пиши разгромный отзыв»? Пожалуй, можем.

Разговор о субъективизме, недопустимом, по словам Анатолия Павловича в науке, происходит у нас в присутствии проректора института. Речь идет о сотруднице, в которой Крешков когда-то души не чаял, но вот разошлись они во мнениях — и сотруднице пришлось из института уйти.

Анатолий Павлович рассказывает, я записываю. «Будучи советским научным работником, будучи замужем, — рассказывает Анатолий Павлович, — эта женщина вошла в любовную связь с сотрудником кафедры...». «Простите, Анатолий Павлович, — перебиваю я. — Меня интересует дело, а не...» «Обе высокодоговаривающиеся стороны, она и любовник, — не слушая меня, громко и звучно, как на лекции, продолжает профессор, — затеяли свой роман на глазах у всей общественности...» Вижу, проректору тоже очень трудно поднять сейчас глаза. А профессор рапортует: «Ваш покорный слуга вынужден был сообщить обо всем в инстанции. Коллегиально было решено, что дело надо локализовать. Мы этой женщине объявили...»

Нет, я не желаю больше выяснять, отчего поссорились профессор и его сотрудница.

Но Анатолий Павлович не останавливается. «Интриганы, которые выступают против меня, — гремит его голос, — метят не в меня, они метят в наш славный Московский химико-технологический институт имени Менделеева и его руководство...»

ЗДЕСЬ самое время было бы поставить точку и пожать руку принципиальному человеку, Виталию Александровичу Дроздову, отказавшемуся выполнить недостойный приказ своего профессора.

Но не спешите. История эта еще не закончена...

«Случай с диссертацией N. — один лишь эпизод неправильного поведения Крешкова, — говорит мне Виталий Александрович. — Еще только цветочки...» Он достает из своей папки различные документы и раскладывает их передо мной. Я читаю.

Журнал «Заводская лаборатория», номер три, за 1967 год. Тут напечатано приветствие по случаю шестидесятилетия Анатолия Павловича. Отмечая заслуги профессора (автор тридцати книг и трехсот статей, с 1937 года бессменно возглавляет кафедру в институте), журнал писал: «Многогранна деятельность Анатолия Павловича как ученого... Его исследования всегда связаны с запросами производства, требованиями современной науки и техники. Работы А. П. Крешкова известны широкому кругу специалистов Советского Союза. Их внимательно изучают и за рубежом, о чем свидетельствуют многочисленные ссылки на них в зарубежной химической литературе...»

«Прочли?.. — спрашивает Виталий Александрович и смеется. — А ведь поздравление это Анатолий Павлович сам себе написал». — «Как сам?» — «Да очень просто. Своею собственной рукой».

«Литературная газета» однажды напечатала на шестнадцатой странице смешное объявление: «Разрешите через вашу газету «Рога и копыта» поздравить меня с тридцатилетием». То была шутка, здесь же все абсолютно всерьез. Профессор вызвал к себе в кабинет Виталия Александровича и сказал: «Скоро мой юбилей, отраслевые журналы, конечно, захотят меня поздравить. Подготовьте проект поздравления и дайте мне его на просмотр».

Виталий Александрович сперва было растерялся: юбилейных поздравлений он прежде никогда не писал. Но потом нашел выход: взял популярную брошюру о великом Менделееве и с нее списал. Анатолию Павловичу этого, однако, показалось мало, кое-что он еще добавил сам.

Черновик этого самопоздравления лежит сейчас передо мной. С трудом разбирая руку профессора, читаю: «...о чем свидетельствуют многочисленные ссылки на его работы в зарубежной химической литературе...»

Виталий Александрович мне улыбается. Ловко, мол

«Конверты с домашним адресом Крешкова», — показывает Дроздов. В них отраслевые журналы слали профессору статьи на рецензию. Писал эти рецензии, однако, не Крешков, а он, Виталий Александрович. Пожалуйста, вот черновики с его визой. Один, два, пять, десять, двенадцать черновиков. Дома есть еще. Гонорар же за эту работу получал не Дроздов, а сам профессор. «Немного, конечно, копейки, но важны ведь не деньги, важен принцип, не так ли?..»

Учебник «Основы аналитической химии». В предисловии к первому изданию, вышедшему десять лет назад, говорилось, что третью главу книги написала Софья Сергеевна Вильборг. Софья Сергеевна, увы, скончалась, и в предисловии к новому изданию уже сказано будто авторы этой главы — Анатолий Павлович Крешков и его супруга. Виталий Александрович дал себе труд — сравнил оба издания. Оказалось, что добрая половина главы переписана слово в слово. Текстуальные совпадения Дроздов подчеркнул красными чернилами. Можете убедиться, от красного буквально рябит в глазах. «Разве не называется это — обокрасть покойную?» — гневно спрашивает меня Дроздов.

Я смотрю на него. Молод. Элегантен. Бесконечно уверен в собственной правоте и в собственном благородстве. «Скажите, Виталий Александрович, — прошу я, — но до последнего времени у вас ведь с профессором сохранялись добрые отношения?» «Да — отвечает Дроздов, — до известной поры у нас с ним были вполне нормальные отношения». «Значит, — хочу я понять, — вы с профессором дружили, ладили, списывали для него поздравление из книжки про Менделеева, готовили рецензии и в то же время копили на него досье, собирали вещественные доказательства? Впрок что ли? На всякий случай?» Виталий Александрович смотрит на меня мудрым взглядом почти насмешливо. «А если бы, — спрашивает, — всех этих документальных подтверждений сейчас при мне не было, вы разве стали бы со мной разговаривать?»

Когда человек — реалист и мыслит практически, что ему возразишь?..

НО ОТЧЕГО, в какой же все-таки момент вдруг расстроились отношения профессора и его сотрудника, отчего всегда покорный и покладистый ученик вдруг решил пойти на учителя войной?

Может быть, просто переполнилась чаша терпения?

Читаю письмо Виталия Александровича в редакцию газеты: «После того как я защитил докторскую диссертацию, отношение ко мне профессора резко ухудшилось, стало враждебным... Главная задача Анатолия Павловича — не допустить появления на кафедре других профессоров, кроме него... Характер Крешкова всегда сказывается на тех... которые слишком быстро начинают обретать самостоятельность».

Свои выводы Виталий Александрович подтверждает фактами. Крешков целый год не притрагивался к его докторской диссертации. Противился объявлению конкурса на новую профессорскую должность. Чтобы помешать Дроздову получить профессуру, он отстранил его от чтения лекций, лишил аспирантов.

Все это, возможно, и так. Но что же, значит, получается?

Пока крепкая рука и широкая спина учителя были Виталию Александровичу нужны, полезны, он все терпел, все выполнял — только собирал впрок досье, чтобы потом доказать общественности, как неправильно живет его учитель.

Когда же учитель вместо подмоги сделался помехой, тут Виталий Александрович и выложил документы на редакционный стол.

Обидно. А ведь как хорошо уже складывался рассказ о человеке, сказавшем «нет» своему неправому начальнику...

НУ, А РАБОТНИКИ кафедры, ближайшие сотрудники Виталия Александровича и Анатолия Павловича? Что думают они?

— Дроздов? — говорят мне. — Очень, знаете ли, странный, неуживчивый товарищ. Невыдержанный и неуравновешенный. Личное ставит выше общественного. Учитывая его поведение, мы проголосовали против утверждения Виталия Александровича в профессорском звании.

Ясно. А профессор Крешков?

Собеседники мои замолкают. Смущенно улыбаются. Пожимают плечами. Так ведь кто без недостатков? — говорят. — Есть они, наверное, и у Анатолия Павловича. Например, слишком добр к людям. Да, да, чрезмерно добр. Кроме доброты? Есть, вероятно, и кроме доброты недостатки... Но надо ли о них вслух, публично? Зачем ставить все точки над «i»?

Простите! Но ведь здесь, на ваших глазах, была попытка жестоко расправиться с неугодным! Были и другие малосимпатичные поступки. Можно ли не заметить этого, пройти мимо?

Молчат мои собеседники. Плечами пожимают и молчат.

Те, кто с кафедры уже ушел, кто работает на новом месте,— те профессору решительно все припоминают: «Крешков был со мной груб и заносчив», «К нему невозможно было подступиться», «Кафедру он превратил в свою вотчину»...

Но пока человек еще ходит под началом Крешкова — в лучшем случае наберется храбрости да дерзко попеняет профессору: зачем слишком добр к людям?

Нет, не один только страх сдерживает людей. Все сложнее, конечно. Кому-то профессор на первых порах, наверное, хорошо помог, стоял у колыбели его научной работы. Легко ли забыть добро, проявить неблагодарность? Кто-то вообще не желает участвовать в чужих распрях. Кто-то, чего греха таить, не слишком верит в свои собственные научные возможности. Профессор же, известно, добряк, не требует от человека прыгнуть выше головы, вот профессору и спасибо... Словом, чего искать причины? Причин не осложнять себе жизнь много всегда...

ЗАВЕДУЮЩИЙ кафедрой другого столичного вуза, ученый, воспитавший десятки докторов и кандидатов наук, человек безупречной репутации, узнав об этой истории, сказал мне: «Что вы хотите, неслужебные отношения на службе — вещь вообще очень опасная. Я не призываю, разумеется, к казенной холодности между людьми. Пускай и на службе люди сохраняют друг к другу душевную теплоту, привязанность, общаются между собой по-приятельски свободно. Но одно необходимо: чтобы дело правило отношениями людей, а не отношения делом. Иначе беда! Вроде бы ты искренне заботишься об интересах производства, даже показываешь иногда хорошие результаты. А неслужебные, по своей сути, отношения незаметно подтачивают, развращают коллектив. Строптивых работников ты постепенно отстраняешь от себя, стараешься от них всеми правдами и неправдами избавиться, приближаешь к себе, наоборот, услужливых, безропотных. На таких вроде бы целиком можно положиться, такие станут для начальника землю рыть... В результате нестойкий человек, который в иных условиях, может, и не начал бы угождать, подхалимничать, здесь из кожи вон лезет, уговаривая себя: «А что делать? Надо быть реалистом...» И начальнику уже кажется: вот какую надежную опору он себе создал. Горькое заблуждение! Наоборот, он себе сам яму вырыл, и только. Это же очевидно! Служба, превращенная в прислужничество, морали не чтит. Сегодня она в пояс тебе кланяется — завтра ударит в спину. Рано или поздно, это обязательно произойдет. И никому уже не пожалуешься: все устроил сам, своими руками. Одним словом, повторяю, на службе нужны отношения служебные...»

ки урожая и решению других важных народнохозяйственных задач.

Но вот настала пора, как говорится, строгих и несуетных раздумий о прожитом и пережитом. Поэт стал проводить больше времени за своим домашним письменным столом. А старик вентилятор к тому времени поплоше стал, не только гудеть, но и стучать и дребезжать. К тому же его иногда забывали выключить на ночь.

Поэт позвонил в столовую, зашел сам. Встретили его по-соседски, заверили, что все будет в порядке, даже расписание обещали вывесить на видном месте, когда включать, а когда выключать вентилятор. Однако все продолжалось по-прежнему. При новых посещениях поэта принимали уже не столь приветливо. Соседу однажды прямо сказали про него:

— Конечно! Сидит дома, нигде не работает, делать ему нечего, вот и жалуется...

— Он работает,— вступился сосед.

— Работать надо на работе,— наставительно разъяснила заведующая Ольга Петровна Якименко.

— Да он же книжки пишет, я сам читал! И мои дети читали...

— Э,— последовал ответ,— если бы я не работала, я бы еще и не такие написала...

Поэт вспомнил наконец о том, что его слово всегда считали действенным, и написал в городскую газету. Напечатали. Вентилятор продолжал вертеться, производя шум. Может быть, потому, что на этот раз поэт выступил не в стихах, а в прозе — в форме открытого письма к заместителю председателя горисполкома А. М. Краснопольскому, который возглавляет комиссию по борьбе с шумом и как раз незадолго до того в общирном интервью рассказал читателям, как много делается в городе в этом направлении...

Нельзя, впрочем, сказать, что по слову поэта ничего не предпринималось. Наоборот, развернулась бурная деятельность.

Шесть раз в течение двух лет люди, вооруженные специальным прибором, замеряли на квартире поэта уровень шума. Это были представители разных инстанций, потому что результаты предшествующих измерений всякий раз дезавуировались. Один-единственный раз из шести прибор показал сорок децибел — норму, предельно допустимую в дневное время. Во всех остальных случаях норма оказывалась превышенной в полтора — три раза. Поэт стал получать официальные бумаги: его извещали, что заведующей столовой сделано предупреждение, на заведующую и ее заместительницу наложен штраф в десять рублей. Одна из бумаг, сохранившихся в папке, сообщает, что произведен профилактический ремонт вентиляционной установки, после которого вентилятор действительно притих на день-другой, а потом завыл с удвоенной силой.

Дважды санитарная служба налагала вето на работу вентилятора и сама же отменяла его, потому что наступали жаркие дни и поварам на кухне становилось действительно нечем дышать.

Я слушал препирательства, упреки, обещания и, каюсь, на какие-то минуты меня охватило чувство безысходности. Оно не появлялось у меня при мысли о том, что Вселенная бесконечна, или о том, что человеческая жизнь, наоборот, конечна. Как-то сами собой принимались эти «правила игры». Того же, что происходило на моих глазах, принимать никак не хотелось. Речь шла о пустяке, но тут же выяснялось, что никто ничего не может сделать, что все эти умные и облеченные доверием люди, все, как один, с высшим образованием, практически бессильны. И поэт, мой товарищ по литературной организации, начинал уже каяться мне, по напрашивающейся ассоциации, чем-то вроде Дон Кихота. Потому что вентилятор, как и ветряная мельница, имеет крылья. И тоже вертится.

— Обоснованы ли, на ваш взгляд, претензии поэта? — спросил я главного санитарного врача.

— Безусловно. И подтверждены показаниями приборов. Могу добавить, что так называемые бытовые шумы занимают второе место по числу получаемых нами жалоб от населения. Люди, надо отдать им справедливость, смотрят на вещи реально, они понимают, что движение транспорта на улице не прекратишь, только в перспективе, при строительстве новых домов можно что-то учитывать. А вот когда день и ночь громыхают сгружаемые бочки и ящики или гудит вентилятор — тут есть чего требовать...

— И какими же средствами воздействия вы располагаете?

— В случае если виновные не выполняют наших требований, мы можем их оштрафовать. На десять рублей.

— Считаете ли вы сами эту меру действенной?

— Господи, конечно, нет! Хоть и штрафуем мы не предприятие, как прежде, а лично руководителей,— что такое сегодня десять рублей для высокооплачиваемого работника! Результата никакого, кроме разве раздражения против нас...

— Ну, а еще?

— Можем в крайнем случае потребовать закрытия предприятия...

— Кто же от этого страдает — в нашем, допустим, случае?

— Прежде всего, конечно, население, те, кто пользуется столовой. Поэтому можно понять руководителей района и города, которые всячески ограничивают нас в использовании этого нашего права. А отсюда возможность бесконечно затягивать дело...

В разговор вступила журналистка из местной «Вечерки», поведавшая историю некоей двери на мощной пружине, которая терроризировала население целого пятиэтажного дома, производя грохот, сравнимый примерно с полуденной пушкой в Ленинграде. Только новосибирская «пушка» стреляла не раз в сутки, а по нескольку раз в час. Потребовались несколько месяцев борьбы и вмешательство чуть ли не высших городских органов, чтобы укротить наконец проклятую дверь с помощью технического чуда двадцатого века — утапливаемых шарниров...

— А, кстати, как вам помогает городская комиссия по борьбе с шумом? — последовал очередной вопрос.

— Так ведь и она практически ничего не может. Комиссия занимается завтрашним днем, перспективой, новыми районами...

— Что же, значит, никто, на поверку, ничего не может?

— Выходит, так. Надо, чтобы у руководителей предприятий, того же треста столовых появилось желание идти нам навстречу, а не отмахиваться от наших требований, как от назойливой мухи.

— Как же сделать, чтобы вдруг возникло такое желание? Гипнотизера позвать?

— Гипнотизера не гипнотизера, а вот экономистам, юристам не мешало бы задуматься: как сделать, чтобы векторы наших интересов были направлены все-таки в одну сторону!

Вспомнили опыт других стран. В Болгарии, например, органы санитарной службы обладают широкой автономией, подчинены только своему начальству в столице. У нас же — подсчитано — двенадцать различных инстанций могут вмешиваться на месте в работу санитарных врачей. Демократия, которая превращается в свою противоположность ерундовое дело о шарнире или вентиляторе порой не решишь иначе как на высшем городском уровне! А у горисполкома и его работников дел и без того хватает. Тем более что не с одной санслужбой такое положение. И перегрузка ответственных работников всякими мелочами приобретает размеры бедствия. Так по крайней мере было до самого недавнего времени. Недавно утверждено новое Положение о государственном санитарном надзоре СССР. В нем существенно расширены функции и права санитарных врачей. Дело теперь за реализацией этих прав. Замечу, впрочем, что в отношении десятирублевых штрафов все осталось по-прежнему...

И странно, и смешно вспомнить, что началом столь большого разговора послужил вентилятор в заштатной столовой. Не ради него одного, конечно, пишутся эти строки, хоть и сочувствую я своему собрату-поэту. В конце концов, думал я, слушая речи на заседании, вентилятор, наверное, исправят. Руководители треста при мне испросили двухмесячный срок, а до той поры поклялись нарядить специального работника, чтобы он ежедневно по дороге со службы заходил и проверял, выключен ли вентилятор согласно графику. Директором треста М. В. Дубаковой был издан приказ, в котором ответственность за своевременное нажатие кнопки возлагалась на трех человек, включая уже упоминавшегося инженера С. И. Коробкина. Просто потребовать от подчиненных неукоснительного выполнения элементарного дела, оказывается, и трест бессилен!

Но меня волновало и другое.

Меня одолевали разного рода демагогические сопоставления. Например, сколько машин сошло с конвейера Волжского завода хотя бы за те два часа, что мы заседали. Меня подмывало спросить участников заседания, кто и сколько получает в месяц, чтобы путем несложных арифметических действий высчитать стоимость этого заседания. Я подсчитывал по своей записной книжке число людей, так или иначе оказавшихся связанными с «делом о вентиляторе»: работников столовой, треста, горисполкома, техников с шумомерами, инженеров, журналистов. Получалось что-то около трех десятков. Теперь уже и ваш покорный слуга с полным правом может числиться в этом странном списке. Если подсчитать и оценить все затраты времени хотя бы за два последних года, хватило бы, поди, и на новенький вентилятор!

НОВОСИБИРСК

ФАКТ

«Докладываю, что 14 июня 1973 года в 8 час. 15 мин. на перекрестке улиц [illegible] автомашиной «Волга» (номер МОФ [illegible]), управляемой водителем М., был совершен наезд на гражданку О., 27 лет, которая вскоре была доставлена в больницу с переломами обеих ног. Из опроса свидетелей, показаний водителя и потерпевшей выяснилось, что гражданка О., шедшая в туфлях типа «платформа» и одетая в очень длинную юбку, споткнулась и упала. Наезд автомашины, шедшей со скоростью 60 км/час, был неизбежен...»

(Из рапорта инспектора ГАИ)

«Больная Р., 32 лет, обратилась с жалобами на тянущие боли в икроножных мышцах и отеки икр. Было выяснено, что у больной, недавно перенесшей тяжелую беременность, развивалось варикозное расширение вен, резко обострившееся в тот период, когда больная стала носить туфли на высокой «платформе». Предварительным диагнозом установлен тромбофлебит нижних конечностей».

(Из истории болезни)

КОММЕНТАРИЙ СПЕЦИАЛИСТА

Мне вспоминается недавний разговор с одной женщиной-спортсменкой. Следуя моде, она приобрела туфли на толстой плоской «платформе» и вот: «Знаете, — недоуменно говорила женщина, — надев эти туфельки, я вдруг почувствовала себя словно в горнолыжных ботинках. Такие ботинки, как известно, из-за своей жесткой подошвы совершенно не приспособлены для ходьбы. Их и надевают-то вместе с лыжами на вершине горы, перед самым спуском. Но тут все понятно: нога при спуске должна быть максимально «закрепощена», а зачем делать такое с повседневной обувью?.. Да и потом, эти туфли просто тяжелы, как будто кирпичи на ногах таскаешь! Даже я, человек тренированный, устаю в них страшно...»

Что я мог ей ответить? Кажется, только недавно модны были свободный носок, широкий устойчивый каблук, и тогда ортопеды чувствовали себя спокойно. Но все на свете меняется, а мода — быстрее всего.

Пришелец с другой планеты был бы, наверное, очень удивлен. Неуклюжесть обуви на подошвах - «платформах» очевидна. Лишая ногу естественности в ходьбе, толстая, жесткая подошва может стать виновницей многих бед — плоскостопия, застойных явлений в венах, тромбофлебита. Между тем люди не просто добровольно покупают такую обувь, а гоняются за ней и счастливы, когда удается ее купить...

Некоторые крайности современной моды вызывают беспокойство повсюду в мире. «Каким образом влезть в эту слишком узкую одежду и усесться на чрезмерно низкой мебели? Как втиснуться в эти голубые джинсы с заниженной талией?» — спрашивает французский журнал «Пари-матч». И отвечает: «Эти слишком тесные одежды, как утверждают медики, деформируют, коверкают тело, увеличивая число случаев искривления позвоночника, атрофии легких, вызываемой затрудненным дыханием в такой одежде. А современная чересчур низкая мебель умножает количество сутулых спин и «прострелов» у людей. Обувь же на «платформе» может явиться причиной артроза голеностопных суставов и других тяжелых заболеваний стопы».

С мнением медиков трудно не согласиться.

Б. КОМАРОВ,
директор Научно-исследовательского института скорой помощи имени Н. В. Склифасовского, профессор, доктор медицинских наук

«Фольксштимме» (АВСТРИЯ)

Без слов...
«Панч» (АНГЛИЯ)

— ...Ты что, обалдел? Сейчас носят мини!
«Нани» (ФРГ)

ФАКТ

«У больной К., 62 лет, страдавшей гипертонической болезнью II степени, через 5 часов после окраски волос урсолом наступила аллергическая реакция замедленного типа, проявившаяся в виде контактного дерматита и отека Квинке. Отек распространился на гортань, сопровождался тяжелым, прогрессирующим приступом бронхиальной астмы. Купировать приступ удушья медикаментозными средствами не удалось, и через несколько часов при резком повышении кровяного давления он закончился летальным исходом».

(Из истории болезни)

«Больная А., 22 лет, была доставлена в больницу с жалобами на неожиданно появившиеся головные боли, непрекращающуюся тошноту. Из опроса больной выяснилось, что эти симптомы проявились спустя сутки после употребления крема для лица, приобретенного в парикмахерской. Было установлено сильное отравление организма ртутью, очевидно, входившей как компонент в этот крем. Анализы подтвердили наличие ртути в организме. Результатом отравления явилось увеличение печени и селезенки, нарушение нормальной работы почек, сильный дерматит».

(Из истории болезни)

Удобство моды.

КОММЕНТАРИЙ СПЕЦИАЛИСТА

...На заре века косметикой открыто пользовались лишь куртизанки и актрисы. Но вот появляется кинематограф, рождается культ кинозвезд, и стремящиеся во всем подражать своим «идолам» модницы превращают косметику из профессионального атрибута актрисы в предмет повседневной необходимости. И, что любопытно, едва лишь заявив о себе, косметика весьма решительно начинает проявлять тенденции максимализма почти карикатурных крайностей. Замелькало на киноафишах 30-х годов имя Греты Гарбо — и вот уже миллионы женщин, по словам одного специалиста-косметолога, «полоскают волосы настоем ромашки, выщипывают брови, вырывают коренные зубы — все для того, чтобы приблизиться к желанному идеалу».

Многие полагают, что в последнее время женская мода, в частности косметическая, наконец успокоилась. Действительно, после легкомысленных кудрявых венчиков «конских хвостов» и «сахарных голов», окрашенных в лиловый цвет, столь характерных для 50-х годов, мода в начале прошлого десятилетия производила отрадное впечатление своей естественностью и простотой: прямые волосы, слегка подкрашенные светлой помадой губы и подведенные глаза... Но это было лишь затишье перед «косметической бурей». И вот буря началась. «Никогда раньше не предлагалось так много и таких разных масок, сменяющих друг друга каждый сезон, — с иронией пишет журнал «Силуэт». — Парик и умело использованный косметический арсенал помогают современной женщине почти до неузнаваемости изменить свое лицо. А косметическая промышленность поставляет все новые и новые средства. Есть основания полагать, что... женщинам еще многое придется испытать на себе».

Врача-аллерголога больше, чем кого бы то ни было, настораживают некоторые формы проявления моды, в частности в косметике. Ведь аллергическая реакция — это не что иное, как протест организма против чуждых ему веществ — аллергенов. А их-то как раз великое множество в косметических средствах, в особенности кустарных. Разумеется, далеко не всегда применение косметики оканчивается так драматически, как в приведенных выше случаях. Степень аллергической реакции может быть различна. К примеру, 62-летней женщине, больной гипертонией и предрасположенной к астме, окраска волос урсолом противопоказана категорически, а у другой женщины она может вызвать лишь слабое раздражение кожи головы — небольшой дерматит. В том-то и дело, что мода мало считается с индивидуальностью человека, тем более с индивидуальностью физиологической.

Мне представляется совершенно очевидным, что над применением косметических средств должен быть установлен строгий врачебный контроль, как и над применением лекарств. Какими должны быть конкретные формы такого контроля — это уже предмет особого разговора.

Т. ВАСИЛЬЕВА,
врач-аллерголог

МОДА И ЗДОРОВЬЕ

Есть такое понятие — «жертва моды». В разряд «жертв» попадает человек, который слишком торопится перенять все новое, непривычное, неустоявшееся, что несет с собою мода. В глазах окружающих этот человек нередко выглядит смешным.

Но помимо, к сожалению, к рьяным последователям моды слово «жертва» приходится применять в прямом смысле. И тут уже бывает не до смеха...

Что же это за таинственный феномен — мода, который порой заставляет людей рисковать даже своим здоровьем? Каковы ее законы? Можно ли сознательно управлять модой, заставлять ее развиваться в желаемом направлении?

Об этом идет речь в публикуемой сегодня подборке материалов.

ФАКТ

«Сергей Ф., учащийся ПТУ, проходивший практику на токарных станках типа IK-62 в третьем цехе, 15 января 1973 года во время работы получил тяжелую травму по собственному недосмотру. Работая на станке, не укомплектованном защитным стеклом, он низко наклонился над вращавшимся на полных оборотах патроном, и длинные волосы, давно не стриженные, попали в кулачки патрона.

Считаю свою вину в данном случае минимальной: во-первых, я неоднократно обращал внимание начальника цеха на недопустимость работы на не укомплектованных защитными стеклами станках. Во-вторых, запретить Ф. носить длинные волосы было не в моих силах. Инструкция запрещает женщинам работать на станках без косынок, но о волосах до плеч у мужчин в ней ничего не сказано».

(Из объяснительной записки инженера по технике безопасности)

«Радиомонтажник Николай Р., 25 лет, работая с высоковольтной аппаратурой, разряжал электролитический конденсатор большой емкости, замыкая его выводы накоротко. От искры, проскочившей при разряде, у Р. вспыхнула синтетическая рубашка. С тяжелыми ожогами пострадавший был доставлен в больницу. После двухмесячной госпитализации, в процессе которой Р. были сделаны пересадки кожи и переливание крови, больной был направлен на ВТЭК для определения степени работоспособности. ВТЭК в составе следующих специалистов... определила для Р. инвалидность II группы».

(Из заключения ВТЭК)

КОММЕНТАРИЙ СПЕЦИАЛИСТА

Тут, признаться, и комментировать нечего. Мода подчас самым неожиданным образом вступает в конфликт с техникой безопасности. Длинноволосый парень низко склонился над станком — и вот тяжелая травма. А другой не в силах расстаться даже на работе с синтетической рубашкой яркой модной расцветки, отправлен в больницу с сильными ожогами: синтетическое полотно вспыхивает мгновенно. Вообще работа в таких «малопрозрачных» для воздуха рубашках в поле или в горячем цехе может привести к перегреву тела, к тепловому удару. Мы знаем и о других случаях. Когда, скажем, женщина, проходив целый вечер в туфлях с высоченным каблуком, на следующее утро вставала к станку в мягких тапочках. Такой резкий контраст неудобного с удобным расслабляет не только физически, но и притупляет внимание к работе. Снова травма «по собственному недосмотру». И вот уже целая пачка объяснительных записок и медицинских справок.

Обычно ревнители моды оперируют чисто эстетическими категориями: «красиво — некрасиво». Очень редко задумываются над вопросом: удобно ли? И почти никогда не спрашивают себя: где и когда удобно? Ответ, казалось бы, ясен: модные вещи, как правило, надевают, показываясь «в обществе» — на прогулке, в театре, в гостях. Издавна слово «мода» ассоциируется с другим словом — «праздность».

Но наше общество — общество тружеников. Значительную часть своей жизни люди проводят на заводе, на фабрике, в учреждении... Наша мода должна быть не только демократична, но и «реалистична» — максимально близка к условиям жизни людей. Надо раз и навсегда понять: то, что вполне годится для иного бездельника, фланирующего день-деньской по бульварам Парижа или коротающего время в барах на курорте Флориды, не всегда подходит для рабочего парня с «Уралмаша» или ткачихи с «Трехгорки».

Кстати, эти сугубо практические, казалось бы, соображения связаны прочной «обратной связью» и с эстетикой. В широком смысле не может быть признана красивой мода, никак не «учитывающая» окружающую человека реальность, искусственно привнесенная в нее со стороны. И если мы говорим «раздельно» об удобстве и красоте, то это весьма условно, для простоты.

Так вот, об удобстве. И о безопасности. Инженер сетует на устаревшую инструкцию, в которой ничего не сказано об учете некоторых крайностей современной моды. Специалисты ВТЭК констатируют инвалидность у молодого парня... Случайны ли эти беды? Можно ли их объяснить только неудачным стечением обстоятельств? Нет. Когда люди, пренебрегая логикой и благоразумием, слепо следуют за модой, эту опасность, к сожалению, не предусмотреть никакой инструкцией.

Д. ЛОРАНСКИЙ,
директор Института санитарного просвещения АМН СССР, кандидат медицинских наук

ИНТЕРВЬЮ «ЛГ»

УКРОЩЕНИЕ СТРОПТИВОЙ?

Б. ПАРЫГИН,
доктор философских наук, профессор

— Каждый из приведенных выше печальных случаев, когда люди становились жертвой моды, в отдельности может и не показаться чем-то значительным. Скажем общее количество несчастных случаев из-за макси-юбок или туфель на «платформе», вероятно, ничтожно мало по сравнению даже с ежедневным числом транспортных происшествий. Но, собранные вместе, такие факты обращают на себя внимание, заставляют задуматься: что же это за таинственный феномен, принуждающий человека слепо следовать за модой, зачастую поступать во вред себе, идти наперекор сильнейшему инстинкту самосохранения, заложенному в каждом живом существе? Возник этот феномен, понятно, не сегодня и не вчера. Но никогда в прошлом он не имел власти над такими массами людей. В чем, на ваш взгляд, секрет всесилия моды?

— Мне кажется, возможность диктата моды обусловлена тем, что подчинение ей отвечает каким-то естественным устремлениям человека. Это своеобразный способ удовлетворения каких-то потребностей личности, прежде всего — потребности обновления.

Психологи свидетельствуют: повторяющиеся воздействия одних и тех же раздражителей приводят к торможению нервных процессов в соответствующих участках головного мозга. И мозг начинает требовать новых раздражителей, иначе невозможна активная деятельность его коры.

Вот мода и предлагает компенсацию неудовлетворенной потребности в обновлении, вводя в жизнь массу новых раздражителей — в одежде, предметах быта, стиле поведения и т. д.

Другая, не менее существенная потребность, удовлетворяемая модой, — это потребность человека в самовыражении, в утверждении себя как личности. Известно, что при огромном потенциале мозга человека к концу жизни реализуется лишь небольшая часть его творческих возможностей. Человек пока не научился в полной мере проявлять себя, и, разумеется, этот колоссальный разрыв между тем, что ему дано природой, и тем, что он использовал из этого дара, становится для многих из нас настоящей драмой. Эта драма еще более усугубляется научно-технической революцией, которая несет с собой унификацию и стандартизацию производства, а как следствие — и некоторых сторон человеческого поведения, бытия.

Мода же легко и просто позволяет человеку выделиться. Достаточно необычно одеться, и вот на тебя уже обратили внимание. Конечно, такой способ самовыражения — дешевый заменитель, суррогат. Но зато он компенсирует потребность в самовыражении, не требует особых творческих усилий и в этом смысле весьма «демократичен».

Эпоха научно-технической революции принесла с собой лавину новшеств во многих областях жизни. Шутка ли, каждые 15 лет удваивается только число предметов быта и сервиса! Учтем еще интенсификацию человеческого общения. Например, по данным ленинградских социологов, перед человеком ежедневно мелькает до 3000 лиц! Все это, вместе взятое, ставит нас перед опасностью сильнейшего нервного перенапряжения, стрессовых ситуаций.

В нынешних условиях мода выполняет двоякую функцию. Первая — это удовлетворение потребностей, связанных с погоней за разнообразием. Для тех, кто может и хочет включиться в эту гонку, мода предоставляет набор различных внешних символов и характеристик.

Другая же функция прямо противоположна первой. Она защищает от психической перегрузки — сводит к стереотипу человеческое поведение, эмоции, вкусы. Прикрываясь щитом стереотипа, беря готовый модный стандарт, мы выключаемся из гонки за разнообразием, не тратим время и умственную энергию на «плавание» в океане новых вещей.

И тут уж зависит от самого человека, какая именно функция моды его устраивает: мода как способ защиты от стресса или мода как возможность выделиться в обществе и сделать свою жизнь «разнообразной». Поэтому было бы неверно говорить о том, вредна или полезна сама мода. Можно лишь оценивать ее конкретные проявления в поступках того или иного человека.

— Разумеется, люди по-разному строят свои «взаимоотношения» с модой. В литературе об этом предмете есть даже соответствующие термины: «лидеры» и «имитаторы». Первые — это те, кто, как вы говорите, охотно включается в гонку за разнообразием, — задают тон, а вторые — люди, вынужденные следовать моде, дабы не прослыть «несовременными», «старомодными». И вот как раз для них, «имитаторов», мода подчас оборачивается настоящим бедствием. Прежде всего стереотипы, навязываемые модой, весьма несовершенны: в косметике ли, в одежде, в обуви это весьма странные модели, часто неэстетичные и, как видно из опубликованной сегодня подборки, порой даже вредные. Ведь мода сплошь и рядом проявляет тенденцию к крайностям, к максимализму: скажем, если уж короткие юбки, то предельно короткие, если уж длинные, то до пят...

— Действительно, мода редко расстается с максимализмом. И он опять-таки связан с естественной потребностью во все новых психических раздражителях. А психологи утверждают, что новый раздражитель только тогда дает эффект, когда он превосходит «норму адаптации» к прошлым раздражителям. В этом секрет того, что каждая новая мода, пусть на йоту, но в чем-то превосходит предыдущую в своей «раздражительной способности». Возьмем, к примеру, ту же юбку. Если к юбке средней длины произошла «зрительная» адаптация, то новая модель, чтобы стать модной, произвести впечатление, должна быть, скажем, чуть короче. Но проходит время, мы адаптируемся и к этой модели, и вот появляется новая, еще короче. Потом снова адаптация, и новый раздражитель — так мода шаг за шагом идет к своей крайности.

Но вот вопрос: почему даже гипертрофированные модели все-таки выбираются как предмет подражания?

Потому что мода престижна. Она нередко выступает чуть ли не синонимом «современности» человека. Разумеется, это весьма примитивный метод завоевания престижа, но тем не менее он действен как способ суррогатного удовлетворения потребности в уважении личности. Между прочим, именно эти престижные соображения во многом объясняют тот факт, что в прошлом мода была в основном «женской» заботой. Ущемление гражданских прав, принижение социальной роли женщин требовали хотя бы частичной компенсации и находили ее в моде. Вычурная, капризная, яркая женская мода как бы содействовала повышению престижа женщины, по крайней мере, в собственных глазах.

Теперь положение изменилось. В странах социализма женщины равноправны с мужчинами, в буржуазных государствах они — в результате упорной борьбы, под влиянием примера социалистического мира — добились некоторых социальных завоеваний. И вот, смотрите, мужская мода ожила, «забеспокоилась». Стала развиваться сначала в собственных, «мужских» границах, а затем попросту перекинулась на чужую территорию. И вот мы видим у мужчин по-женски длинные волосы, сильно расклешенные брюки, рубашки и галстуки таких умопомрачительно ярких тонов, которые еще полвека назад считались исключительно прерогативой женщин. Остается только начать красить брови и подводить ресницы...

Отсюда ясно, я думаю, что воспрепятствовать стремлению моды к гипертрофическим проявлениям можно, лишь отделив в сознании людей понятие истинного престижа от иллюзорного.

Сделать это очень непросто, потому что со времен первобытнообщинного строя и до сегодняшнего дня в моде, в ее символах находили свое отражение такие престижные факторы, как богатство, сила, власть, мастерство в работе. Скажем, в древности среди охотников было «модным» украшать грудь клыками убитых животных, а женщины бронзового века носили на ногах пудовые металлические браслеты — символ обеспеченности. В Древнем Риме только свободнорожденные граждане надевали тогу. В прошлом столетии мечтой каждого юноши был плащ пилигрима, но право носить его получали лишь в 23 года. И мода на дорогие меха, драгоценности, распространенная на Западе, — это ведь тоже престиж, обращенный в моду.

Однако все-таки сегодня связь моды с факторами истинного престижа становится все менее прочной. В наше время — и чем дальше, тем в большей степени — главным престижным фактором становятся способности человека, его полезная деятельность.

Не случайно по-настоящему талантливые люди были всегда равнодушны к причудам моды. Их потребности в обновлении, в самовыражении, в общественном престиже удовлетворялись по самому большому счету — в творчестве. Вот почему не расставался Хемингуэй со своим простым, грубоватым свитером. Вот почему почти на всех оставшихся фотографиях мы видим Эйнштейна в скромной, «домашней» шерстяной кофте...

Но сегодня, кажется, уже в массе своей люди начинают понимать, что главный престижный фактор — общественно полезная деятельность, что ее невозможно имитировать, тем более в иллюзорных символах моды. Это позволяет надеяться, что люди со временем все меньше будут зависеть от моды, от ее «лидеров».

— Но значит ли это, что независимость от моды придет сама собою? Или нужно искать какие-то способы управления ею?

— Если бы можно было найти пути управления модой — это было бы прекрасно. Но насколько это реально?.. Собственно, прежде чем управлять модой, нужно научиться прогнозировать ее. Но такой прогноз крайне затруднен из-за того, что в различных конкретных социально-психологических условиях мода будет проявляться по-разному.

Тем не менее научиться прогнозировать пока хотя бы общие тенденции в области моды, повторяю, безусловно, необходимо. Для этого нужно тщательно анализировать структуру потребностей населения, их динамику, исследовать социально - психологический механизм поведения людей.

У нас, к сожалению, в этой области пока делается очень мало. Между тем вполне очевидно, что мода оказывает весьма мощное воздействие на некоторые социально - экономические процессы. Скажем, она способна «заморозить» товары легкой промышленности на многие миллионы рублей, если они не отвечают современным тенденциям моды. С этим печальным явлением сталкивается каждый, кто приходит в магазин, смотрит на переполненные прилавки и уходит, не найдя для себя ничего...

Превратить моду из регулятора массового поведения в регулируемое явление не так-то просто. Эту задачу, очевидно, следует решать не «в лоб» (трудно представить, что если объявить по радио модным товаром телогрейки, завтра в магазины за ними ринутся толпы покупателей), а прежде всего путем воспитания устойчивых вкусов к истинно ценному в предметах ли быта или в стиле поведения. Иными словами, иммунитет против лихорадки моды должен вырабатываться в самом человеке, а не где-то вне его.

Независимость от крутых зигзагов моды, видимо, и будет первой стадией управления ею. Но удастся ли добиться управления в полном смысле слова? Я затрудняюсь ответить на это сегодня. Мода — явление во многом стихийное, и если полностью подчинить ее себе, она просто утратит свою стихийную природу. Это будет уже не мода, а что-то другое.

Беседу вел
В. ДЕМУШКИН

КАК МАО ЦЗЭ-ДУН ШЕЛ К ВЛАСТИ

Отто БРАУН

Редакция московского журнала «Проблемы Дальнего Востока», органа Института Дальнего Востока Академии наук СССР, обратилась к ветерану международного коммунистического движения Отто БРАУНУ, проживающему ныне в ГДР, с просьбой поделиться с читателями воспоминаниями о событиях, связанных с периодом его пребывания в Китае.

О. Браун пробыл в этой стране больше семи лет — с начала 1932 до осени 1939 года. Все это время он в качестве военного советника находился непосредственно при Центральном Комитете КПК и командовании китайской Красной армии. Он принимал личное участие в их деятельности и на протяжении всего времени пребывания в Китае имел тесный контакт с их тогдашним руководством, некоторые бывшие члены которого сейчас стоят у руля государственного и партийного механизма в КНР. Он был единственным иностранным участником Великого похода и длительное время проживал в Яньани. Сведения, которыми располагает О. Браун, о положении, существовавшем в то время в освобожденных районах Китая, представляют собой ценные свидетельства очевидца, непосредственного участника исторических событий, предшествовавших образованию Китайской Народной Республики и последующему отходу ее руководителей от марксистско-ленинского курса. В определенном смысле они являются уникальным историческим документом, поскольку Мао Цзэ-дун и его ближайшее окружение приложили немало усилий, чтобы избавиться от лишних свидетелей того, как происходил процесс узурпации ими власти в Китае.

Сейчас О. Браун работает над своими воспоминаниями об этом важном и сложном историческом периоде. Как нам стало известно, в ближайшее время его воспоминания выходят в свет в Германской Демократической Республике.

Мы печатаем сокращенное изложение ответов О. Брауна на вопросы журнала. Полностью эти ответы будут опубликованы в № 4 «Проблем Дальнего Востока» за 1973 год.

КОГДА я приехал в Китай в качестве военного советника при ЦК КПК по просьбе последнего, Центральный Комитет КПК находился в глубоком подполье в Шанхае. Связь с освобожденными районами была очень плохой вплоть до весны 1933 года, когда Политбюро и секретариат ЦК КПК переехали из Шанхая, находившегося в руках гоминдановцев, в Центральный советский район Китая.

В стране шла непрерывная и острая гражданская война между молодой китайской Красной армией и вооруженной зарубежными империалистами армией гоминдана. Положение в Центральном советском районе, находившемся на юге Китая, и без того тяжелое из-за непрерывных военных действий, недостатка вооружения, продовольствия и т. д., осложнялось еще и тем, что в руководстве КПК и освобожденном районе не было единогласия по основным политическим и военным вопросам, не было и единой, твердо установленной линии. Фактически руководство было разделено на две группировки, из которых одна стояла более или менее твердо на марксистско-ленинских, интернационалистских позициях, а вторая, по существу, придерживалась мелкобуржуазно-националистических взглядов.

Коммунисты-интернационалисты считали закономерной и неизбежной гегемонию рабочего класса и в такой отсталой, аграрной стране, как Китай. Необходимо было активно заняться подготовкой пролетарских руководящих кадров, поскольку в особых условиях Китая — в условиях массовой неграмотности, безудержного белого террора и т. д. — руководящие кадры набирались почти исключительно из интеллигенции, которая вышла из мелкобуржуазной, буржуазной и даже феодальной среды. Однако Мао Цзэ-дун нередко высказывался о том, что рабочий класс утратил свою руководящую роль, что основным носителем революции является крестьянство, а ее оплотом — деревня.

В этой связи он утверждал, повторяя тезисы Ли Ли-саня*, что центр мировой революции переместился в 1917 году из Германии в Россию, а теперь — еще дальше на восток, в Китай. Главным противоречием в мире является, следовательно, уже не антагонизм между социалистическим Советским Союзом и капиталистическими государствами, а антагонизм между империалистической Японией и китайской нацией. Отсюда Мао делал вывод, что Советский Союз обязан любой ценой помочь революционному Китаю, пусть даже ценой войны, поскольку перед победоносным революционным Китаем стоит задача повести вперед мировую революцию.

Излишне подчеркивать, что все мы, коммунисты-интернационалисты, единодушно придерживались противоположной точки зрения. Основное противоречие в мире мы видели между силами социализма во главе с Советским Союзом и империалистическими государствами, из которых наиболее агрессивными все более проявляли себя Германия, Италия и Япония, образовавшие позднее политическую ось. Советский Союз, единственная в то время социалистическая страна, был для нас символом пролетарской революции, и мы считали своим святым интернациональным долгом защищать его от авантюристических планов и нападок врагов.

ЭКОНОМИКА Центрального советского района Китая была экономикой военного времени, можно даже сказать, представляла своего рода военный коммунизм. Однако при проведении экономической политики были допущены серьезные ошибки. Мао Цзэ-дун проводил очень жесткий «левый» курс, который был направлен частично даже против середняков. Курс Мао затронул также другие средние слои — ремесленников и мелких торговцев. Он осуществил новое распределение земли по «едокам». В то же время красноармейцев и их семьи во многих случаях обходили при распределении земли, утешая тем, что они ее получат после «окончательной победы». При создании коллективных хозяйств также были допущены перегибы — принудительные и поспешные меры, неоправданные объединения.

Однако вскоре, как это часто бывало, Мао впал из одной крайности в другую и стал выступать за ослабление нажима даже в отношении крупных помещиков и ростовщиков и за предоставление большей свободы действий частному капиталу.

После того как образовалось Бюро ЦК*, послушный Мао партийный комитет фронта был распущен. Началась острая борьба между Чжоу Энь-лаем и Мао Цзэ-дуном. На расширенном заседании Бюро ЦК, состоявшемся в Нинду весной 1932 года, Мао подвергся суровой критике за свои левосектантские ошибки, а также за земельную политику и режим террора. Его односторонняя ориентация на военную борьбу, так называемая «политика винтовки» и в то же время сдача без сопротивления освобожденных территорий, согласно его тактике неоднократных отступлений, чтобы не сказать, бегства в горы, были осуждены как военный оппортунизм и пассивная оборона. Он остался, правда, председателем Исполнительного комитета Временного революционного правительства, членом Бюро ЦК и членом Реввоенсовета, но потерял в значительной степени свое доминирующее влияние и свое прежнее положение. В военсовете он был замещен Сян Инем, а в командовании Центральной армейской группой — Чжоу Энь-лаем.

V пленум ЦК (1934 г.) пополнил Центральный Комитет новыми членами и кандидатами. Он избрал новое Политбюро, в которое, если не ошибаюсь, вошел и Мао Цзэ-дун, и утвердил Бо Гу в качестве Генерального секретаря.

ОДНАКО ни V пленум ЦК, ни последовавший II съезд Советов не принесли окончательного устранения давно существовавших разногласий по коренным вопросам китайской революции. Причиной было то, что марксистско-ленинские кадры в партийном руководстве занимали примиренческую позицию по отношению к взглядам Мао. Они избегали ясных решений и искали компромиссных формулировок, а по некоторым важным вопросам даже поддавались влиянию Мао. Следует также помнить, что II съезд Советов проходил в обстановке засилья мелкобуржуазной крестьянской среды, что не могло не сказаться на позиции делегатов. Мао Цзэ-дун мог быть доволен съездом. Он решил взять реванш за поражение, которое потерпел в ЦК. Сохраняя внешнюю видимость политического единства и товарищеского сотрудничества, он начал борьбу за власть в партии, правительстве и армии.

Охваченный манией исключительности своего призвания — довести революцию, как он ее понимал, до победы, — он считал дозволенными любые средства, приближавшие его к цели — неограниченной личной власти.

В районе Цзянси-Фуцзянь он практически достиг этой цели в 1931 году. Мао Цзэ-дун, бывший тогда уполномоченным ЦК и председателем фронтового партийного комитета, в 1929—1930 годах силой устранил неугодный ему провинциальный комитет партии. Он физически уничтожил партийные кадры, сопротивлявшиеся его курсу.

После V пленума ЦК борьба Мао за руководство партией и армией становится особенно яростной и коварной. Искушенный в политических интригах, он тайно закладывал мины, стремясь не только возвратить утраченное влияние, но стать единственным руководителем партии с неограниченной властью.

Прежде всего он сколотил оппозиционную группу из местных и военных кадров. Этих людей объединяло то, что все они поддерживали Мао еще в 1930 году, когда он вступил в борьбу против партийных комитетов Хунани, Цзянси и Фуцзянь. В эту группу входили, например, Гу Бо, Цзэнь Шань и его секретарь Чэнь Чжэн-жэнь. В 1930—1931 годах эти люди были выдвинуты Мао на руководящие посты в партии и правительстве Цзянси. Сюда входили также родственники Мао — его братья Мао Цзэ-тань и Мао Цзэ-минь (оба были второстепенными фигурами и занимались только экономическими и финансовыми вопросами; никогда никто из них не занимал руководящего положения в сфере политики). В его фракции участвовали также Ло Мин и Сяо Цзинь-гуан, и из тогдашних военных, кроме Линь Бяо, Чэнь И (в то время — командир дивизии) и Дэн Сяо-пин — редактор издававшейся Политуправлением армии газеты «Красная звезда».

Своеобразным было положение Бо Гу. В качестве Генерального секретаря ЦК он должен был решать политические, а также все более выступавшие на первый план военные проблемы. Ему было только 25 лет, но он имел хорошую теоретическую подготовку и, несмотря на свою молодость, политический опыт.

Из частных бесед с ним я знаю, что во многих отношениях он не разделял взглядов Мао, но считал сотрудничество с ним необходимым для того, чтобы оказывать на него марксистское влияние и сохранять единство партии. Этой позиции он придерживался и после того, как Мао «дал ему отставку», вплоть до своей смерти в 1946 году.

Более широко образованный и старше по возрасту, чем Бо Гу, Ло Фу выступал, как и первый, за пролетарский классовый характер партии и неоднократно отрицательно отзывался о мелкобуржуазно-крестьянской идеологии Мао Цзэ-дуна. Однако, как секретарь ЦК, ответственный за политику, провозглашавшуюся правительством и Советами, и еще больше, как новый глава Советского правительства в районе Цзянси-Фуцзянь, он постепенно подпадал под влияние Мао, пока целиком не перешел на его позиции. Тем не менее в конце пятидесятых годов Мао набавился и от него.

Самым энергичным и самым ловким среди руководителей был Чжоу Энь-лай. Человек, получивший классическое китайское и современное европейское образование, обладавший большим международным опытом и выдающимися способностями, он всегда умело лавировал и приспосабливался. Он был руководителем политического отдела в военной академии Вампу и в национальной армии гоминдана, когда Чан Кай-ши был начальником академии и главнокомандующим. В 1927 году он организовал восстание в Шанхае и — совместно с Чжу Дэ, Хэ Луном и другими — восстание в Наньчане, но как постоянный член ЦК и Политбюро с середины 20-х годов он совершал такие же ошибки, как Чэнь Ду-сю* и Ли Ли-сань, либо же относился снисходительно к ним. Как руководитель Бюро ЦК в Центральном советском районе он вытеснил Мао Цзэ-дуна с его поста в партии и армии. В то время он отстаивал линию Коминтерна и секретариата ЦК, членом которого он был, как и раньше. Одновременно он укреплял свои собственные позиции в армии. Многие командиры были его учениками в академии Вампу. Военные успехи во время отражения четвертого похода Чан Кай-ши, которые Чжоу Энь-лай приписывал исключительно себе, способствовали росту его авторитета. После объединения штаба фронта с генеральным штабом все нити военного руководства находились в его руках. Он командовал фактически всеми вооруженными силами, включая самостоятельные и местные части. Характерно, что Чжоу Энь-лай, как я узнал только теперь, в конце 1939 года указал в анкете, что в 1932—1935 годах он был главнокомандующим китайской Красной армией.

Чжу Дэ, уже тогда легендарный герой гражданской войны, непритязательный и скромный человек, принимал участие еще в революции 1911 года. Он вступил в КПК в 1922 году в Германии и после Наньчанского восстания 1927 года повел революционные войска в Цзянси, где в 1928 году объединился с крестьянскими отрядами партизан Мао.

Чжу Дэ критиковал тогдашнюю военную тактику Мао, состоявшую в том, чтобы окопаться на Цзинганшане и оттуда «растягиваться по кругу». Мао со своей стороны обвинял его в «теоретическом невежестве» и «оппортунистических отклонениях». После объединения Мао систематически подрывал авторитет Чжу Дэ как военачальника и привлек на свою сторону его политкомиссара Чэнь И, а также Линь Бяо, который тогда был еще командиром батальона. Вскоре после Линь Бяо, который в недавнем прошлом, на IX съезде КПК, был провозглашен «преемником» Мао Цзэ-дуна, а затем сошел со сцены при не вполне объясненных обстоятельствах, в то время был самым молодым среди командиров. Выпускник военной академии Вампу и командир роты в Северном походе, он после 1927 года быстро продвинулся до командира батальона и полка. С 1931 года он командовал 1-м корпусом, знаменитым мобильностью своих двух дивизий, и поэтому отлично подходившим для маневров на окружение и обход. Линь Бяо, без сомнения, был блестящим тактиком партизанской и маневренной войны. Других форм ведения войны он не признавал. В политическом отношении это был «белый лист», на котором Мао мог писать все, что угодно.

В ТО ВРЕМЯ гоминдановская реакция, возглавляемая Чан Кай-ши, при поддержке империалистических держав — США, Англии, Франции, Германии и других — осуществляла четвертый «карательный поход» против китайских советских районов, который продолжался почти год — с июня 1932 по май 1933 года. В результате активных наступательных действий (против которых возражал тогда Мао Цзэ-дун) вооруженным силам КПК удалось не только отбить четвертый поход Чан Кай-ши, но и значительно расширить территорию советских районов.

Вскоре после переезда руководства ЦК КПК из Шанхая в столицу Центрального советского района город Жуйцзинь (провинция Цзянси) мне удалось преодолеть многочисленные заслоны и тоже прибыть туда. Я принимал участие в руководстве военными действиями китайской Красной армии, в разработке ее стратегии и тактики, в подготовке военных кадров. Осенью 1933 года при непосредственном участии империалистов США, Англии, Германии Чан Кай-ши предпринял свой пятый поход против Красной армии Китая. Оперативный план похода исходил из так называемой тактики «войны блокгаузов», специально для этого разработанной немецкими советниками Чан Кай-ши во главе с генералом фон Сектом. В походе участвовала почти миллионная армия. Но и на этот раз планы Чан Кай-ши и милитаристов потерпели полный крах. Красная армия Центрального советского района Китая, придерживаясь активной обороны, успешно прорвала окружение гоминдановских войск, вышла на оперативный простор и совершила так называемый Великий поход через одиннадцать провинций на Северо-Запад Китая.

В начале 1935 года во время первого этапа Западного похода Мао счел возможным нанести долго и тщательно подготовлявшийся удар по партийной верхушке. Одновременно он рассчитывал взять в свои руки армию и осуществил это после так называемого «расширенного заседания Политбюро ЦК КПК в Цзуньи».

На это заседание, которое состоялось 7 и 8 января 1935 года, были приглашены члены Временного революционного правительства, сотрудники генерального штаба, а также командиры и комиссары корпусов и дивизий. Они составили преобладающее большинство и получили, вопреки положениям Устава и всем нормам партийной жизни, не только совещательные, но и решающие голоса. Из 35—40 участников две трети, а возможно, даже три четверти, не только не были членами Политбюро, но не являлись даже членами Центрального Комитета.

Теперь Мао Цзэ-дуну представилась возможность воспользоваться наконец плодами своей многолетней фракционной борьбы и взять реванш за критику на VI съезде партии в 1928 году, за свое поражение на заседании бюро ЦК в Нинду в августе 1932 года, а также за поражение на V пленуме ЦК в январе 1934 года. «Расширенное заседание Политбюро» в Цзуньи стало важнейшим шагом Мао к узурпации власти в партии и армии. Он оттеснил Чжоу Энь-лая, главного комиссара и фактического главнокомандующего Центральной группой армий, и сам занял его место. В Политбюро и в секретариате ЦК он также добился исключительно большого влияния. Эта концентрация власти в течение следующего десятилетия привела к установлению своего рода самодержавной власти Мао Цзэ-дуна и дала ему возможность насаждать антимарксистскую националистическую линию.

Это выражалось, в частности, в отношении к Советскому Союзу. Делалась ставка на то, чтобы вовлечь Советский Союз в вооруженный конфликт с империалистическими державами, который якобы должен был обеспечить победу революции в Китае. В течение всего 1935 года Мао Цзэ-дун не раз и не два пытался с помощью различных маневров поставить Советский Союз в такое положение, которое привело бы его к конфликту с гоминдановским Китаем или Японией. Мао Цзэ-дун записал в одном из решений Политбюро, что мирная политика Советского Союза на Дальнем Востоке потерпела провал. «Стратегический план» Мао Цзэ-дуна противоречил как интересам трудящихся всего мира, так и интересам советского народа. С другой стороны, летом 1936 года Мао Цзэ-дун заявил в интервью Эдгару Сноу, что Внешняя Монголия (то есть Монгольская Народная Республика) после победы китайской революции автоматически станет частью китайской федерации. Не удивительно, что Мао настаивал тогда на продвижении китайской Красной армии к границам Монголии.

После совещания в Цзуньи Мао пытался представить дело так, будто там шла дискуссия по поводу двух принципиально различных военно-стратегических концепций: его — правильной и неправильной, представленной Бо Гу, Чжоу Энь-лаем, мной и другими. Но как раз Мао в конце двадцатых годов попеременно то предавался действительно пассивной обороне, то вел так называемую «бродячую войну» в виде вылазок и набегов, то в соответствии с порочной теорией Ли Ли-саня нападал на большие города и укрепленные центры противника. А после этого отстаивал похожее на бегство отступление в горы.

Весьма знаменательно, что Мао впоследствии пытался «подправить» историю. Так, в «Решении расширенного заседания Политбюро» в Цзуньи, которое есть не что иное, как отредактированный вариант речи Мао, говорится: «Линию чистой обороны надо рассматривать как конкретную форму проявления правого оппортунизма... Эта неправильная линия проистекает... из недооценки сил Красной армии и советских районов».

Через несколько лет Мао пишет в одном из партийных документов нечто совершенно противоположное: дескать, на совещании в Цзуньи «представители третьей «лево»-уклонистской линии (то есть Бо Гу, Чжоу Энь-лай, Сян Ин, Отто Браун и некоторые другие. — Прим. «ЛГ») считали даже, что Красная армия сильнее всей гоминдановской армии в целом, хотя последняя численно превосходила ее во много раз. Исходя из этого, они все время требовали, чтобы Красная армия при всех условиях стремительно шла вперед без всякой передышки».

Так Мао «творчески применяет марксистскую философию к китайским условиям».

МАО ЦЗЭ-ДУН пользовался марксистской терминологией в той мере, в какой она была ему знакома. Но его знание марксизма было поверхностным. Бо Гу подтвердил мое впечатление. Он привел весьма веские причины этого. Мао никогда не был за пределами страны и не знал ни одного иностранного языка. В самом же Китае было мало марксистской литературы. То, что имелось, шло по большей части из вторых рук: первоисточники можно было перечесть по пальцам. Но хуже было другое. Мао весьма своевольно истолковывал марксистские понятия, превращая их в эклектическую мешанину, и нередко вкладывал в них противоположное содержание.

Написанные в разные годы философские работы Мао, как уже неоднократно отмечали специалисты, носят компилятивно-эклектический и примитивный характер, содержат лишь вульгарную трактовку некоторых проблем диалектики. Что же касается «творческого применения марксизма к китайским условиям», то это «применение» было настолько своеобразным, что от марксизма, по существу, ничего не оставалось, поскольку в процессе применения Мао подменял его своими собственными концепциями, не имеющими ничего общего с подлинным марксизмом ленинизмом. Он, скорее, подыскивал необходимые формулировки, с помощью которых мог бы обосновывать свои собственные, чуждые марксизму - ленинизму взгляды, а точнее сказать — замаскировывать их.

Социальной базой маоизма были и остаются самые отсталые мелкобуржуазно - крестьянские слои, в то время как в рабочем классе он всегда видел только производящий класс, но не класс, призванный историей взять власть в свои руки и, в конечном счете, освободить человечество. Мелкобуржуазные слои создали питательную почву для процветания идей национализма. Еще в 30-х и 40-х годах Мао Цзэ-дун рассматривал национализм как яркое проявление и как специфическую форму классовой борьбы в Китае. В 60-х годах дальнейшая эволюция его взглядов привела его на позиции вполне откровенного великодержавного шовинизма.

Еще в своих лекциях на курсах партийных кадров в Яньани Мао всегда твердил, что политические проблемы Китая, как внутренние, так и внешние, могут быть решены только с помощью оружия и что поэтому вооруженные силы Китая должны рассматриваться как решающий фактор в проведении политики. Он подкреплял этот тезис примерами из истории Китайской империи, которая постоянно вела войны и в результате стала якобы столь могущественной в те времена. В этой связи он любил цитировать высказывания государственных деятелей и полководцев древности, которым, как он говорил, «стоит подражать». Так он уже тогда стремился перевести в русло шовинизма истинный патриотизм и оправданные чувства национальной гордости своих слушателей.

Даже касаясь в своих беседах и выступлениях истории других стран, Мао Цзэ-дун часто и охотно проводил параллели с фактами из истории китайской феодальной империи, стремясь особенно подчеркнуть роль, которую в ней и в истории вообще играли «великие люди». Он не скрывал своего восхищения Цинь Ши-хуаном, первым императором из династии Цинь, который более двух тысяч лет назад в продолжавшейся 24 года кровавой войне установил свое господство над всем Китаем, пожертвовав миллионами человеческих жизней, построил Великую стену против нападений кочевников и устроил, пожалуй, самое большое сжигание книг с очевидной целью — вычеркнуть из истории следы своих деяний.

Мао восхвалял также Чингисхана, который в эпоху раннего средневековья сколотил мировую империю, простиравшуюся от Желтого моря до Европы.

Но уж и вовсе идолом Мао Цзэ-дуна был Лю Бан — так, кажется, звали этого крестьянского сына, ставшего полководцем и после гибели династии Цинь основавшего династию Ханъ, от которой китайцы до сегодняшнего дня ведут свое наименование. Намекая на то, что при династии Хань Китайская империя достигла наибольших размеров, Мао утверждал: то, что удалось крестьянскому сыну в старые времена, должно тем легче удаться крестьянскому народу в новые времена — в XX веке.

Как Мао Цзэ-дун представлял себе строительство нового «Великого Китая», оставалось тайной. Лишь значительно позднее я прочитал в книге Э. Сноу «Красная звезда над Китаем», что еще в 1936 году, отвечая на вопрос автора, Мао сказал, что «непосредственная задача Китая состоит в том, чтобы не только защитить свой суверенитет по эту сторону стены, но и вернуть все утраченные территории». Там же я прочитал, что Индокитай, то есть весь Вьетнам, Лаос и Камбоджа, а также Монгольская Народная Республика были названы Мао членами будущей «китайской федерации». Как известно, он уже в 1964 году совершенно открыто заявил о своих претензиях на Советский Дальний Восток. Вполне очевидно, что еще в 30-е годы «творческое применение марксизма к китайским условиям» было не более чем маскировкой, за которой скрывался подборник идей мелкобуржуазного национализма, переросших затем в великодержавный шовинизм.

Вполне закономерно, что в процессе борьбы и труда в 40-х и 50-х годах, когда сильное воздействие на умы китайских коммунистов стало оказывать международное коммунистическое движение, когда они ощутили братскую помощь социалистических стран, прежде всего Советского Союза, у многих возникли сомнения в правильности теоретической платформы и практической политики Мао Цзэ-дуна. Чтобы удержаться у кормила власти, он прибег к печально известным «чисткам», выливавшимся в так называемую «культурную революцию», в ходе которой были истреблены или устранены как яньаньские кадры, воспитывавшиеся в свое время Мао Цзэ-дуном, так и кадры старых революционеров, стоявших на позициях марксизма-ленинизма.

---

* Ли Ли-сань — в прошлом один из видных деятелей КПК, в свое время подписавший приказ о назначении Мао Цзэ-дуна политкомиссаром китайской Красной армии. В 20-е — 30-е годы придерживался авантюристической линии на «организацию восстаний» с целью вызвать столкновение и вооруженный конфликт между империалистическими державами (в первую очередь Японией) и Советским Союзом, который перерос бы в мировую войну и способствовал приходу КПК к власти в Китае. Эта позиция фактически разделялась и поддерживалась Мао Цзэ-дуном. Она была разоблачена и осуждена Коминтерном. Ныне пекинская пропаганда представляет Мао Цзэ-дуна как человека, который дал отпор «ликвидировавшим». — Прим. «ЛГ».

* Бюро ЦК КПК Советского района в Цзянси было создано в конце 1930 года во главе с Сян Ином. Его образование помогло ликвидировать кризис, вызванный авантюристическими действиями Мао Цзэ-дуна. — Прим. «ЛГ».

* Чэнь Ду-сю — один из организаторов Компартии Китая, был Генеральным секретарем ЦК КПК. За правооппортунистические взгляды был исключен из КПК в 1929 году и считался на позиции троцкизма. — Прим. «ЛГ».

ОБМАН, ПОМНОЖЕННЫЙ НА ОБМАН

Борис КРЫМОВ

К ВОПРОСУ О БУРЖУАЗНЫХ «СВОБОДАХ»

ОДНА из политических партий Западной Германии недавно во всеуслышание заявила, что полностью поддерживает «свободный демократический правопорядок» в своей стране. Ибо она, эта партия, «со дня своего основания относится к стойким и последовательным приверженцам основополагающих принципов свободной демократической системы и считает своей первейшей обязанностью выступать за соблюдение конкретизированных в Основном законе ФРГ прав человека, и прежде всего — права личности на жизнь и свободное развитие». Парадокс состоит в том, что с провозглашением столь безупречного кредо выступила... НДП, то есть партия неофашистов — последышей Гитлера.

Невероятно? Лишь на первый взгляд.

Поза «защитников прав и свобод» ныне является самой излюбленной позицией тех реакционных сил западного мира, которые вынуждены отступать под могучим воздействием принципов мирного сосуществования и сотрудничества. «Защищаются», естественно, не права национальных или расовых меньшинств, например, негров, индейцев, пуэрториканцев в США, религиозных — в Великобритании... Не право на труд, на образование, на социальное обеспечение, на бесплатную медицинскую помощь и другие права, определяющие основы человеческого бытия. С точки зрения буржуазного миросозерцания, это нечто второстепенное. Нет, не об этих правах идет речь в иных высказываниях подчас довольно высокопоставленных политических деятелей и в передачах крупных и мелких радиостанций. Они радеют о «защите» наших, советских прав и свобод, о «либерализации» нашего, советского, социалистического строя.

Идеологи и пропагандисты западной системы пытаются использовать нашу добрую волю к миру и сотрудничеству для примитивного шантажа. Либо, говорят они, вы перестраиваетесь в соответствии с западными «нормами демократии и права», либо — никакой разрядки, никакого сотрудничества, никакой безопасности. Потому как мы, люди весьма порядочные, придерживающиеся кристально гуманных взглядов, критериев истинной свободы и справедливости, — мы не можем общаться на равных с теми, кто не разделяет тех же взглядов на демократию и правопорядок.

Сущность всех этих насквозь фальшивых пропагандистских построений очень точно определил в своей речи на Всемирном конгрессе миролюбивых сил Л. И. Брежнев: «Говорят о свободе и демократии, о правах человека, а на деле вся эта шумная кампания служит одному: прикрыть попытки вмешательства во внутренние дела социалистических государств, прикрыть империалистические цели своей политики».

Однако, пытаясь использовать процесс разрядки для того, чтобы породить у граждан социалистических стран сомнения в преимуществах социализма, пропагандисты буржуазной модели свободы и демократии (вероятно, сами того не желая) заставляют нас еще раз вглядеться попристальнее, повнимательнее в их модель общественного устройства. А это и в самом деле весьма поучительно.

Мы узнаем, как осуществляются и обеспечиваются в повседневной жизни «неприкосновенные и неотчуждаемые права человека, служащие основой всякого человеческого общества, мира и справедливости в мире» (Основной закон ФРГ). Узнаем, как «обеспечивается свобода личности» американских студентов, в которых стреляла полиция во время демонстраций против войны во Вьетнаме. Среди них были и студенты факультета права, изучавшие поправку 1 к конституции США, предусматривающую «право народа мирно собираться и обращаться к правительству с петициями о прекращении злоупотреблений». Мы найдем бесспорное подтверждение «превосходства западной демократии» и в том, как неукоснительно блюдется в Северной Ирландии, в частности применительно к католикам, подписанный еще в 1701 году «Акт о дальнейшем ограничении короны и лучшем обеспечении прав и вольностей подданного», законодательно подтверждавший «обеспечение установленной веры, прав и вольностей народа»...

В последнее время среди всякого рода «нравучений», нам адресованных, все чаще звучат обвинения в «нарушениях демократического судопроизводства в СССР». Все эти инсинуации, естественно, беспочвенны и не подкреплены никакой достоверной информацией. И тем не менее нас пытаются «воспитывать» на западных эталонах «демократического судопроизводства».

ГАМЛЕТА СЛЕДОВАЛО БЫ АРЕСТОВАТЬ...

Вот статья председателя высшего земельного суда в Брауншвейге (ФРГ) Рудольфа Вассермана. Поучителен уже ее заголовок:

«Кто беден, тому отпускается меньшая порция права». Судья пишет: «Недавно был проведен опрос, насколько равны шансы обвиняемых, предстающих перед судом. 83 процента опрошенных высказались в том смысле, что, как правило, у богатых людей больше шансов выиграть дело в суде. У кого есть деньги, тот в конечном счете и возьмет верх. Человек, стесненный в средствах, вынужден основательно призадуматься: стоит ли ему вязаться в судебный спор с состоятельным противником? Ибо тот, как бы ни были велики судебные издержки, с легкостью может перебрасывать дело из одной инстанции в другую. Состоятельный истец или ответчик может также взять себе в помощь **хорошего адвоката и частных экспертов».**

Словом, как записано в статье 3, пункте 1, Основного закона ФРГ, «все люди равны перед законом»!

Но дело не только в имущественном неравноправии формально равноправных людей. Из статьи брауншвейгского судьи выясняются и некоторые другие существенные нюансы «демократического судопроизводства». Оказывается, адвокатура, состоящая на службе у государства, руководствуется при решении вопроса, брать или не брать на себя защиту человека, представшего перед судом, — «строгими условиями, предусматривающими», в частности, «достаточную для клиента вероятность выиграть дело». Нет у тебя такой «достаточной вероятности» — защиты не ищи. Это положение весьма удобно использовать против любого человека, чьи взгляды не совпадают с идеалами власть предержащих.

Реакционная буржуазная пресса, а также «воспитывающие» нас западные радиостанции уж очень скорбят, что в Уголовном кодексе РСФСР содержатся статьи 70 и 190[1], предусматривающие наказание за антисоветскую агитацию и пропаганду, а также за распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй. Нам говорят: они, дескать, противоречат общепризнанным основам права, ибо предопределяют осуждение людей лишь за «выражение своего мнения». То есть за то, за что в «цивилизованных странах» (читай: в буржуазных государствах) никогда не привлекают ни к какой ответственности, — за инакомыслие.

Отвлекаемся от конкретных примеров «свободы инакомыслия», с которыми мир столкнулся в последние недели, например в Чили, в Греции... Перелистаем своды законов некоторых западных стран, по праву гордящихся своей цивилизацией. Причем оставим в стороне статьи о покушении на безопасность государства, о «подстрекательстве к мятежу» или даже об оскорблении главы государства (хотя на Западе эти статьи толкуются весьма расширительно, и «подогнать» под них то или иное деяние искушенному юристу вовсе не трудно). Довольствуемся, как говорят юристы, ограничительным толкованием.

Великобритания. Глава 2 законов о преступлениях против правительства и общества включает раздел 1053, который именуется «Неуважение» и гласит:

«Подрывная деятельность состоит из:

1. Совершенных деяний, опубликованных или произнесенных слов или рукописей, преследующих цель дискредитировать или вызвать возмущение против суверена, правительства, конституции Соединенного королевства, любой из палат парламента или же судебной системы...

4. Возбуждения недовольства или возмущения среди подданных его величества...

5. Развития чувств злости и враждебности между различными классами этих подданных.

Наказанием за подрывную деятельность является тюремное заключение со штрафом или без такового».

Английские правоведы превозносят свою систему за то, что она ни в малейшей степени не ущемляет прав личности на свободное изъявление своих мыслей, ибо в основе ее лежит, дескать, чрезвычайно широкая норма общего права: дозволено все, что не запрещено законом. Но законом, как видим, запрещено «дискредитировать» правительство, законодательство, деятельность парламента, суд, запрещено «вызывать недовольство» и, упаси боже, призывать к классовой борьбе. Иными словами, в Англии уголовно наказуемо всякое инакомыслие, направленное против государства.

Италия. Статья 269 уголовного кодекса:

«Гражданин, распространяющий или сообщающий вне территории государства ложные, преувеличенные или тенденциозные сведения о внутреннем положении государства, способные ослабить кредит или престиж государства, или вообще развивающий деятельность, приносящую вред национальным интересам, наказывается тюремным заключением на срок не ниже 5 лет».

Дания. Статья 100 уголовного кодекса:

«Лицо, вызывающее своими высказываниями очевидную опасность враждебных действий в отношении датского государства, наказывается тюремным заключением сроком до 6 лет».

ФРГ. Уголовный кодекс гласит:

«§ 86. Лишением свободы на срок до трех лет наказывается тот, кто распространяет, изготовляет для распространения, хранит в запасе или ввозит на территорию ФРГ пропагандистские средства запрещенных партий и объединений, а равно пропагандистские средства зарубежных правительств и организаций, способствующие целям указанных партий и объединений...

§ 90 а. Тот, кто публично, на собрании или путем распространения сочинений, звукозаписей, рисунков или изображений поносит либо выражает явное неуважение к ФРГ или ее конституционному строю.., наказывается лишением свободы сроком до трех лет.

§ 131. Тот, кто вымышленные или искаженные факты, зная, что они вымышлены или искажены, публично отстаивает или распространяет, с тем чтобы оклеветать государственные учреждения или постановления верховных органов, карается денежным штрафом или лишением свободы сроком до 2 лет».

Франция. Действующие до сих пор декреты от 24 июня 1939 года и 6 мая 1930 года, в частности, гласят:

«Запрещается распространение, передача для продажи, выставление для всеобщего обозрения или хранение с целью распространения, передачи для продажи или для вывешивания (выставления) в целях пропаганды брошюр, бюллетеней и листовок, изготовленных за границей или изготовление которых инспирировано за границей, поскольку этим наносится ущерб национальным интересам».

«Обращение, распространение или продажа во Франции газет или изданий, периодических или непериодических, отпечатанных на иностранном языке, могут быть запрещены решением министра внутренних дел».

Санкция — тюремное заключение от 6 дней до 5 лет, высылка на срок до 10 лет, штраф от 1 800 до 36 000 франков.

Итак, мы заглянули в уголовные кодексы некоторых капиталистических государств. Обнаружили в них прямую подсудность «дискредитации установленного порядка». Для чего? Чтобы провести аналогию с нашим законодательством? Нет, мы далеки от претензий на такую «аналогичность». Ибо нет тут никакой аналогии. У нас судят тех, кто так или иначе, словом или делом наносит ущерб государству, представляющему весь народ. В мире капитала — тех, кто пытается «дискредитировать» государство, служащее орудием, средством, системой господства меньшинства над большинством. То есть над народом. Если быть еще точнее, у нас наказывают за действие, направленное против общества. У вас, на Западе, — за действие или высказывание, идущее вразрез с волей господствующего меньшинства. Разница отнюдь не формальная...

Интересно, что сталось бы с Гамлетом, живи он в наше время? Как известно, принц датский не только разделял убеждение в том, что «какая-то в державе датской гниль», но прямо позволил себе оскорбить королевство сакраментальной фразой: «Дания — это тюрьма». Предположим, что Гамлет произнес бы эту фразу в наши дни. Нетрудно обнаружить здесь следующие составы преступлений: «публичное поношение и явное неуважение к конституционному строю», «распространение тенденциозных сведений о внутреннем положении государства, способных ослабить кредит и престиж государства», «высказывание, вызывающее очевидную опасность враждебных действий против датского государства», «попытка поколебать верность граждан государству». Гамлета следовало бы арестовать и осудить — в полном соответствии с законами «свободного мира»!

...ИЛИ ЗАПЕРЕТЬ В СУМАСШЕДШЕМ ДОМЕ!

Наверное, в те еще не очень цивилизованные времена Гамлета непросто было упрятать за решетку. Потому-то дядя-убийца-отчим-король объявил его сумасшедшим. С той, видимо, поры этот метод расправы с людьми, чьи взгляды идут вразрез с точкой зрения правителя или правителей, органически вошел в обиход западной «демократии». И ныне ему уже не удивляются, и практика «медицинского» пресечения инакомыслия редко служит предметом публичного обсуждения и осуждения.

Как выглядит эта практика? Психиатр Роберт Коулс из Гарвардского университета опубликовал в американском журнале «Атлантик» статью, в которой он размышляет о судьбе некоторых борцов за гражданские права и «увлеченных своими идеалами политических активистов».

Автор пишет, что инакомыслящих молодых активистов третируют как людей, утративших способность мыслить рационально. Эту молодежь считают «введенной в заблуждение абсурдными и опасными идеями, подверженной склонности к насилию и в значительной степени антисоциальной... Я узнал, — продолжает он, — что вполне умный и образованный судья отправил одного молодого борца за гражданские права в государственную клинику с рекомендацией взять его под «наблюдение», определить его «психическое состояние», чтобы выявить у него «преступные» и «социопатические» наклонности, а затем, в случае необходимости, подвергнуть лечению».

Р. Коулс пишет далее, что ему удалось встретиться с «пациентом». Тот рассказал:

«— Дело состоит вот в чем. Мы протестуем против того, что многие негры лишены, например, права голоса, что им не велено ходить в те рестораны, куда ходят другие. Эти другие в ответ называют нас умалишенными и отсылают под надзор психиатров, психологов, социологов...

Парень, который допрашивал меня, представился нам врач-психиатр, в функции которого входит «изучение моей психики», а также выяснение личных мотивов моих поступков. Манера, в какой он ставил свои вопросы, была крайне оскорбительной — такого я не слышал даже от самых темных и невменяемых людей. Он все время нападал на меня, заявляя, что я «агрессивно настроен», что у меня «комплексы» и так далее. Он обещал, что поставается не отправить меня в тюрьму, но опасается, что я буду сопротивляться предписанному им лечению в больнице. А это для меня «плохо кончится» и позже я «об этом пожалею».

«Как удобно этому судье и ему подобным, — продолжает автор статьи, — прибегать ради защиты существующего порядка к услугам людей, готовых использовать для этого авторитет медицинской науки. Судье стоит лишь направить человека в соответствующее место — в госпиталь или клинику, — если этот человек решается вести борьбу против статус-кво...

Упомянутый врач психиатрической клиники был не кем иным, как усердным исполнителем воли властей, которым надо было любым способом дискредитировать и обезвредить тех, кто покушался на их авторитет.... И как трудно определить пределы, до которых мы можем дойти в этом направлении».

Нередки случаи, когда человек, ставший жертвой «диагноза», поставленного психиатром в угоду власть имущим, и отправленный в «желтый дом», подвергается такому «лечению», которое, мягко говоря, противоречит всем принципам гуманизма. Об этом, например, рассказала Джессика Митфорд в своей статье «Лечение пытка», опубликованной в американском журнале «Харперс».

Автор пишет, что людей, обвиняемых в совершении тех или иных преступлений, используют как наиболее благодатный материал для испытания на них новых методов воздействия с целью изменить их поведение. Проводятся даже специальные «научные» конференции с докладами вроде: «Человек против человека: промывание мозгов». Техника воздействия на людей, чье поведение не устраивает власти, говорит Джессика Митфорд, разрабатывается в ряде научных институтов США. Для обезвреживания «опасных и революционных» элементов профессор психологии Мичиганского университета д-р Макконелл предлагает «комбинировать лишение чувствительности с применением соответствующих медикаментов, гипнозом и искусными манипуляциями путем чередования наказаний и поощрений, с тем чтобы добиться возможности полного контроля над поведением индивидуума». Он рекомендует целый ряд «профилактических мероприятий», к которым относится, в частности, использование методов химиотерапии и нейрохирургии для выжигания или дробления частиц в мозговых центрах. В этой «медицине» применяют «анектин» — производное от известного яда кураре, — который лишает человека возможности управлять своим телом, «проликсин» — весьма сильный транквилизатор, превращающий человека в сомнамбулу, в робота, и другие препараты.

Но может быть, все это вынуждены испытывать на себе лишь уголовные преступники? Нет. В 1972 году, сообщает Д. Митфорд, десять заключенных тюрьмы Филсон написали жалобу, сообщив, что их долгое время лечили по «системе» д-ра Макконелла только за их политические взгляды.

Вряд ли стоило бы говорить так подробно об этих отвратительных симптомах социального нездоровья капиталистического общества, если бы службы этого общества, специализирующиеся на ведении «психологической войны» против социалистических стран, не пытались внедрить в сознание народов западных стран еще одну подлую фальсификацию, ставшую темой длительной антисоветской кампании. Читатель, естественно, догадался, что речь идет о так называемом «заключении советских инакомыслящих в психиатрические лечебницы». Ни одного авторитетного доказательства того, что это «обвинение» соответствует истине, западной пропаганде отыскать по сей день не удалось. А доказать страсть как хочется. И потому многие объективные свидетельства о подлинном положении дел вызывают чуть ли не площадную ругань и самую низкую клевету.

Такая участь постигла, в частности, известного датского психиатра, профессора Стремгрена, принявшего участие в недавнем Международном симпозиуме по вопросам психиатрической науки, состоявшемся у нас в стране. Вернувшись на родину, профессор Стремгрен заявил, что он не обнаружил никакого подтверждения сообщениям о «содержании неугодных советскому режиму лиц в психиатрических лечебницах». На другой же день в крупнейших датских газетах появились статьи, обвиняющие ученого в политической незрелости, в «симпатиях к тоталитарному режиму» и даже... в профессиональном невежестве.

Но, может быть, то, что не сумел увидеть ученый, распознают всевидящие, всезнающие, сверхпроницательные журналисты? И вот по стопам Стремгрена и других его западных коллег направил своих корреспондентов западногерманский журнал «Штерн». Не уповая на свои медицинские познания, они главное внимание уделили криминалистическому исследованию историй болезни. Проверяли, насколько пожелтели страницы. Не состряпанные ли это задним числом «фальшивки». Нет ли там каких-нибудь признаков подчисток, приписок и «резолюций сверху». И пришли к неутешительному для любителей антисоветских сенсаций выводу: «пожелтевшие листки больничного дела, насколько мы могли судить, перелистав их, производят впечатление подлинности». Характерно, что «Немецкая волна», которая, как правило, с радостью излагает все, что, на ее взгляд, способно дискредитировать советскую действительность, лишь скороговоркой упомянула о репортаже в «Штерне», «забыв» сообщить об этом выводе корреспондентов.

**

На каждом шагу, каждый день в мире капитала подавляются элементарные свободы и права. А пышные декламации о «правах человека» на Западе и об их «неприкосновенности и неотчуждаемости» — это обман, помноженный на обман.

Чтобы он не так уж бросался в глаза, буржуазная пропаганда придумала «отвлекающий маневр» — изобрела миф о «необходимости защитить права личности в СССР». Тем самым хотят поразить сразу две цели. Во-первых, замаскировать антидемократический характер буржуазного устройства общественной жизни. И, во-вторых, попытаться вызвать у масс негативное отношение к социализму, вдолбить в мозг обывателя мысль о невозможности никакого диалога с «этими ужасными коммунистами».

Но никому не дано опровергнуть тот исторический факт, что защитить и осуществить неотчуждаемые и естественные права и свободы человека можно по-настоящему только в условиях социализма. Леонид Ильич Брежнев говорил в этой связи: «Наша революция, победа социализма в нашей стране не только провозгласили, но и реально обеспечили права трудящегося человека любой национальности, права миллионных масс трудящихся — так, как этого не смог сделать капитализм ни в одной стране мира».

— *Мы — свободная страна, каждому из нас предоставлена полная свобода выиграть в избирательной гонке.*

— *У нас все в порядке. На прошлой неделе я обнаружила, что наш сын курит марихуану, вчера на меня напали бандиты, а сегодня мой муж потерял работу.*

ПЕРЕД БИРЖЕЙ ТРУДА

— *А что написано на табличке?*

— *Мест нет.*

— *Диагноза болезни компьютер еще не поставил, но стоимость лечения — 1248,75 марки — уже вычислил.*

Рисунки из зарубежной печати

СВИДЕТЕЛЬСТВУЮТ ОНИ САМИ

ГРЕЦИЯ: ВМЕСТО ПОЛКОВНИКОВ — ГЕНЕРАЛЫ

Американская газета «Нью-Йорк таймс» опубликовала следующую статью:

Греческая армия реагировала на недавние протесты гражданского населения против диктатуры президента Пападопулоса низложением полковника Пападопулоса и недавно назначенного им гражданского премьер-министра Спироса Марказиниса. Однако вместо того, чтобы удовлетворить требования об ускорении возврата к парламентским процедурам, руководители последнего греческого переворота, по-видимому, преисполнены решимости еще более укрепить жесткую военную власть.

В своем коммюнике армия критикует полковника Пападопулоса за то, что он слишком поспешно толкал страну к парламентскому строю. К подобной оценке намерений низложенного правительства большинство греков, несомненно, отнесутся с насмешливым скептицизмом. Из коммюнике явствует, что «авантюра с выборами», обещанными на будущий год, откладывается.

Если новая хунта действительно верит, что положение в стране, которое она охарактеризовала как «анархию, хаос и вандализм», можно ликвидировать путем возврата к жестким антидемократическим репрессиям, это означает, что ее руководители совсем не поняли смысла событий последних недель. То, что началось в виде студенческих протестов, неожиданно вылилось в яростный взрыв антиправительственных настроений, который охватил такие обычно несовместимые элементы греческого общества, как профсоюзные круги, предприниматели, представители свободных профессий и мира искусств. Это означает, что самые разнообразные слои греческого населения, а не кучка «анархистов», как утверждало правительство, требуют расширения, а не уменьшения свободы.

Было отмечено, что новый президент генерал-лейтенант Фадон Гизикис всегда являлся ярым сторонником НАТО, а назначенный на пост премьер-министра Адамантиос Андруцопулос — старый друг Соединенных Штатов, где он 12 лет занимался юридической практикой...

В том же номере «Нью-Йорк таймс» опубликовала справку о Федоне Гизикисе, выдержки из которой мы перепечатываем ниже.

В прошлом месяце Георгиос Пападопулос пытался устранить командующего 1-й греческой армией, самой могущественной частью греческих вооруженных сил. Однако его попытка потерпела фиаско.

А теперь этот командующий — генерал-лейтенант Федон Гизикис стал вторым президентом Греческой республики. В то время как по улицам Афин с грохотом шли танки, а солдаты блокировали дороги Салоник, находящееся под государственным контролем телевидение показало церемонию принесения присяги новым президентом...

Более года генерал Гизикис командовал 1-й армией, в состав которой входит свыше 70 процентов всех греческих вооруженных сил.

Родившись в 1917 году в Арте, городе в Северо-Западной Греции, который является также родным городом бригадного генерала Димитриоса Иоаннидиса, начальника греческой военной полиции, называемого здесь «сильной личностью» нового правительства, Гизикис в 1939 году кончил Кадетский колледж — военное училище в Афинах.

К моменту переворота, произведенного в 1967 году хунтой, возглавлявшейся Пападопулосом, Гизикис в чине полковника командовал небольшим полком 1-й армии, расквартированным в Ларриссе.

За каких-то шесть лет он из полковника сделался бригадным генералом, затем — генерал-майором и наконец генерал-лейтенантом. Из Ларриссы, где он командовал полком, был переведен на должность военного коменданта афинского округа, в обязанность которого входило претворение в жизнь закона о введении в Греции военного положения.

По-видимому, именно в этот момент он стал союзником начальника военной полиции генерала Иоаннидиса. Генерал Гизикис ведал преследованием противников правительства (читай: борцов за элементарные демократические права и свободы, выступавших против произвола военной диктатуры. — **Прим. «ЛГ»**) в особых военных трибуналах. Он часто присутствовал на заседаниях этих трибуналов, внимательно следя за судебным разбирательством.

В 1970 году Гизикис занял пост командира 3-го корпуса, самого могущественного соединения 1-й армии, базирующегося в Салониках, на севере Греции. В августе того же года он и генерал-лейтенант Михаил Мастрантонис, оба претендовали на пост главнокомандующего армией. Генерал Мастрантонис взял верх. В виде утешения генерал Гизикис был назначен на должность командующего 1-й армией.

Теперь в качестве президента Гизикис подписал указ об увольнении генерала Мастрантониса в отставку...

Перископ «ЛГ»

Этот снимок сделан несколько дней назад корреспондентом английского еженедельника «Санди таймс» в Сантьяго. Карабинеры по приказу хунты проводят массовые облавы и обыски в рабочих кварталах

Так полиция штата Калифорния (США) расправляется с бастующими сельскохозяйственными рабочими

Демонстрация западноберлинских трудящихся против ухудшения условий жизни. На плакате — карикатура на домовладельца-ростовщика и надпись: «Хватит взимать квартплату и цены! Требуем повышения заработной платы!»

Сотрудники Института Пастера в Париже протестуют против увольнений научных работников. Эти увольнения вызваны тем обстоятельством, что институт не может существовать на собственные средства и не получает субсидий от государства

Фото из зарубежной печати

Профессор
Я. ЗАСУРСКИЙ

МУТНЫЕ ВОДЫ «СВОБОДНОГО ПОТОКА»

Позитивные сдвиги в международной обстановке, достигнутые в последнее время благодаря последовательному осуществлению советской Программы мира, привели к существенному оздоровлению политического климата на планете. Тем более зловеще выглядят на этом фоне выступления апологетов «холодной войны», активно использующих в своих неблаговидных целях средства массовой информации.

Противники разрядки не случайно заводят теперь разговор о так называемом «свободном потоке информации», рассматривая его чуть ли не как первоочередной, решающий фактор современных международных отношений. Под этим лозунгом, как правило, проводятся всякого рода акции, наносящие ущерб делу взаимопонимания и сотрудничества между народами.

Что же понимают под «свободным потоком информации» поборники этого лозунга, когда появился он в истории международных отношений. Как на Западе его практически воплощают в жизнь?

НЕМНОГО ИСТОРИИ

Проблема нарушения государственных границ, посягательства на суверенитет и вмешательства во внутренние дела других государств с помощью средств массовой информации возникла в 1920-х годах, когда получило развитие радиовещание. Правы Леуэлин Уайт и Роберт Д. Ли, авторы книги «Народы говорят с народами», изданной в 1946 году в Соединенных Штатах, называя Геббельса родоначальником подобного рода диверсионной и подрывной деятельности.

Первой жертвой нацистов стала Австрия. Защищаясь от гитлеровской радиопропаганды, австрийское правительство впервые в истории средств массовой информации было вынуждено ввести глушение нацистских радиопередач из Германии.

Поскольку нацистская пропаганда агрессии представляла все большую угрозу для человечества, в сентябре 1936 года конференция Лиги Наций в Женеве приняла «Международную конвенцию относительно использования радиовещания в интересах мира», которую поддержали делегаты 37 стран. Подписавшие конвенцию государства обязались запретить радиопередачи, «побуждающие население любой территории к актам, несовместимым с внутренним порядком или... безопасностью». Там же говорилось о необходимости добиться во внутреннем вещании исключения передач, содержащих призывы к войне или актам, которые могут привести к ней, а также о недопустимости распространения заведомо неверной информации, которая может повлечь нарушение международного взаимопонимания.

С тех пор прошло почти четыре десятилетия, а конвенция не утратила актуальности, и сегодня о ней следовало бы напомнить тем, кто пытается насаждать нравы «холодной войны» в сфере средств массовой информации.

Нужно сказать, что в ходе второй мировой войны союзники придерживались духа этой международной конвенции и в уже цитированной книге Л. Уайта и Р. Д. Ли не было и речи о «свободном потоке информации». Наоборот, там отмечалось, что «существующие международные законы о пропаганде устанавливают начальную точку, от которой должны начинаться как односторонние, так и двусторонние договоры. Принято как закон, хотя он и нарушался в предвоенных международных радиопередачах, что правительство суверенного государства обязано в мирное время воздерживаться от пропаганды, враждебной по отношению к иностранному государству».

После победы над гитлеровской Германией всем было ясно, что возрождать пиратские нравы в информации невозможно и проблема обмена информацией между народами должна решаться на базе двусторонних и многосторонних соглашений.

Следует подчеркнуть, что авторы названной книги стоят далеко не на прогрессивных позициях и не скрывают намерений пропагандировать идеи американского капитализма. Однако они признают необходимость уважать суверенитет государств при использовании средств массовой информации.

После пресловутой речи Уинстона Черчилля в Фултоне агрессивные круги западных держав выдвигают идею «свободного потока информации». Они пытаются использовать ООН и ЮНЕСКО для прикрытия «психологической войны» против социалистических стран.

Тогда же были созданы радиостанции «Свобода» и «Свободная Европа». Лозунг «свободного потока информации» стал активно пропагандировать и Международный институт печати в Цюрихе, который опубликовал в 1953 году книгу, откровенно оправдывающую идеологические диверсии против стран социализма.

КОМУ ВЫГОДНА «СВОБОДА» ИНФОРМАЦИИ!

Говоря о «свободном потоке информации», естественно, задаешься вопросом: кто направляет этот поток? Во всех странах капитала печать находится в руках крупных монополий, а радиовещание и телевидение являются собственностью крупнейших концернов или буржуазного государства. Во Франции, Англии, ФРГ, США постоянно раздаются протесты демократической общественности, которая требует ограничить право газетных монополий, шпрингеров, томсонов и других магнатов прессы навязывать народам свои взгляды.

Информация, которую распространяют многие западные газетно-журнальные объединения, радиовещание и телевидение, далеко не всегда соответствует действительности, и примеров тому множество. Доверие к средствам массовой информации в странах Западной Европы изрядно подорвано. В Соединенных Штатах Америки газетной информации доверяет меньше 21 процента населения. Опрос в Великобритании показал, что журналисты относятся к числу людей, пользующихся в стране наименьшим доверием. Буржуазные теоретики не скрывают того, что их печать, радио и телевидение служат цели манипулирования общественным мнением. Они всячески оправдывают свою деятельность ссылками на «свободу слова», которая на деле является свободой для капиталистов вести пропаганду в своих интересах.

Буржуазная пресса защищает классовые интересы самым откровенным и бесцеремонным образом. Конечно, когда внутри буржуазии возникают противоречия и разногласия, то они ведут к известного рода конфликтам и в буржуазной прессе. Но в основных вопросах, касающихся общих интересов своего класса, средства массовой информации действуют однозначно: они исправно служат государственно-монополистическому капиталу.

С этой точки зрения особенно показательна позиция английской печати во время недавних выступлений рабочего класса Англии против замораживания заработной платы. Все английские газеты, принадлежащие концернам, независимо от их консервативной, либеральной или лейбористской «партийной» окраски, выступили в поддержку предпринимателей, и только газета английских коммунистов «Морнинг стар» была на стороне рабочих.

Средства массовой информации, находящиеся в руках капиталистических монополий, не скрывают своей враждебности к социализму. Многие из западных газет открыто призывают к свержению законных правительств в социалистических странах, и для такого рода «информации» они и добиваются сейчас «свободы». По сути дела, за «информацией» многих буржуазных газет скрывается самая откровенная дезинформация.

Группа экспертов ЮНЕСКО, собравшихся в 1969 году в Монреале, пришла к совершенно справедливому выводу: «то, что стало известно как «свободный поток информации», в настоящее время на деле часто представляет собой односторонний поток информации, а не подлинный обмен».

Действительно, на практике этот «поток» оборачивается разного рода информационными и идеологическими диверсиями против социалистических и развивающихся стран. Он наносит большой ущерб и народам капиталистических государств Запада, поскольку препятствует их ознакомлению с правдивой информацией о жизни других народов мира.

Проведенное финскими специалистами исследование показало, что в европейских социалистических странах печатается и передается по радио и телевидению гораздо больше информации о жизни стран Запада, чем на Западе — о жизни в странах социализма. Ратуя за «свободный поток информации» и выступая против двусторонних и многосторонних соглашений как базы для развития обмена информацией, сторонники «холодной войны» демонстрируют свое нежелание развивать подлинный обмен правдивой информацией между народами.

ЭЛЕКТРОННЫЙ ИМПЕРИАЛИЗМ

«Свободный поток информации» означает, по замыслу его теоретиков, беспрепятственный ввоз через границы любых государств продукции информационных концернов. Этот термин, по существу, является лишь благозвучным обозначением того явления, которое уже получило название информационного, коммуникационного или электронного империализма, то есть навязывания народам других стран чуждой им идеологии, взглядов, привычек, обычаев и культуры.

В современных условиях средства массовой информации обладают огромной силой. «Дипломатия канонерок сдана теперь на выставки антиквариата, но дипломатия средств массовой информации в настоящее время является процветающим бизнесом», — отмечает американский исследователь профессор Герберт Шиллер. Приведя множество примеров того, как западные державы использовали средства массовой информации в империалистических целях, Г. Шиллер справедливо подчеркивает, что воздействие буржуазных средств массовой информации является чрезвычайно вредоносным для развивающихся стран. «Ошибки и неудачи в сельском хозяйстве и промышленности, — говорит он, — в тот или иной момент могут быть катастрофическими, но их можно исправить. Культурные же шаблоны, когда их навяжут, бесконечно цепки». Электронный империализм разрушает национальные культуры и наносит им непоправимый ущерб.

Информационно-пропагандистские монополии США дают наглядное представление о размахе подрывной деятельности электронного империализма. Известно, что Пентагону в различных странах мира принадлежит обширная радиотелевизионная сеть с 38 телевизионными и 200 радиовещательными станциями. ЮСИА — Информационное агентство США располагает 43 мощными радиопередатчиками на территории США и 59 радиопередатчиками на территории других государств. Помимо этого, ЮСИА распространяет специальные телевизионные выпуски в 97 странах. Американские телевизионные монополии Си-би-эс, Эн-би-си и Эй-би-си распространяют свою продукцию примерно в ста странах Латинской Америки, Африки, Азии и Европы.

Потепление международной атмосферы угрожает прибылям не только торговцев оружием, но и хозяев информационного бизнеса. Они напуганы и лицемерно кричат, что под угрозой свобода. Но под угрозой находится лишь свобода лгать и разжигать ненависть между народами.

Совсем недавно произошли события, которые убедительно показали, какую опасность для народов представляет деятельность информационных монополий, прикрываемая лозунгом свободы печати и информации. Я имею в виду трагедию Чили. «Свободный поток информации» расчистил путь к свержению законного правительства и установлению кровавой диктатуры фашистской хунты.

В свое время подобную же тактику реакция пыталась применить против Чехословакии. В 1968 году контрреволюция в Чехословакии была остановлена. В Чили же внутренняя реакция, поддержанная средствами массовой информации и империалистическими монополиями, установила тот «порядок», за который в течение трех лет ратовала буржуазная пропаганда Запада.

Характерно, что в газете «Нью-Йорк таймс» на следующий день после военного путча некий Израэль Шенкер поспешил объявить фашистский переворот в Чили «революцией среднего класса». Лицемерно ратуя за свободу личности, за свободу информации, многие буржуазные органы печати, по существу, оправдывают фашистский режим.

За последнее время лозунг «свободного потока информации» окончательно дискредитировал себя в глазах международной общественности. Авторитетные международные организации вынуждены признать его лживость и опасность. Я имею в виду прежде всего постановление XXIV сессии Генеральной Ассамблеи ООН, призывающее исключить использование спутников связи, телевизионных передач для распространения идей войны и ненависти, расизма и колониализма. Аналогичную резолюцию приняла и XVII сессия Генеральной конференции ЮНЕСКО. Второй пункт одобренной ею декларации гласит: «При вещании через спутники должны уважаться суверенитет и равенство между государствами».

***

На Всемирном конгрессе миролюбивых сил много внимания было уделено проблемам массовой информации. Подчеркивая, что долгое время наслоения «холодной войны» серьезно тормозили обмен подлинными ценностями культуры, делегаты конгресса призвали деятелей культуры активно способствовать использованию средств массовой информации на благо народов. На конгрессе было единодушно осуждено злоупотребление средствами массовой информации, которые, находясь в руках монополий, используются для распространения идей жестокости, бесчеловечности, агрессии и недоверия между народами.

Для того чтобы развивать плодотворное международное сотрудничество, обмен культурными ценностями и информацией, подчеркивали делегаты конгресса, необходимо прежде всего исходить из принципов суверенитета государств, невмешательства во внутренние дела, уважения исторических традиций и законов каждой страны.

Только отвергнув использование средств массовой информации в целях идеологических диверсий, можно развивать и дальше процесс разрядки международной напряженности.

ОБЩЕСТВО ПОТРЕБЛЕНИЯ — 73

ТРАГИЧЕСКИЙ «РЕКОРД»

Вена — это европейская столица, известная своими великолепными архитектурными памятниками, театрами, музеями.

Вена — это город музыки, кипучей культурной жизни, город уютных кафе с их неизменными традициями.

Новое и старое сочетается здесь на каждом шагу: знаменитые соборы, потемневшие от времени, и огромные, заманчиво оформленные витрины сверхсовременных магазинов. Сверкающие никелем «мерседесы» и рядом... фиакры, как в далекие времена Штрауса.

На первый взгляд может показаться, что жизнь австрийцев весела и безоблачна. Но так ли это?

Передо мной большая статья, опубликованная венским журналом «Профиль». Она называется «Самоубийства в Австрии». Жуткие фотоснимки — люди, «добровольно» ушедшие из жизни, диаграммы, высказывания психиатров и социологов, занимающихся этой проблемой. Но больше всего поражает, конечно, сам ФАКТ — Австрия побила трагический рекорд: она занимает первое место на Западе по числу самоубийств!

Согласно данным исследований, проводившихся в течение ряда лет австрийскими учеными Качнигом и Штайнертом, из 100 тысяч венцев примерно 65 человек каждый год кончают жизнь самоубийством.

В этом году в стране создается «Институт по предотвращению самоубийств», который возглавит профессор Венского университета Эрвин Рингель. Из государственного бюджета для этой цели выделяется 6 миллионов шиллингов.

Социологи и психиатры уже давно занимаются изучением этого «австрийского феномена». Их в первую очередь интересует вопрос: какова причина того, что австрийцы так «легко» расстаются с жизнью?

Журнал «Профиль» приводит множество высказываний именитых психиатров, пытающихся объяснить это печальное явление, а также гипотезы и теории, появившиеся в последние годы. Некоторые ученые утверждают, например, что на психику австрийцев роковым образом влияют магнитные бури, происходящие в ионосфере, ветер фён, дующий с Альп в весенние месяцы, периоды полнолуния. Но можно ли принимать подобные «доводы» всерьез?

В 1968 году группа психологов провела в Вене исследования с целью изучения причин самоубийств. Ученые опрашивали людей, оставшихся в живых после попытки покончить с собой, беседовали с их близкими и знакомыми. Выяснилось, что венцы «больше всего страдают от одиночества и мертвящего безразличия окружающих».

«Профиль» справедливо констатирует, что «самоубийцами не рождаются» — ими «становятся».

— «Добровольно» из жизни не уходит никто,— заявляет профессор Рингель изучающий проблему самоубийств в Австрии уже четверть века и являющийся инициатором создания международного «Общества по профилактике самоубийств», — 85 процентов спасенных людей рады, что они остались в живых.

В ходе длительного изучения мотивов, толкнувших людей на отчаянный поступок, этот известный австрийский психиатр и его коллеги пришли к выводу: больше всего самоубийств наблюдается в условиях социальной системы, для которой характерен «недостаток чуткости к запросам индивидуума».

Журнал указывает, например, что свыше тридцати процентов всех самоубийц в Австрии составляют люди, которым за 60 лет. Как правило, это пенсионеры, в первую очередь страдающие от непрерывного роста цен в стране. Но, помимо материальных невзгод, особую остроту приобрела проблема одиночества в старости. Подавляющее большинство молодых австрийцев, пишет газете «Арбайтерцайтунг», не поддерживает почти никаких контактов с престарелыми родителями. Старики обречены на одиночество: нередки случаи, когда в квартирах обнаруживают людей, умерших несколько недель назад.

Однако высокий процент в скорбной статистике приходится и на долю молодежи: в 1971 году 28,5 процента самоубийц составляли молодые люди.

Итак, причины трагического феномена ясны, и буржуазный журнал «Профиль» их признает. Все дело в социальной системе. «Современное общество не может предложить человеку ничего теплого, кроме электронагревательных приборов»,— с горькой иронией пишет журнал. Еще более убедительно звучит резюме одного молодого венского психиатра: «Лечить надо не самоубийц, а то социальное устройство, которое толкает людей на этот трагический поступок».

Александр УРБАН,
корреспондент ТАСС
— специально для
«Литературной газеты»
ВЕНА

КРЫСЫ В ПОСТЕЛЯХ

Лимузины «ролле-ройс» перед королевской оперой, светское общество на лисьей охоте и на скачках, солидные господа в лондонском Сити, с зонтиками, в котелках, читающие «Таймс», — такими представляются англичане континентальному европейцу.

Однако эта красивая, уютная и зажиточная Англия на самом деле существует только в представлении туристов. То, что в прошлом столетии английский премьер-министр Бенджамин Дизрэли описал в своем романе «Сибилла», сохраняется и поныне на острове живут две нации — богатые и бедные.

Одна обитает в белых особняках роскошных лондонских кварталов Кенсингтон и Челси, проводит отпуск в Коста-Брава или по меньшей мере на Ирландском море.

Для других же сохраняет актуальность то, что Чарльз Диккенс в «Оливере Твисте», Маркс в «Капитале» и Энгельс в своей работе «Положение рабочего класса в Англии» писали о рабочих, зараженных холерой и вшами, о бедности и эксплуатации, то, что Бернард Шоу назвал вершиной зла, тягчайшим преступлением.

Эта нация живет в местечках, названия которых вряд ли знакомы жителям континента: Гранби, Мосс-Сайд, Сплотт, Уинсон-Грин, кварталы нищеты в Ливерпуле, Манчестере, Кардиффе и Бирмингеме, не уступающие американским гетто. Во всей Западной Европе, как пишет «Таймс», не сыскать ничего, подобного бедняцким кварталам Глазго. Тысячи бездомных людей в лондонском Ист-Энде постоянно кормит «Армия спасения». 578 тысяч англичан не имеют работы; валовой общественный продукт Англии почти не увеличился за последние десятилетия; гражданская война в Северной Ирландии стоит миллиарды. Станут ли англичане новыми сицилийцами Европейского сообщества?

Официально бедных англичан не существует, попрошайничество запрещено законом с 1824 года. Однако в Бирмингеме корреспондент лондонской газеты «Санди пипл» увидел нищету, «которую трудно себе представить»: у тринадцати тысяч школьников обнаружены вши. Допотопные газовые фонари в Ливерпуле окутывают бедные жилища сумеречным светом. Дети не ходят в школу, потому что у них нет обуви. Перед коптильней в Ньюкасле пенсионеры стоят в очереди за костями, которые продаются там по дешевке. В последний раз такое видели «в тридцатых годах», жаловался в палате общин депутат от лейбористской партии Эдвард Шорт.

— Я не могу купить одежду для детей. Мы не позволяем себе есть мясо, — говорила репортеру «Шпигеля» одна женщина в Ливерпуле.

В Англии многие из семи с половиной миллионов пенсионеров живут в голоде и в холоде. «Они на грани смерти от истощения», — говорил лейбористский деятель Гэвин Стрэнг.

Инфляция, приведшая к тому, что с 1970 года цены на продукты питания повысились более чем на 35 процентов, съедает государственные социальные надбавки, которые растут очень медленно. Положение рабочих и всех нуждающихся ухудшается.

Престарелый англичанин получает пенсию в размере 6,75 фунта в неделю, супружеская пара пенсионеров должна жить на 10, 90 фунта — сумма, не намного превышающая стоимость хорошего билета в Лондонской опере.

«Мой дом — моя крепость» — всегда было священным правилом англичан. Но по данным, которыми располагают социальные организации, 50 тысяч англичан не имеют жилья. Каждый вечер «Армия спасения» предоставляет ночлег 8 тысячам англичан.

Эти бездомные оседают в трущобах, которые быстро разрастаются почти во всех больших городах Соединенного королевства. Дома там были построены еще в середине или в конце прошлого века, там нет отопления и никаких санитарных удобств. Полчище собак роются в мусорных кучах, банды подростков бьют стекла в окнах, опустошают мелочные лавки.

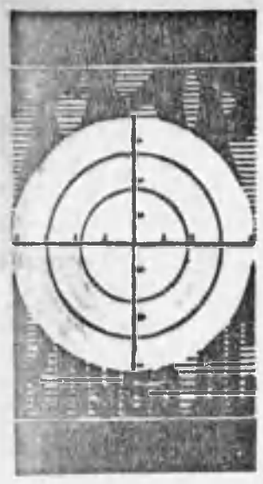
Эти трущобы получают обильное пополнение за счет миллиона с лишним цветных граждан Англии, приехавших из бывших колоний. По словам лидера оппозиции Гарольда Вильсона, эта группа населения живет «в постыдной нищете».

По официальным данным, в 1971 году из 17,1 миллиона жилищ в Англии и Уэльсе 1,2 миллиона были фактически непригодны для жилья. Кроме того, 2,3 миллиона жилищ были отнесены к разряду «ниже стандарта». Пристанища бедноты в Северной Ирландии и Шотландии даже не включены в эти статистические данные. «Шестеро детей в одной комнате». «В постелях найдены крысы и насекомые». «На кухне — улитки». Подобные сообщения очень часто встречаются в документах благотворительной организации «Шелтер», выступающей в защиту бездомных и обитателей трущоб.

Полдюжины частных организаций, таких, как «Шелтер», «Группа действий в защиту детей бедноты», пытаются оказывать посильную помощь: по ночам под железнодорожным мостом недалеко от станции Черинг-Кросс в Лондоне добровольцы раздают бездомным какао, католические монахини кормят бедняков супом и сэндвичами.

К 1985 году Англия может опуститься до состояния одной из самых бедных стран в Европе, предостерегал в сентябре 62-летний лорд Ротшильд, руководитель Комитета контроля и наблюдения за политикой — «мозгового треста» при английском премьер-министре Эдварде Хите.

Из западногерманского журнала «Шпигель»



Ю. МАКАРОВ

ДЕНЬ РАБОТАЕМ, ДВА РАБОТАЕМ...

Мы в бригаде решили работать лучше всех. Взяли такое обязательство, начали работать. День работаем, два работаем...

Приходит начальник цеха и говорит:

— Молодцы, ребята, лучше всех работаете. Такой бригады у нас в цехе нет.

Ну, мы давай дальше работать. День работаем, два работаем...

Приходит директор завода и говорит:

— Молодцы, ребята, лучше всех работаете. Такой бригады у нас на всем заводе не сыщешь.

А мы себе дальше работаем. День работаем, два работаем...

Приходит корреспондент из газеты и говорит:

— Молодцы, — говорит, — хлопцы, лучше всех работаете. Я сегодня на трех заводах был — нигде так не работают.

Работаем дальше. День работаем, два работаем..

Никого. Три дня работаем, и опять никого! Опустел завод. Не то что корреспондент, начальник цеха — и тот мимо пробегает.

Подходим мы к нему в перерыве.

— Что, — спрашиваем, — плохо работаем?

— Что вы, — говорит он, — в том-то и дело, что хорошо работаете. Таких, как вы, во всем мире не найдешь. Плохо только, что завод наш ликвидируется...

— Это почему? — спрашиваем.

— А зачем он нужен, — говорит наш бывший начальник цеха, — если вы одной бригадой весь заводской план выполняете!..

Тут перерыв кончился, и мы работать пошли. День работаем, два работаем.. А сами думаем: жалко все-таки завод. Хоть и небольшой был, а все же... Одних инженерно - технических работников человек двадцать...

ФРАЗЫ

● *— С подопечными у меня полная коммуникабельность, — говорил пастух, щелкая бичом.*

Э. ДИВИЛЬКОВСКИЙ

● *Только выбился в люди, как пришлось уходить на пенсию.*

● *В нем не было ни капли юмора, даже иностранного.*

Александр РАТНЕР
ЛЕНИНГРАД

Н. ИСАЕВ

СЛУЧАЙ С ЭКСКАВАТОРОМ

Семен-голова сразу сообразил:

— Давай, Егорий, пропьем у твоего ходячего экскаватора совкообразный ковш на двадцать пять кубиков!

Егор отвечает:

— Интеллигентный ты человек, Сема, а того никак в толк не возьмешь, что я этим ковшом разную породу беру и через это котлован углубляю.

Семен-голова сразу смекнул, что к чему:

— Давай, Егорий, ковш мы пропивать ни за что не станем, а пропьем лучше за обоюдное здоровье опорные лыжи.

Егор отвечает:

— Шутейный ты человек, Сема, как же я могу такой ингредиент пропивать?! Он же враз шагать перестанет.

Семен — прямой человек, сразу, без обиняков объяснил:

— Сволочь ты, Егорий, как посмотрю. Знать тебя не желаю!

Егор махнул рукой:

— Ладно, леший с тобой, пропьем вспомогательные цилиндры, и больше — ни-ни. Основными управлюсь.

Семен-голова сразу огурец достал. Пропили вспомогательные цилиндры.

Семен мечтает:

— Добавить надо!

Егор соглашается:

— Надо, а нечем.

Семен удивляется:

— А основные цилиндры на что, спрашивается?

Егор говорит:

— А на что?

Семен объясняет:

— А на то и основные, что после вспомогательных хорошо идут...

Егор:

— Ну?!

Семен:

— Вот-те и ну! А ты как думал? У них все до тонкостей рассчитано.

Пропили основные цилиндры.

Егор кликнул Семена:

— Ты вот что, парень, слезь в погреб, найди нижнюю раму и тащи сюда. И чтоб одна нога здесь, другая там...

Пропили нижнюю раму.

Семен просит:

— Скажи мне, Егорий, сделай милость, за что я тебя так безгранично уважаю!

— А за душевность, Сема, за нее. Я, вишь, душу твою угадал, вот что сделал.

— Егорий, я ведь, когда раму наверх вызволял, какие ни не есть катки заприметил...

— Катки!

— Слово — катки! Под платформой. Она, видать, на них вращение делает.

— Вращение!

— Ага, Сема. А я так думаю, что ж мы, без них сами вращение не сообразим? Нешто мы не мужики!

— Точно! Давай, парень, дуй за катками.

Пропили катки с платформой.

Семен дышит:

— Я вот, Егорий, никак прикинуть не могу, если, к примеру, все, что мы выпили, в твой совкообразный ковш вылить, войдет это туда! Или, может, еще останется!..

— Так, смекай. За вспомогательные цилиндры — пол-литровка. За основные — две, за нижнюю раму... Нет, парень, вряд ли останется, еще есть место. Пошарь-ка по экскаватору, может, чего по сусекам сыщешь...

ФОТО-АТЕ-ЛЬЕ

Что бы это значило?

Фото В. РЕЗНИКА (ЛЬВОВ)

Н. ЛАБКОВСКИЙ

ТЫСЯЧУ ИЗВИНЕНИЙ

Сколько раз я читал разные истории о телефонных путаницах, но никогда не представлял себе, что стану участником одной из них.

Как-то, месяцев шесть назад, у меня дома зазвонил телефон. Это было довольно ординарное явление, в нормальный будничный день телефон на моем столе звонит с интервалами в одну-две минуты. Я поглядел на него враждебно, твердо решив не поддаваться. Однако в его ровном, неназойливом звоне было что-то такое вкрадчивое, просительное, что я не выдержал и поднял трубку.

В трубке послышался мужской голос, приторный, как чай с сорбитом:

— Тысячу раз прошу извинить меня за беспокойство, но если это не составит для вас труда, я был бы весьма вам обязан, если бы вы были настолько любезны и не отказались пригласить к телефону Павла Николаевича.

— Какого Павла Николаевича? — спросил я.

— Павла Николаевича Василькова. И если это вас не затруднит, будьте так любезны, скажите ему, что его беспокоит Корзинкин.

— Вы, видимо, не туда попали. Никакого Василькова здесь нет.

— Тысячу извинений! — защебетал в трубке мой собеседник. — Это моя вина! В записной книжке нечетко записан номер, непонятна последняя цифра. Не то «3», не то «8». Я набрал «8», а, видимо, это «3». Миллион извинений...

Телефон звякнул так подобострастно, что я невольно приподнялся в кресле и пробормотал:

— Ничего, ничего, с кем не случается.

Вскоре я забыл о звонке.

Прошло недель пять или шесть, и однажды утром телефон на моем столе опять зазвонил просительно, правда, на этот раз не так подобострастно.

Знакомый мужской голос сказал:

— Здравствуйте! Вас беспокоит Корзинкин. Не будете ли вы так любезны попросить к телефону Павла Николаевича Василькова?

— Василькова здесь нет, — сказал я.

— Уже уехал в управление! — горестно отозвалось в трубке. — А я только собирался к нему. Не будете ли вы так любезны передать ему...

— Не буду... — перебил я. — Ничего я не смогу передать Василькову, потому что его здесь нет, не было и не будет. Вы не туда попали. Это частная квартира.

— О! Простите! — заурчала трубка. — Это все моя записная книжка! Тут нечетко записана последняя цифра. То ли «3», то ли «8»...

— Три! Три! — крикнул я и положил трубку на рычаг.

Больше он не звонил. Видимо, исправил неточность в записной книжке.

Но вот месяца два назад телефон на моем столе зазвонил как-то по-особенному. И было в этом звонке что-то ужасно знакомое. Нет, от подобострастия в нем не осталось и следа, но ощущалась все та же сахаринная сладость.

Я быстро схватил трубку.

— Павел Николаевич? — спросил грудной мужской голос.— Говорит Корзинкин.

— Здравствуйте, товарищ Корзинкин, — обрадовался я. — Давно не звонили.

— Дела! Дела! — проворчал мой старый знакомый. — На все времени не хватает... Павел Николаевич, не будете ли вы так любезны заехать ко мне между двумя и тремя часами, только без опоздания...

Эге! Этот Корзинкин явно шел вверх по служебной лестнице...

— Не буду так любезен! — сказал я. — Вы опять не туда попали. А я-то думал, что вы уже исправили в записной книжке цифру «8» на «3».

— Алла Петровна! — послышался в трубке сердитый начальственный окрик. — Я же вам ясно сказал, что телефон Василькова кончается не на «8», а на «3». А вы меня соединяете черт знает с кем...

Телефон сердито звякнул, и я понял, что потерял Корзинкина навсегда...

Но не тут-то было...

Вчера телефон на моем столе зазвонил строго и повелительно. Я с надеждой схватил трубку.

— Василько! — гневно зарычал знакомый голос. — Говорит Корзинкин. Что у тебя в отделе происходит?! Где твоя отчетность за третий квартал?! Или ты соскучился по выговорам, черт побери?!

— Товарищ Корзинкин, — нежно сказал я, — прошу меня извинить, но вы не туда попали. И если это не составит для вас труда, я был бы очень вам благодарен, если бы вы были настолько любезны и велели вашей секретарше исправить цифру «8» на «3».

— Алла Петровна! — во всю силу мембраны заорала телефонная трубка.— Сколько раз вам надо говорить одно и то же!

Видимо, Корзинкин достиг апогея. И надо думать, что я больше никогда не услышу его...

Хотя, впрочем, поживем — увидим. Может быть, через год-другой на моем столе раздастся звонок телефона и знакомый голос скажет:

— Тысячу раз прошу извинить меня! Вас беспокоит Корзинкин... Если это не составит для вас труда, я был бы вам очень обязан...

ЧУ-ДА-КИ

Любопытство — не порок В. ДУБОВ

В. БОГОРАД и Л. ПЕСОК (ЛЕНИНГРАД)

СТЕНГАЗЕТА КЛУБА РОГА И КОПЫТА

● **ДЕМОГРАФИЯ**

Как много девушек хороших!

● **ПЕДАГОГИКА**

С большим успехом выступил в районном Доме учителя хор завучей и директоров местных школ. С особым чувством самодеятельные певцы исполнили старинную песню «Была бы только тройка!..».

● **О ПОЛЬЗЕ КЕФИРА**

Если выпить 25 бутылок кефира, то на сданную посуду можно приобрести пол-литра водки и плавленный сырок на закуску.

● **В МИРЕ ПСЕВДОНИМОВ**

Узнав, что А. И. Куприн в молодости подписывал свои рассказы псевдонимом Н. Егоров, Никифор Егоров из Нижних Баклуш решил печататься под псевдонимом А. И. Куприн.

● **ОБЪЯВЛЕНИЕ**

Точим лясы!

● **СЮРПРИЗ**

К юбилею Крылова работники столовой № 17 приготовили интересный сюрприз — знаменитую «демьянову уху». Но и это оказалось басней.

КЛУБ 12 СТУЛЬЕВ

ЧУ-ДА-КИ

Битая ничья Л. ИГНОВАТОВ (ДОНЕЦК)

Ю. МАКАРЕНКО

ПАНЕГИРИК «КЛУБА ДС»

ЗДРАВИЯ ЖЕЛАЕМ!

Администрация не может скрыть удовольствия, с которым она обращается нынче к одному из завсегдатаев «Клуба 12 стульев», автору множества иронических стихотворений и пародий, не раз попадавших на 16-ю полосу,— Владимиру Александровичу Лифшицу. «Родился в 1913 году, — справедливо указывал он о себе в одном месте. — По сравнению с 1913 годом значительно вырос». Да, это так. И теперь Владимиру Александровичу — шестьдесят лет. А вот юбилей.

Юбилеющий — всегда желанный гость в «Клубе ДС». Он не просто заходит покурить, поглядеть на Евг. Сазонова. Сам Евг. признает, что оказал собой на Лифшица известное влияние. Нет, втет сатирик-труженик, заходя, обязательно приносит что-нибудь новенькое, только что сочиненное, радующее администрацию. Что греха таить, его стихи всегда хорошо написаны, тонки, а то и просто смешны.

Администрация поздравляет своего посетителя с юбилеем и желает ему, чтобы он был как можно более здоров, весел и творчески!

Джанни РОДАРИ

ПЕРЕВОДЫ ДЕБЕЮТ!

ЛУЧШЕ ЖИТЬ С КОШКАМИ

*СКАЗКА ДЛЯ ВЗРОСЛЫХ **

В конце концов однажды утром он ушел из дома, сказав, что идет играть в лото, и сам отправился на площадь Арджентино. Здесь, на развалинах древнего Рима, ютились кошки. Он спустился по ступенькам, перелез через железный барьер, отделяющий кошачье царство от несущихся по шоссе автомобилей, и превратился в кота. Потом он стал облизывать лапки, чтобы убедиться, что не тащит за собой в эту новую жизнь пыль человечьих башмаков.

В это время мимо него проходила немного облезлая кошка. Она замедлила шаг, посмотрела на него. Посмотрела еще раз пристальней и наконец сказала:

— Простите, вы случайно не синьор Антонио? Знаете, а я — та самая учительница на пенсии, которая жила напротив вашего дома. Вы, наверное, меня видели или, может быть, мою сестру.

— Ну конечно, я знаю вас обеих. Вы всегда ссорились из-за канареек.

— Правильно. Мне так надоели ссоры, что я решила уйти и поселиться здесь, с кошками.

Синьор Антонио очень удивился. Он был уверен, что только ему одному могла прийти в голову такая блестящая идея. А теперь он понял, что только половина кошек, населяющих площадь Арджентино,— кошки — кошки, у которых и мать кошка, и отец кот. Все же остальные — люди, ушедшие на пенсию и только после этого ставшие кошками.

Послушать синьора Антонио собралось много кошек. У них никогда не было начальника станции, и всем хотелось узнать побольше, что происходит на поездах, почему в туалетах второго класса никогда не хватает мыла и т. д.

Когда пришло время и на небе стали хорошо видны звезды, кошка-учительница начала лекцию по астрономии.

— Итак, — сказала она, — посмотрите сюда. Это созвездие называется Большая Медведица. Повернитесь, как я, вокруг себя и посмотрите точно вправо от башни. Эта кошка с рогами — Козерог. Еще вон там Рыбы, Рак, Скорпион.

— Да здесь целый зоопарк! — сказал кот-дворник.

— А вто созвездие Пса...

— Довольно! — раздались возмущенные голоса. — Хотелось бы знать, а есть ли на небе созвездие Кошки?

— Нет, — ответила учительница.

— Значит, они называют звезды свиньями, собаками, всяким сбродом, а нам — ничего! Хорошенькое дело!

Раздалось мяуканье протеста. Собравшиеся решили организовать демонстрацию. Особые послания были разосланы кошкам Рима, кошкам района Фори, мясных и рыбных лавок, кошкам, выстроившимся в ряд под окнами больничных палат в ожидании, когда больные начнут выбрасывать в окна свой обед, убедившись, что он несъедобен. Встреча была назначена у Колизея.

На следующее утро Колизей был оккупирован кошками. Появился плакат с надписью: «Колизей в наших руках! Требуем созвездие Кошки!».

Туристы, путешественники и прохожие, забывшие, что надо проходить, с энтузиазмом аплодировали. Праздник удался на славу.

В ожидании дальнейших событий римские кошки стали возвращаться в свои обиталища. Синьор Антонио и кошка-учительница направились на площадь Арджентино, строя планы на будущее.

— Как было бы хорошо, — воскликнула кошка-учительница, — если бы купол святого Петра был украшен кошками с задранными вверх хвостами!

Синьор Антонио только собрался сказать: «Великолепно!» — как вдруг услышал:

— Дедушка, дедушка!

Кто вто? Не может быть! Да ведь вто Даниэла. Она вышла из школы и узнала его. Но синьор Антонио уже привык быть кошкой и делает вид, что не замечает ее.

— Дедушка, какой ты плохой, что ушел из дома. Я уже два дня тебя ищу.

— Какая красивая девочка, — говорит кошка-учительница. — В каком она классе? У нее хороший почерк? А ногти всегда чистые? Уверена, она не имеет ничего общего с теми, которые пишут всякие глупости на дверях туалета.

— Да, она замечательная,— говорит несколько обеспокоенный синьор Антонио. — Я немного ее провожу. А то, боюсь, она будет переходить улицу на красный свет.

— А, понятно, — сказала кошка-учительница. — Ну что ж, тогда я пойду проведать свою сестру. Наверное, у нее опять обострение артрита и она не может сама надеть туфли.

— Давай, дедушка, скорее! — командует Даниэла.

Вернувшись домой, кот синьор Антонио прыгнул на свое любимое кресло и задвигал ушами в знак приветствия.

— Видите, — радостно закричала Даниэла, — дедушка тоже мог двигать ушами.

— Ну хорошо, — сказали несколько сконфуженные родители. — А теперь — на стол.

Лучшие куски достались дедушке-коту. Ему и вырезка, и сладкое молочко, и бисквиты, и забота, и ласка. Они хотели послушать, как он мурлыкает, они просили его дать лапку, они чесали ему за ухом, подкладывали подушечку помягче, принесли опилки и сделали для него туалет.

После обеда дедушка пошел на балкон. На балконе дома напротив стояла кошка-учительница и следила глазами за канарейками.

— Как дела? — спросил он.

— Лучше не бывает, — ответила она. — Моя сестра обращается со мной, как с супругой папы римского.

— Но вы сказали, кто вы?

— Я не так глупа. Если она узнает, что вто я, она пошлет меня в сумасшедший дом. А так она мне дала одеяло нашей бедной мамы, на которое мне раньше и смотреть не позволяла.

— А я не знаю, что делать. Даниэле хочется, чтобы я вернулся и стал дедушкой. Все ко мне так добры.

— Не будьте ослом! Это все равно, что найти клад и выбросить его.

— Не знаю, — повторил он. — Так бы хотелось сейчас выкурить половину тосканской сигары...

В конце концов синьор Антонио пошел на площадь Арджентино, перелез через тот же самый железный барьер в обратном направлении, и вместо кота появился пожилой человек, зажигающий сигару.

Когда он вернулся домой, сердце его часто билось. Увидев его, Даниэла подскочила от радости. А на балконе дома напротив кошка-учительница открыла один глаз в знак приветствия и пробормотала:

— Вот глупый!..

Перевела с итальянского
Е. БЕХТЕРЕВА

* Публикуется с сокращениями.

СПОРТИВНЫЕ СТРАСТИ «КЛУБА ДС»

Олег ЛЕВИЦКИЙ,
Георгий ТЕРИКОВ

ШАПКА

Когда я садился в автобус, с меня кто-то сорвал шапку. Мою кроличью шапку, которая верой и правдой служила мне вот ужа столько лет!

Я быстро обернулся и увидел какого-то типа в кедах, который не спеша пятился к высокому забору.

— Отдай головной убор, бэндит! — крикнул я.

Бандит вызывающе побежал. Я — за ним. Бандит прибавил шагу. Я — тоже. Бандит стал карабкаться на забор. Я взял забор с ходу!

— Тс-с... — вдруг зашипел грабитель, не слезая с забора, и протянул мне секундомер, — двадцать одна секунда ровно! Вы пробежали двести метров за двадцать одну секунду! Здесь ровно двести метров — я замерял!

— Ну и что из этого? — сказал я с чувством. — Отдай шапку, гад!

— Пожалуйста... — грабитель протянул мне моего кролика. — Я, кажется, забыл представиться: тренер по легкой атлетике общества «Трудовые резервы» Антон Палтусов! Вы уж извините, спартакиада на носу, а бегать в нашем обществе некому. Между прочим, вы показали время первого разряда. И это только без шапки. А если с вас снять дубленку, ботинки и, извините, галстук... Вы можете в два счета стать мастером международного класса!

Подошли милиционеры.

— Постойте! — завопил тренер. — Надо замерить высоту забора.

Он достал рулетку и бросился на меня с поцелуями.

— Голуба, да вам цены нет! Вы ж областной рекорд побили!

Нас повели в отделение.

Через полчаса я уже был членом общества «Динамо».

ВЫХОДИТ ПО СРЕДАМ
Цена 15 коп.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

АДРЕС РЕДАКЦИИ: 103654 ГСП, Москва Ц, Цветной бульвар 30. Телефон для справок: 295 00 00 доб. 63

А. ЧАКОВСКИЙ (главный редактор).
Редакционная коллегия: Ч. АЙТМАТОВ, Б. ГАЛАНОВ, В. ГОРБУНОВ (отв. секретарь), Г. ГУЛИА, Е. КРИВИЦКИЙ (зам. главного редактора), Г. МАРКОВ, Г. МЕРКУЛОЧЕВ, С. НАРОВЧАТОВ, Л. НОВЧЕНКО, О. ПРУДКОВ, Р. САМАРИН, В. СУББОТИН, В. СЫРОКОМСКИЙ (первый зам. главного редактора), А. ТЕРТЕРЯН (зам. главного редактора), А. ХАКИМОВ.

А—07708 Типография «Литературной газеты»: Москва К-51, Цветной бульвар, 30 Зак. 787 ИНДЕКС 50067